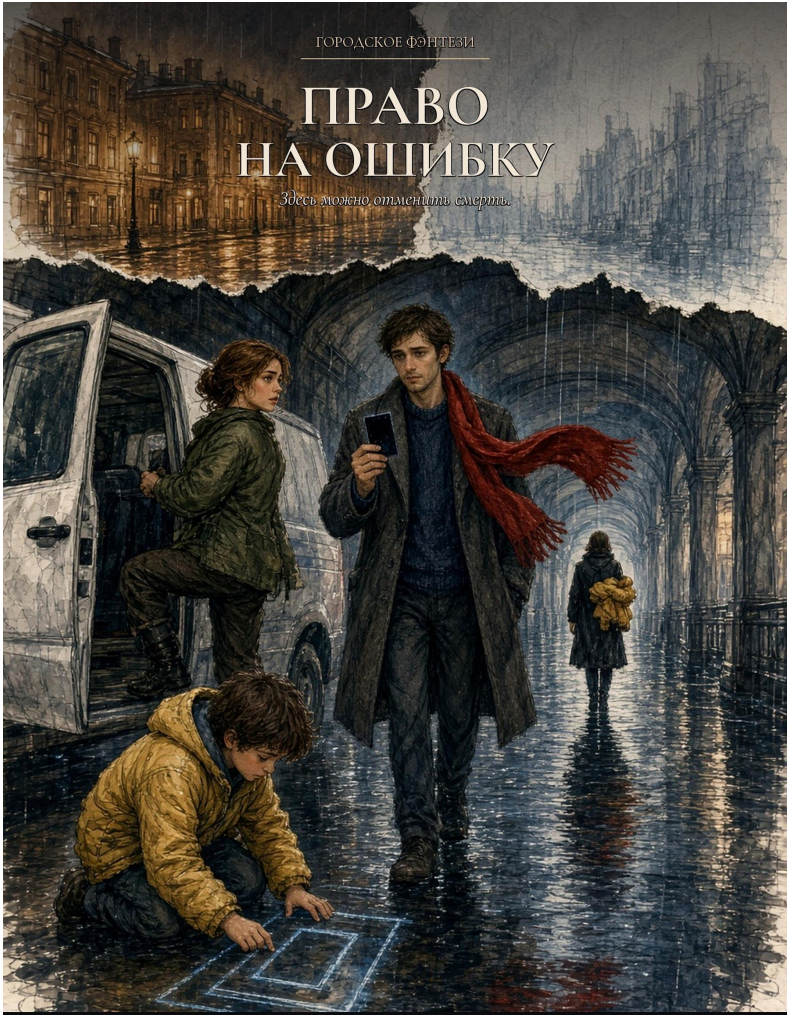

ZLOSOSIS

мистический триллер

ZLO SOSIS
Право на ошибку

https://litres.ru/74835097
SelfPub; 2026

Аннотация

В восемь четырнадцать государство признало Тихона Лазарева мёртвым. В восемь шестнадцать прислало штраф за неявку на собственное опознание.

Тихон подтверждает городские происшествия и двенадцать лет ищет сестру, которая вошла в лифт и исчезла из всех записей.

Здесь можно отменить смерть. Нельзя отменить её цену.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ 4
ГЛАВА ВТОРАЯ 44
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 92
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ 145
ГЛАВА ПЯТАЯ 201
Конец ознакомительного фрагмента. 230

Право на ошибку

Здесь можно отменить смерть.
Но нельзя отменить её цену.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ВАМ НАЧИСЛЕНА СМЕРТЬ

В восемь четырнадцать государство признало меня мёртвым.

В восемь шестнадцать оно же прислало штраф за неявку на собственное опознание.

А в восемь двадцать семь мой начальник позвонил и спросил, собираюсь ли я сегодня работать или уже совсем обнаглел.

— Валерий Аркадьевич, у меня уважительная причина.

— Надеюсь, перелом обеих ног.

— Смерть.

— Тихон, мы все когда-нибудь умрём. Не надо делать из этого выходной.

Он отключился. Кажется, мой довод сочли недостаточно убедительным.

Я стоял на кухне в одном носке, держал телефон над остывшим кофе и смотрел на уведомление городского приложения «СвойГород». Оно было оформлено с той заботли-

востью, с какой обычно сообщают о повышении тарифов.

УВАЖАЕМЫЙ ТИХОН АНДРЕЕВИЧ ЛАЗАРЕВ!

Смерть зарегистрирована: 08:14. Основание: акт установления факта № 00-1/Н. Место хранения тела: станция «Маячная», помещение 0. Для завершения процедуры явитесь лично с паспортом.

Под сообщением красовалась синяя кнопка «ОЦЕНИТЬ КАЧЕСТВО УСЛУГИ».

Я поставил одну звезду. Не потому, что был особенно недоволен смертью. Просто хотелось, чтобы у чиновника, придумавшего кнопку, испортилось утро.

Моя работа называлась «специалист отдела подтверждения городских происшествий». В переводе на человеческий — человек, который просматривает записи с камер, сверяет свидетельские показания и объясняет потерпевшим, почему их потеря не покрывается муниципальной программой компенсаций. У нас существовали отдельные формулировки для утонувшего автомобиля, сгоревшего имущества, пропавшего человека и пропавшего человека, который официально никуда не пропадал.

Последняя формулировка встречалась подозрительно часто.

За три года я изучил два закона устройства мира. Первый: ничто не исчезает бесследно. Второй: если исчезло, у городского управления обязательно найдётся справка, что так и было задумано.

Сегодня я собирался проверить, насколько далеко простирается второй закон.

До работы было четыре остановки на трамвае. На третьей водитель объявил: «Следующая — Площадь Мира», хотя раньше там находилась «Библиотечная». Я поднял голову, собираясь возмутиться, и увидел знакомую аптеку, знакомый киоск с пончиками, знакомую женщину, которая каждое утро грозила голубям судом. Всё было как обычно. Только табличка на остановке уверенно утверждала, что библиотеки здесь никогда не существовало.

Я записал это в блокнот.

В нём уже было сорок восемь таких заметок. Одну улицу перекрасили за ночь вместе с воспоминаниями её жителей. Из архива пропала авария, которую я сам оформлял. Однажды соседка поздравила меня с женитьбой, а через минуту не смогла объяснить, почему принесла шампанское. Моего любимого дворового кота звали Васькой. Потом Платоном. Кот, судя по выражению морды, был единственным, кого перемены не удивляли.

На первой странице блокнота аккуратными печатными буквами было выведено имя: СОФЬЯ ЛАЗАРЕВА.

Двенадцать лет назад моя старшая сестра вышла из лифта и не вернулась домой.

Нет, это звучит неправильно. Я видел, как она вошла в лифт. Двери закрылись. Кабина спустилась на первый этаж. Вышла соседка с третьего. Сони не было.

В тот вечер мама звонила в полицию, папа разбил кулак о металлическую дверь, а я до утра сидел на ступенях с её красным шарфом на коленях. Утром мама спросила, почему я не убрал чужую вещь. Папа уверял, что у него никогда не было дочери. В семейном альбоме оставалось пустое место, где раньше стояла её фотография.

Я пытался доказать обратное так старательно, что меня на месяц отправили к врачу. Врач оказался хорошим человеком: он не сказал, что я сумасшедший. Он сказал, что памяти иногда требуется помощь, а иногда — покой.

Я выбрал помощь себе сам. Начал записывать всё, что не укладывалось в общий вариант событий.

Последнюю запись сделал вчера: «03:17. Весь город замолчал на девять секунд. Кроме меня».

. . .

Наш отдел занимал бывший дворец бракосочетаний. Ещё до моего рождения здесь обещали людям вечную любовь; теперь — возврат денег за разбитые окна. Мраморные колонны сохранились, а надежды заменили электронными очередями.

Рита Орлова сидела за компьютером, обхватив стакан с кофе обеими ладонями. Она выглядела так, будто ночью разгружала вагоны, а утром ей сообщили о повышении плановых показателей разгрузки.

— Ты опоздал, — сказала она.

— На семнадцать минут.

— На двадцать три. Я округляю против тебя.

Я положил перед ней телефон.

— Мне выдали свидетельство о смерти.

Рита прочитала, подняла бровь и повернула экран к свету.

— Поддельное?

— Обижаешь. Государственное.

— Тогда всё гораздо хуже. У подделки можно найти автора.

Она достала из ящика сканер и поднесла к коду уведомления. На мониторе открылось дело с чёрной полосой вместо фотографии и единственной строкой: «Подтверждение производится после устранения расхождения».

— Что это за расхождение? — спросил я.

Рита не ответила. Она нажала ещё несколько клавиш, и на экране возникла запись камеры: туннель метро, белая полоса

перрона, рекламный щит с улыбкой девушки, продававшей банковские кредиты. В углу мерцало время — 03:17:00.

Пустой перрон.

03:17:01.

На перроне стояли четырнадцать человек. Никто не вошёл в кадр. Они просто появились. Все смотрели в сторону рельсов.

03:17:02.

Один из пассажиров развернулся к камере. На голове у него была синяя шапка с помпоном. Вместо лица — гладкая серая поверхность, как у манекена.

03:17:03.

Кадр пошёл рябью. В полосе помех мелькнула женщина в тёмном пальто. Она держала за руку мальчика в жёлтой куртке.

Рита остановила запись.

— Ты тоже это видишь? — спросила она.

— Банковскую рекламу? Ужасная процентная ставка.

— Тихон.

С такой интонацией моё имя произносили либо перед выговором, либо когда дело действительно было плохо.

— Вижу, — сказал я. — И мне очень не нравится, что ты спрашиваешь.

— Запись пришла ночью. Автоматическая система отметила повреждение видеопотока. Я сравнила с соседними камерами. Там за девять секунд вообще ничего нет. Ни изоб-

ражения, ни звука. А на этом файле появилась станция, которой нет на схеме метро.

— «Маячная».

Рита резко повернулась ко мне.

— Откуда ты знаешь?

Я показал уведомление.

Она трижды посмотрела на экран, словно надеялась, что буквы от стыда исчезнут.

— Только никому больше пока не показывай, — произнесла она.

— С каких пор ты веришь в паранормальную чушь?

— Я верю в протоколы. А этот файл уже дважды исчезал с сервера. Второй раз — вместе с сотрудником, который его скачал.

— Уволился?

— Я спросила у кадров, куда делся Максим.

— И?

— Они сказали, что у нас никогда не работал человек с таким именем. А его кружка стоит возле чайника. И вчера в общей таблице было шесть фамилий. Сегодня пять.

Я оглядел кабинет. На подоконнике стояла зелёная кружка с надписью «ГЕНИЙ НА МИНИМАЛКАХ». Очень неудачная эпитафия.

Рита наклонилась ближе.

— Слушай меня. Я отправила дубликат на флешку и распечатала журнал технического доступа. Если кто-то придёт

за этим файлом, делай вид, что впервые слышишь про «Маячную».

— А если этот кто-то покажет удостоверение?

— Особенно если покажет удостоверение.

На этих словах дверь кабинета открылась.

Вошёл Шумов, наш начальник. Его лысина обычно блестела от негодования, но сегодня даже она выглядела встревоженной.

— Лазарев. Орлова. В машину. Немедленно.

— Чью? — спросил я.

— Служебную.

— А она у нас есть?

Шумов бросил на стол ключи с биркой «Аварийная служба».

— Сегодня есть. И ещё: если вас кто-нибудь спросит, у нас нет сотрудника по фамилии Максимов. Так будет безопаснее.

Он пошёл к выходу, но вдруг остановился.

— Тихон, — сказал он, не поворачиваясь. — Ты правда получил уведомление?

Я молча поднял телефон.

Начальник закрыл глаза.

— Проклятие. Значит, не успели.

— Не успели что?

Но Шумов уже захлопнул дверь.

В ту же секунду на принтере у стены загорелся зелёный

индикатор. Он выдал один лист, хотя никто ничего не печатал.

Рита взяла бумагу двумя пальцами.

«ПРИКАЗ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ НЕВЕРНОЙ ВЕРСИИ СОБЫТИЙ».

Ниже шли наши имена. Напротив её фамилии стояло: «Свидетель, допустимо сохранение». Напротив моей: «Источник расхождения. Ликвидация обязательна».

— Может, — осторожно сказала Рита, — ты всё-таки возьмёшь сегодня выходной?

В этот момент зелёная кружка на подоконнике треснула от верхнего края до дна.

Никто её не трогал.

. . .

Служебная машина оказалась белым фургоном с проблесковым маячком, который нельзя было включать, потому что он был незаконно снят со скорой помощи. На двери красовалась надпись «ГОРОДСКАЯ СЛУЖБА ПОДТВЕРЖДЕНИЯ». Под ней кто-то маркером приписал «В ОСТАЛЬНОМ СОМНЕВАЕМСЯ».

Рита села за руль. Она водила так, словно мечтала лично наказать всех участников дорожного движения за несовершенство мироздания. Я пристегнулся и открыл журнал доступа.

— «Маячная», помещение ноль. Адрес привязки — Коминтерна, восемнадцать. Странно.

— Что?

— Там двадцать лет стоит заброшенный кинотеатр «Горизонт». Я в детстве ходил туда на фильм про говорящую собаку.

— И как фильм?

— Собака умерла в середине. Зал рыдал. Я тогда впервые понял, что взрослым нельзя доверять.

Рита усмехнулась, но её пальцы на руле оставались белыми.

— Слушай, — сказала она, — вчера в три семнадцать ты спал?

— Нет.

— Что было?

Я смотрел в окно. За стеклом тянулись магазины, остановки, люди с лицами людей, у которых ещё не украли завтрак.

— Часы на стене остановились. Холодильник перестал гудеть. Машина под окном зависла в воздухе, хотя ехала по выбоине. Девять секунд я слышал, как кто-то идёт по квартире. Не ко мне — сквозь неё. А потом всё продолжилось.

— Звучит как плохая реакция на энергетик.

— Я не пью энергетики.

— Тогда хуже.

— И ещё, — добавил я, — на девятой секунде кто-то произнёс: «Он остался».

Рита не ответила. Мы проехали ещё два перекрёстка, когда на её телефон пришло сообщение. Она бросила взгляд на экран и резко ударила по тормозам.

Мимо нашего капота пролетел курьер на электровелосипеде, показал нам убедительный жест и растворился в потоке.

— Что теперь?

— Это сообщение от меня, — сказала Рита.

Она протянула телефон. Отправителем была «Рита Орлова», время отправки — через сорок одну минуту.

НЕ ВЫХОДИТЕ ИЗ МАШИНЫ. Я ВЫШЛА. НЕ ПОВТОРЯЙ.

Прежде чем я успел что-нибудь сказать, текст исчез. Вместо него появилась реклама доставки суши.

Мы молча посмотрели друг на друга.

— Отлично, — произнёс я наконец. — До обеда дожить не получится. Но скидка на роллы успела.

Рита развернула машину к обочине.

— Едем обратно.

В этот момент навигатор сказал спокойным женским голосом:

«Маршрут перестроен. До пункта назначения — две минуты. Обратный путь отсутствует».

На карте все улицы позади нас стали серыми.

Рита выключила навигатор. Через секунду голос повторил то же самое из динамика рации, которую никто не включал.

Потом — из моего телефона.

А затем кто-то шепнул эти слова прямо за спинками наших сидений.

Мы обернулись одновременно.

На пустом заднем ряду лежал мокрый бумажный билет. На нём были отпечатаны цифры: 03:17 и 00-1/Н.

. . .

Кинотеатр «Горизонт» снесли за десять лет до того, как я впервые увидел его развалины. Так утверждал новый городской сайт. Сами развалины, разумеется, считали иначе: над улицей торчал обломок фронтона, стены были заклеены афишами тридцатилетней давности. За ржавой решёткой виднелась касса с заколоченным окошком.

Теперь там горела лампа.

Женщина лет шестидесяти сидела за кассой и аккуратно складывала в стопку билеты. На ней была форма билетёра с золотыми пуговицами, какой не носят уже целую вечность. Её лицо казалось знакомым; я никак не мог вспомнить откуда.

Рита остановилась возле решётки.

— Мы из городского управления. Нам нужен технический доступ к подземным помещениям.

Женщина подняла глаза.

— Фамилии?

— Орлова. Лазарев.

При моём имени она замерла. Билет в её руке дрогнул.

— Не надо было приводить его, — прошептала она Рите.

— Кого?

— Последнего.

Старуха достала из стопки два билета и протиснула их сквозь щель. Рите достался белый. Мне — чёрный, блестящий, похожий на полоску фотоплёнки. Внизу мелкими буквами было написано: «Возврату не подлежит».

— Это куда? — спросил я.

— Туда, где не доехали.

— Очень содержательно. Вы случайно не родственница моего начальника?

Старуха впервые посмотрела на меня прямо.

Её зрачки были не круглыми, а вытянутыми, как узкие щели для монет.

— Когда объявят вашу станцию, не отвечайте, — сказала она. — И ни в коем случае не отдавайте то, что носите в левом кармане.

Я машинально коснулся куртки. Там лежал блокнот с Сониным именем.

— Откуда вы знаете про карман?

— Потому что один раз вы уже отдали его.

За спиной кассирши щёлкнул выключатель. Лампа погасла.

Когда мы снова смогли разглядеть окошко, женщина ис-

чезла. Вместе с билетами, стопками и деревянным стулом. За стеклом была пыль, непрерывная, нетронутая, как будто там никто не сидел десятилетиями.

— Тихон, — сказала Рита очень тихо. — Я не хочу туда идти.

— И я.

— Тогда зачем мы здесь?

Я поднял экран с уведомлением о собственной смерти.

— Там лежит тело с моим именем. Возможно, впервые за двенадцать лет я встречу человека, который способен объяснить, что происходит.

— Это тело.

— А у меня, как видишь, слишком высокие требования к собеседникам.

Рита смотрела на меня долгую секунду.

— Извини, что не верила тебе раньше.

Я хотел отмахнуться, но что-то остановило. За семь лет знакомства Рита ни разу не произнесла этих слов. Она была из тех людей, которые скорее вытащат друга из горящего дома, чем скажут, что переживают за него. Поэтому я запомнил её извинение.

Позже оно оказалось важнее, чем я мог представить.

Мы отодвинули решётку. Внутри пахло холодным железом, мокрой штукатуркой и сладкой ватой, которая давно испортилась. В бывшем фойе стоял единственный турникет метро. Над ним зеленела надпись:

СТАНЦИЯ «МАЯЧНАЯ»
ПЕРЕХОД МЕЖДУ ВЕРСИЯМИ
ПОСЛЕДНИЙ ПОЕЗД: 03:17

— Это уже точно не строительные работы, — заключила Рита.

Я приложил чёрный билет к считывателю. Турникет пропустил нас обоих, хотя белый билет Риты остался нетронутым.

За турникетом начиналась лестница вниз. Сначала обычная бетонная, с сорванными перилами и ржавыми следами на стенах. Потом плитка стала белой, лампы — новыми, а из темноты потянулся гул приближающегося состава.

Мы спустились на платформу, которой не должно было быть.

Тут всё было законченным, чистым, почти красивым. Мраморные столбы, скамейки, светящиеся табло. Рекламные экраны показывали один и тот же ролик: счастливая семья стояла на крыше, глядя на город. В конце отец поворачивался к камере, улыбался и говорил: «Завтра будет лучше».

На каждом экране у семьи были разные лица.

В дальней части платформы стояли люди. Четырнадцать человек. Я узнал синий помпон на шапке мужчины, хотя он был теперь обычным человеком с уставшим лицом и густыми усами. Рядом сидела женщина, уткнувшись в телефон. Подросток с рюкзаком в форме лягушки болтал ногой. Мальчик в жёлтой куртке рисовал на полу мелом сложную

фигуру — квадрат, разрезанный на семь неравных частей.

Он заметил нас первым.

— Вы опоздали, — сказал мальчик.

— Это сегодня мой профессиональный рекорд, — ответил я. — Ты с кем здесь?

Он показал на женщину у дальнего столба. Та стояла спиной и держала руки в карманах пальто.

— С мамой. Но она пока не моя.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы обдумать фразу.

— Как тебя зовут?

— Мирон.

— А фамилия?

Мальчик стёр мелком угол рисунка.

— Какая сегодня?

Рита присела рядом с ним.

— Сколько тебе лет, Мирон?

— Девять. Вчера было десять. Это не самая плохая неделя.

Из туннеля донёсся металлический звон.

Все пассажиры одновременно подняли головы.

На табло возникла надпись: «ПРИБЫВАЕТ ПОЕЗД. СЛЕДИТЕ ЗА ТЕМ, ЧТО СОХРАНЯЕТЕ».

Грохот усилился. На рельсы легла полоса жёлтого света. Я ожидал увидеть фары, но из черноты выплыла только передняя дверь вагона. Она висела в воздухе на высоте платфор-

мы. За ней мелькало окно, полосатое сиденье и поручень, уходивший в пустоту. Самого вагона не было.

Дверь открылась.

Оттуда шагнул мужчина в форменной фуражке.

На первый взгляд — обыкновенный контролёр: аккуратные брюки, серый пиджак, пробойник билетов в руке. Только пиджак был сшит из сотен слипшихся квитанций, а на месте лица у мужчины вращались три ряда маленьких круглых отверстий. Сквозь них просвечивал дальний конец платформы.

Он щёлкнул пробойником.

У женщины с телефоном пропал голос. Она широко раскрыла рот, попыталась закричать, но не издала ни звука.

Контролёр щёлкнул второй раз.

В синей шапке помпон превратился в дым. Мужчина полез к голове и вдруг с ужасом нащупал гладкую кожу. Под шапкой не было ни волос, ни ушей.

Рита схватила меня за рукав.

— Отходим. Медленно.

Контролёр повернулся к нам. Отверстия в его лице сложились в подобие улыбки.

— Проверка билетов, — произнёс он голосом утренних объявлений. — Просьба не создавать очередь. У вас есть восемь секунд, чтобы указать пункт назначения.

Он поднял пробойник.

На каждом телефоне, на каждом рекламном экране и на

моих часах одновременно загорелся отсчёт.

08.

07.

Четырнадцать пассажиров начали говорить наперебой. «Домой». «На работу». «К сыну». «В школу». Контролёр внимательно слушал и делал отметки в невидимом журнале.

06.

Мирон схватил Риту за ладонь.

— Не говорите, куда хотите, — зашептал он. — Он отнимает именно это.

05.

Я увидел, как человек в синей шапке произнёс «к жене». Его обручальное кольцо почернело, а на экране телефона исчезла фотография женщины. Он смотрел на пустой экран с таким выражением, будто у него выдернули из груди сердце и потребовали заполнить акт об утрате.

04.

— Нам нужен выход отсюда, — сказала Рита.

Пробойник щёлкнул. У неё на плече порвалась ткань куртки, словно невидимый крюк потянул её к двери поезда.

03.

Я бросился к ней, вцепился в предплечье, но пол под моими ногами словно смазали маслом.

02.

— Не выбирай! — крикнул Мирон.

01.

Рита выкрикнула:

— ОСТАТЬСЯ!

Отсчёт погас.

Контролёр поклонился.

— Выбор принят.

Платформа под Ритой разошлась, как разрезанная бумага. В щели не было рельсов, бетона или земли — только множество серых комнат, вложенных одна в другую. В каждой комнате стояла Рита. В одной ей было лет восемь, в другой — сорок, в третьей она лежала под белой простынёй.

Настоящая Рита провалилась по колено. Её кожа начала покрываться строками мелкого текста.

Я дёрнул её на себя. Пальцы проскользнули сквозь рукав.

Она уже становилась бумажной.

. . .

В такие моменты мозг иногда оказывается удивительно бесполезной вещью. Он предлагает позвонить в экстренную службу. Проверить, где находится ближайшая аптечка. Вспомнить, не оставил ли ты включённым утюг.

Мой мозг предложил последнее.

Я едва не закричал от злости — на него, на себя, на этот стерильный перрон, где с людей снимали будущее, словно кожу с яблока.

Контролёр неторопливо направился к нам.

— Пассажир принял решение, — сообщил он. — Исправления не предусмотрены.

Исправления.

Я почему-то вспомнил принтер в кабинете. Приказ. Чёрные буквы напротив Ритиной фамилии.

«Свидетель, допустимо сохранение».

Если один документ разрешает сохранить человека, почему другая часть того же города вправе его уничтожить?

В левом кармане хрустнула бумага. Я вытащил приказ, который машинально сложил утром и сунул к блокноту. Подпись Шумова была настоящей. Печать — тоже. Рита уже ушла в разлом до пояса; от её ног остались только колышущиеся полоски текста.

Я поднял лист перед лицом контролёра.

— Протестую!

Он замер.

— Основание?

— Противоречие между актами. Отдел подтверждения разрешил сохранить свидетеля Орлову. А вы её списываете. Либо ваш приказ незаконен, либо наш. В обоих случаях проверка должна быть приостановлена.

Я говорил так, как на работе разговаривал с людьми, которые хотели получить компенсацию и не приносили квитанций. Только теперь от убедительности зависела не сумма выплаты.

Контролёр выпрямился.

— Уточните номер разрешающего документа.

— Тот же, что и на моей смерти. Ноль-ноль — один дробь Н.

Отверстия на его лице остановились.

Свет моргнул. Реклама оборвалась посреди улыбки. В воздухе передо мной раскрылась прозрачная прямоугольная рамка — будто кто-то включил невидимый монитор.

АКТ РАСХОЖДЕНИЯ № 00-1/Н.

Обнаружено подтверждённое противоречие. Источник: Тихон Лазарев. Статус источника: УМЕР. Статус фактический: НЕ СОГЛАСЕН.

Возможна подача возражения.

ПРАВО I: ОТКАЗ.

Вы вправе аннулировать один уже наступивший исход в пределах одной незавершённой минуты. Отменённый исход не исчезает: он поступает в Реестр невостребованного.

Стоимость: одно совместное воспоминание о вас. Оплата удерживается немедленно.

ПОДТВЕРДИТЬ ОТКАЗ?

Где-то в глубине головы поднялся знакомый холод. Я вспомнил пустое место в семейном альбоме. Соню, которую никто не мог вспомнить. Значит, кто-то когда-то сделал с ней то же, что предлагалось сделать со мной? Нет. Не со мной — с воспоминанием обо мне.

Я посмотрел на Риту. Её рот двигался. Она не звала на помощь. Она, кажется, просила меня бежать.

Восемь лет назад я бы на её месте сделал то же самое. Сейчас это была отвратительная проверка того, насколько я изменился.

— Подтвердить, — сказал я.

Рамка погасла.

Мир дёрнулся назад — не целиком, а маленьким, незаконным кусочком. Звук разорвавшейся ткани прозвучал наоборот. Текст исчез с Ритиных рук. Щель в полу сомкнулась, выталкивая её наружу. Она упала мне на грудь так сильно, что мы оба покатились по плитке.

Контролёр издал звук, похожий на треск перегруженного кассового аппарата.

— Отклонено! — прогремел он. — На данной линии не предусмотрены живые возражения!

Над нами вспыхнула ещё одна строка.

ОТКАЗ ПРИНЯТ. Исход «Орлова остаётся навсегда» аннулирован. Списано: воспоминание Маргариты Орловой, 18 сентября, 22:40–23:40. Содержание: «Ночь после похорон Андрея Лазарева».

И я почувствовал, как что-то вырвали из памяти другого человека.

Не из моей. Я помнил всё.

Помнил, как после похорон отца сидел на ступеньках своего подъезда и не мог войти в квартиру. Как Рита приехала с двумя пакетами еды, ни о чём не спрашивала, просто села рядом. Как мы ели холодные пирожки прямо из коробки,

пока не рассвело. Тогда она впервые сказала: «Не обязательно делать вид, что справляешься один».

Для неё этого часа больше не существовало.

— Рита, — прошептал я.

Она оттолкнулась от меня и отползла на локтях. В её глазах было такое недоверие, будто я только что вытащил её не из смертельной ловушки, а из чего-то ещё более опасного.

— Откуда ты знаешь номер дела? — спросила она. — И почему он тебя слушает?

— Я же только что...

— Тихон, не подходи.

Она говорила без злобы. Хуже. Осторожно, как с незнакомцем, которому ещё не решила доверять.

Я понял: память о нас не была набором отдельных кирпичиков. Убери один, и всё, что стояло на нём, меняет форму.

Контролёр снова щёлкнул пробойником.

На табло появилась новая надпись:

НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ ОТКАЗ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СБОР: 1 ИСТОЧНИК.

— Это я, — догадался я.

— Можно не представляться, — сказала Рита. — Я уже поняла, что он тебя очень не любит.

— Сходство с моим начальством поразительное.

Контролёр вытянул руку. Пробойник распахнулся, и из двух его зубцов выстрелила узкая медная полоска. Она прошла над Ритиным плечом, ударилась в мрамор и вырезала

из колонны прямоугольник величиной с дверь. Камень упал без звука — внутри прямоугольника больше не было самого понятия звука.

Я вцепился в рукав Риты и потащил её за скамейку. Следующая полоска сняла с пола слой плитки вместе с отражением света. Под ней открылся тот же провал в серые комнаты.

— У тебя есть оружие? — спросила Рита.

— Степлер.

— Тихон!

— Тяжёлый! Металлический!

Я вытащил из портфеля канцелярский степлер, которым начальник запрещал пользоваться для личных целей, и тут же почувствовал всю нелепость происходящего.

Контролёр, похоже, тоже. Он приостановился, рассматривая железку. На секунду его дырчатое лицо стало выражать профессиональную обиду: нарушитель порядка явился на проверку без уважения к форме.

Потом Рита швырнула в него скамейку.

На первый взгляд она была хрупкой: короткие тёмные волосы, аккуратные серьги, вечно усталый взгляд. Но в студенчестве Рита шесть лет занималась тяжёлой атлетикой. По её словам, бросила, когда поняла, что в жизни чаще приходится поднимать чужую глупость.

Скамейка ударила контролёра в грудь. Его тело разлетелось кипой квитанций — и собралось обратно. Но мы выиг-

рали пару секунд.

— Мирон! — крикнул я. — Где выход?

Мальчик уже собрал свой мел и полз под платформенной скамьёй. Он указал на служебную дверь в конце зала.

— Туда. Но над дверью должно быть написано «НЕ ВХОДИТЬ». Если написано «ВЫХОД» — не открывай.

— Почему?

— Потому что это обман, очевидно же!

Что ж, логика девятилетнего человека на невозможной станции пока превосходила нашу.

Я схватил мальчика за капюшон и поставил на ноги. Мы побежали втроём. Сзади раздавался перестук пробойника, будто кто-то пытался пробить не билеты, а саму минуту. Каждый щелчок срезал что-нибудь с мира: плакат, трещину на стене, чей-то вскрик.

У дверей стояла та женщина в тёмном пальто, которую Мирон называл мамой. Она по-прежнему не поворачивалась. Теперь я заметил, что её пальто мокрое, хотя на платформе не было ни капли воды.

— Заберите ребёнка! — крикнул я.

Женщина чуть наклонила голову.

— Какого? — спросила она.

Мирон схватил меня за руку.

— Не разговаривай с ней. У неё ещё нет рта.

Я обежал женщину и невольно взглянул ей в лицо.

Рта действительно не было.

Были глаза, нос, подбородок. А там, где должны были находиться губы, кожа вздрагивала, будто под ней кто-то беззвучно колотил кулаками. Она всё равно произнесла моё имя, и голос раздался из трёх десятков рекламных экранов:

— Тихон Лазарев. Верните то, что не успели потерять.

За нами прогремело:

— НАЗНАЧЕНА ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ПОСАДКА!

Дверь с надписью «ВЫХОД» распахнулась сама. За порогом простиралось огромное поле под белым небом. Тысячи людей, неподвижных, как садовые фигуры, стояли среди травы. У каждого на груди висел билет. У некоторых билеты были прибиты гвоздями.

Рита захлопнула эту дверь ногой.

Рядом обнаружилась узкая техническая створка, на которую кто-то в спешке наклеил бумажный лист: «НЕ ВХОДИТЬ. ПОМЕЩЕНИЕ 0».

— Сюда! — крикнул Мирон.

— Я думал, нам нужен выход!

— Сначала нужно попасть туда, где вы закончились!

Удивительно, как быстро привыкаешь доверять ребёнку, который произносит подобные вещи совершенно буднично.

Я толкнул створку. Из-за неё дохнуло морозильным воздухом.

Мы влетели внутрь. Рита захлопнула дверь и навалилась плечом на металлическую ручку. С другой стороны ударили чем-то тяжёлым. Раз. Второй. На поверхности стали просту-

пать мелкие круглые отверстия.

— Долго не выдержит, — выдохнула она.

— Значит, не задерживаемся.

— Ты знаешь, куда мы попали?

Я осмотрел помещение.

Ряды высоких металлических шкафов. Холодный свет. Каталки на колёсах. На двери напротив красовалась табличка: «ОПОЗНАНИЕ».

У меня очень неприятно похолодели ладони.

— Кажется, — сказал я, — ко мне домой.

. . .

В морге было сорок металлических ячеек, две каталки и

кондиционер, который работал так, словно хотел заморозить не воздух, а совесть. На дальней стене висели часы. Их стрелки стояли на восьми четырнадцати.

Мирон добежал до раковины, взобрался на табурет и начал отчаянно мыть руки. Мел не смывался. На его пальцах линии складывались в тот самый семичастный квадрат.

— Нам нужно уходить, — сказала Рита. — Через вентиляцию, аварийный люк, хоть через канализацию. Что угодно.

Я кивнул, но уже увидел нужную ячейку.

На матовой дверце была напечатана моя фамилия. Под ней — моё имя и отчество. Ещё ниже дата рождения, совпадающая с моей, и отметка о времени поступления: 08:14.

— Рита.

— Нет.

— Я даже не спросил.

— У тебя лицо человека, который сейчас откроет холодильник с собственным трупом. Я заранее против.

За дверью что-то скрежетало, с каждым ударом делая в металле всё больше дыр. На мой протест рассчитывать второй раз не приходилось. В голове висела тусклая строка: «ОТКАЗ: повторное применение недоступно до восстановления личной непрерывности». Что бы это ни значило, я предпочёл пока не проверять.

Я потянул ручку холодильника.

Внутри лежал я.

Не двойник в маске и не человек, похожий на меня с опре-

делённого ракурса. Моё лицо с кривой переносицей, сломанной в драке в девятом классе. Родинка под правым ухом. Тонкий шрам на подбородке от падения с велосипеда. Даже дешёвое обручальное кольцо на цепочке — папино — висело у него на шее, как у меня.

Было одно отличие.

Он выглядел старше. Не на год или два. Лет на пятнадцать. Седина у висков, морщины вокруг глаз, руки с мозолями человека, который давно перестал работать за компьютером. А ещё на внутренней стороне левой ладони у него было выжжено число 17.

Я посмотрел на свою ладонь. Ничего.

— Это... ты? — спросила Рита.

— Если да, то мне не нравится, как я старею.

— Тихон.

— Я пытаюсь не орать.

Под телом лежала тонкая папка. Я вытащил её — холодную, влажную, с красной печатью поверх обложки. На первой странице значилось:

СУБЪЕКТ № 17. Ф.И.О.: ЛАЗАРЕВ ТИХОН АНДРЕЕВИЧ. Возраст на момент завершения: 43 года. Попытка сохранения города: семнадцатая. Результат: НЕУДАЧА. Причина неудачи: источник отказался завершить коррекцию.

Ниже кто-то карандашом дописал от руки: «Восемнадцатый не должен узнать, зачем мы это начали».

Мне стало трудно дышать.

На соседней странице была фотография города с высоты. В центре темнела огромная круглая пустота. Вокруг неё стояли уцелевшие дома, а дальше, на горизонте, не было ничего: ни пригородов, ни деревень, ни линий электропередачи. Город обрывался, будто кто-то вырезал его из карты мира и не потрудился подложить новую бумагу.

Оборот был исписан тем же почерком, что и папина старая записная книжка.

«Не существует безопасной версии. Каждый раз мы оставляем снаружи кого-нибудь другого. Если читаешь это, то ты ещё не принял решение. Хорошо. Пусть восемнадцатый хотя бы выберет сам».

— О чём здесь речь? — спросила Рита.

Я не знал. И это было страшнее всех ответов, которые уже успел придумать.

Дверь в помещение ноль прогнулась внутрь. Из металла стали выпирать маленькие штыри. Сотни пробойников медленно прогрызали себе путь.

— Бежать, — скомандовала Рита.

Но Мирон вдруг воскликнул:

— Стойте! Здесь написано, что вы уже вышли!

Он стоял у настенного журнала с раскрытыми страницами. В одной колонке были фамилии поступивших, в другой — отметки о выдаче тел. Напротив моего имени стояла печать: «ВЫБЫЛ». Напротив Ритиной фамилии — «ПРОВЕРКА НЕ ЗАВЕРШЕНА». Напротив Мирона не было ничего.

— Ты как попал на станцию? — спросил я мальчика.

Он напрягся.

— С мамой.

— Мирон. Мы оба видели её. Это не была твоя мама.

— Сегодня не была, — сказал он глухо.

— А вчера?

Он уставился в пол.

Из-за двери донёсся отчётливый голос контролёра:

— Источник Лазарев! Время вашего хранения истекло! Просьба добровольно проследовать на утилизацию!

Я распрямился.

Погоди-ка.

Истекло время хранения. Он обращается ко мне как к покойнику. На двери моё имя. На официальном акте стоит печать. И в журнале я уже выбыл.

Управление городом было кошмарным, но, если я чему-то научился на своей работе, так это тому, что бюрократия может не заметить падения метеорита, зато никогда не пропустит неверно заполненную графу.

— Рита, у тебя остался белый билет?

— Да.

— Отдай мне.

Она протянула его. Я сравнил два билета. На её белом было написано «ПАССАЖИР». На моём чёрном — «НЕВОСТРЕБОВАННЫЙ». Под временем отправления мелко значилась сноска: «Взыскание возможно лишь в отношении

действующего пассажира».

Я едва не рассмеялся.

— У вас здесь людей убивают на основании транспортных правил, — пробормотал я. — Но ведь их всё равно кто-то утверждал.

— О чём ты? — спросила Рита.

Я сунул ей чёрный билет.

— Когда я скажу, беги к служебной лестнице. И Мирона не отпускай.

— А ты?

— Я уже вышел. Есть бумага.

— Тихон, только попробуй героически умереть! Я тебе даже на похороны не приду!

— Вообще-то мои похороны, судя по документам, давно закончились.

Дверь лопнула. Контролёр протиснулся через металлическую раму, рассыпая болты по полу. Его пиджак из квитанций стал почти чёрным. Отверстия на лице вращались с такой скоростью, что гудели.

— НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ПРОВОЗА! — взревел он. — Пассажир Лазарев не прошёл контроль!

Я поднял журнал выдачи тел, раскрытый на нужной строке.

— Возражаю. Я не пассажир.

— НЕ ВЫЯВЛЕНО ДЕЙСТВУЮЩЕГО ПРОЕЗДНОГО ДОКУМЕНТА!

— Именно. И у вас нет права взыскивать с меня плату. Я умер в восемь четырнадцать. Подтверждаю справкой и при необходимости готов предоставить труп.

Контролёр замер.

Его дырчатое лицо наклонилось к журналу. Пробойник дрогнул.

— СУБЪЕКТ ЛАЗАРЕВ... СТАТУС: ЗАВЕРШЁН. УТОЧНЕНИЕ... УТОЧНЕНИЕ...

Я ткнул пальцем в печать «ВЫБЫЛ».

— И, кстати, повторное оформление завершённого пассажира — это двойное взыскание. Серьёзное нарушение. Хотите, напишу жалобу?

Внутри контролёра что-то щёлкнуло. Потом ещё раз. Наконец он повернул пробойник к собственной груди и пробил на пиджаке круглое отверстие.

— ОШИБКА КОНТРОЛЯ, — произнёс он куда тише. — ПРОЦЕДУРА ПРИОСТАНОВЛЕНА ДО ВНЕОЧЕРЕДНОЙ СВЕРКИ.

Все лампы вспыхнули красным.

— Сейчас! — крикнул я.

Рита подхватила Мирона, сорвала с запора аварийную ручку возле выхода и дёрнула её вниз. Под потолком открылась узкая лестница с металлическими ступенями. Оттуда повеяло сыростью, настоящей сыростью дождливого города, а не холодом этой выдуманной станции.

Они полезли вверх.

Я отступил к лестнице, не сводя глаз с контролёра. Он продолжал пробивать собственный пиджак, словно пытался наказать себя за неправильно составленный отчёт.

На четвёртом щелчке его голос изменился.

— Источник... — прошептал он. — Семнадцать исправлений. Семнадцать неудач. Вы должны были остаться там.

— Где?

— В мире, который вы сохранили в первый раз.

Он поднял голову.

Маленькие круглые отверстия на лице сложились в одно широкое, и оттуда на мгновение выглянуло человеческое лицо — мальчишеское, испуганное, едва ли старше Мирона.

— Пожалуйста, — выдохнул мальчик внутри. — В следующий раз не выбирай меня.

Потом дырки снова сомкнулись. Контролёр вцепился зубцами пробойника в собственную шею и оторвал верхнюю часть туловища, перекрывая нам дорогу.

Я взлетел на лестницу за Ритой. Сзади прокатился вой, от которого болели зубы. Ступени дрожали под ногами. Кто-то снизу тянулся за моим ботинком, но я успел ударить ногой и почувствовал, как подошва проходит сквозь холодный бумажный край.

Верхний люк был заперт.

Рита колотила по нему плечом.

— Не открывается!

— Покажи билет!

— Какой?!

— Чёрный!

Она прижала карточку к ржавому замку. Железо щёлкнуло. Люк приподнялся на пару сантиметров, и на нас хлынула дождевая вода.

Мы вывалились из канализационного люка на тротуар перед обычным продуктовым магазином. Люди обходили нас, недовольно косились на мокрые куртки и торопились по своим чрезвычайно важным делам. Кто-то снимал видео. На другой стороне улицы женщина кричала в телефон, что зелёный лук опять подорожал.

Я лежал на асфальте, глотал воздух и смотрел на серое небо.

Никогда ещё обычная жалоба на цену овощей не казалась мне столь прекрасной.

. . .

Мы выбрались в квартале от бывшего кинотеатра. На месте «Горизонта» теперь стоял новый стеклянный торговый центр.

Его отражение в луже было неправильным. На секунду в воде проступили обгоревшие стены, решётка и тёмное окошко кассы. Потом прошёл автобус, лужа дрогнула, и старый кинотеатр исчез.

Рита вызвала скорую для людей на станции. Диспетчер

вежливо объяснила, что в городском метрополитене отсутствует станция «Маячная», а заявления о несуществующих происшествиях могут повлечь административную ответственность. Когда Рита спросила, существуют ли девять секунд, исчезнувшие из её телефона, диспетчер повесила трубку.

Мирон сидел на бордюре, рисовал мелом на мокром асфальте свой квадрат. Я присел рядом.

— Почему ты мне помог?

Мальчик посмотрел на меня с таким взрослым утомлением, какого не должно быть у детей.

— Потому что в прошлый раз ты помог мне.

— Мы не встречались.

— Ты так говоришь каждый раз.

Он провёл последнюю линию. Теперь рисунок походил на схему города, в середине которого была крошечная чёрная точка.

— Это что? — спросил я.

— Место, куда складывают неслучившееся. Когда оно переполнится, город перестанет помещаться сам в себе.

— Откуда ты знаешь?

— Я жил там, — сказал Мирон. — Один раз. Очень долго.

Рита вернулась, держа телефон у уха. На лице у неё было странное выражение.

— Шумов не отвечает. Его номер больше не существует. И мне пришло сообщение от отдела кадров.

Она показала экран.

«Уважаемая Маргарита Павловна! Уведомляем об упразднении отдела подтверждения городских происшествий. Ваш трудовой договор не заключался».

— Замечательно, — сказал я. — Человека лишили работы задним числом. Это новый уровень оптимизации.

Рита не улыбнулась.

— Тихон. Я почему-то помню, что ты мой коллега. Помню наши дежурства, отчёты и общую кухню. Но не могу понять, почему была уверена, что могу тебе доверять. Словно из памяти вырвали что-то важное.

Я не нашёл слов.

Она посмотрела на мой промокший рукав, потом на Мирона.

— Ты всё равно вернулся за нами, — произнесла она. — Значит, пока поверю заново. Но расскажешь всё. Без твоих дурацких шуток.

— Они не дурацкие. Некоторые имеют государственную регистрацию.

Она выдохнула и на мгновение закрыла глаза.

У меня снова дрогнул телефон.

Не уведомление «СвойГорода». На экране открылся тот самый прозрачный прямоугольник, видимый только мне. Он появился поверх трещин, словно реальность на телефоне была лишь старой фотографией.

АКТ 00-1/Н. ПРОМЕЖУТОЧНОЕ ЗАКРЫТИЕ.

Подтверждено: 1 отменённый исход. Изъято из обращения: 1 несуществующая станция. Сохранено: 2 свидетеля.

Уровень полномочий: I — ОТКАЗ. Следующий допуск: ПОПРАВКА. Условие открытия: обнаружить автора первичного расхождения.

Предупреждение: обнаруженное противоречие не является ошибкой. Оно является результатом вашего решения.

Я медленно перечитал последнюю строку.

— Этого не может быть, — сказал я.

Мирон поднял голову.

— Что там?

Я хотел ответить, но экран уже изменился. Появилась фотография — зернистый кадр, снятый в помещении ноль. Я стоял возле собственного тела, держа открытую папку. Снимок был сделан сверху, из угла морга.

В нижней части фотографии находилась отметка времени: 03:17 завтрашнего дня.

Завтрашнего.

А рядом, в отражении металлического шкафа, стояла женщина в красном шарфе. Её лицо было почти не видно, но я узнал тонкую серебряную заколку в форме звезды. В детстве я подарил её Соне, выиграв в тире возле цирка. Заколка была дешёвой и кривой. Она носила её каждый день, потому что знала, как я старался.

Под фотографией высветился новый текст.

НАЗНАЧЕН ИСПОЛНИТЕЛЬ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ

КОРРЕКЦИИ.

Ф.И.О.: СОФЬЯ АНДРЕЕВНА ЛАЗАРЕВА. Статус: НЕ РОЖДАЛАСЬ. Отношение к источнику: СЕСТРА. Задача: УСТРАНИТЬ ТИХОНА ЛАЗАРЕВА ДО 03:17.

Оставшееся время: 17 часов 41 минута.

Я перестал слышать улицу.

Двенадцать лет я искал доказательство, что моя сестра существовала. И наконец получил его в виде официального приказа на собственное убийство.

— Тихон? — позвала Рита.

Я не ответил.

Из динамика моего телефона раздался тихий, до боли знакомый смех.

— Тиша, — сказала Соня. — Только не умирай раньше, чем я до тебя доберусь.

Связь оборвалась.

На ладони Мирона мелом было написано число семнадцать.

Он быстро спрятал руку в карман.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ЛИЦО, КОТОРОГО НЕТ В РЕЕСТРЕ

Первое, что я сделал, узнав, что родная сестра получила официальный приказ меня устранить, — проверил время.

Девять тридцать шесть.

До назначенной смерти оставалось семнадцать часов сорок одна минута. Часы на телефоне шли исправно. Мне это показалось оскорбительным. Когда выясняется, что мир состоит из подделанных воспоминаний, время могло бы хотя бы из вежливости растеряться.

— Вы оба смотрите на меня так, будто я сейчас взорвусь, — сказал я.

— Нет, — ответила Рита. — Я смотрю, как человек, который только что вылез из несуществующего морга, собирается снова сделать какую-нибудь глупость.

Мирон сидел на бордюре, держа левую руку в кармане. Пальцы правой судорожно крошили голубой мел.

— А я смотрю, — добавил он, — потому что твоя сестра уже здесь.

Рита не стала переспрашивать. В этом заключалась одна из многих причин, по которым я её ценил: она умела пропускать бесполезную стадию отрицания.

— Где? — спросила она.

Мирон показал на проезжавший автобус.

За грязным задним стеклом отразилась остановка, возле которой мы стояли. Наши фигурки. Мокрый асфальт. Синяя вывеска продуктового магазина.

И четвёртая фигура — женщина в красном шарфе.

Я обернулся.

Позади никого не было.

В автобусном стекле женщина подняла руку, будто хотела помахать. Серебряная звёздочка блеснула в волосах. Потом автобус повернул за угол, и она исчезла вместе с отражением.

— Извини, — сказал я в пустоту. — Можно без семейных визитов через общественный транспорт?

Ответ пришёл из динамика пешеходного светофора:

— Тиша, у тебя всегда были отвратительные манеры.

На светофоре загорелся зелёный человечек. Он стоял лицом к нам, хотя должен был идти.

Рита схватила меня за воротник и потащила прочь.

— Машина в квартале отсюда. Двигаемся.

— Мы не можем просто бегать до трёх ночи, — возразил я. — Тем более она умеет ездить автобусом без билета.

— Что предлагаешь?

Я показал на телефон. Уведомление о моей смерти никуда не делось.

— Оспорить решение.

Рита остановилась.

— Какое именно? Об убийстве? О назначении сестры? Или о том, что ты умер?

— Начнём с последнего. Если официально я жив, контролёр больше не сможет считать меня невостребованным. Но и сестре, возможно, придётся искать нового адресата.

— Возможно, — повторила Рита. — Ненавижу это слово.

— А я его обожаю. Оно позволяет сотрудникам моего отдела отказывать гражданам, не принимая на себя никакой ответственности.

Мирон соскочил с бордюра.

— Нельзя отменять смерть, пока не докажешь, что она твоя.

— Фраза звучит так, будто её написал нотариус, взятый в заложники.

— Они так и пишут, — сказал Мирон.

Через дорогу находился Центр муниципальных услуг. Стеклянное здание с лозунгом «МЫ ДЕЛАЕМ ГОРОД ПОНЯТНЕЕ». Под лозунгом кто-то приклеил бумажную жалобу на непонятный график работы.

Я увидел в этом хороший знак. Не в графике — в наличии жалобы. Значит, в городе ещё оставались люди, готовые сопротивляться.

Мы вошли втроём.

. . .

Очередь двигалась медленно и с достоинством похоронной процессии. У терминала ругались двое мужчин из-за номера талона. Женщина в розовом пуховике пыталась доказать сотруднице, что её автомобиль находился в гараже до того, как гараж построили. На стене висел электронный экран с социальной рекламой: «ВЧЕРА БЫЛО ИМЕННО ТАК, КАК ВЫ ПОМНИТЕ».

— Прекрасный лозунг, — сказал я. — Особенно для тех, кто помнит по-разному.

Рита выбрала на терминале услугу «Исправление сведений об умершем».

Экран предложил предъявить документ умершего, подтверждение личности заявителя и справку о том, что заявитель не является умершим.

— Шах и мат, — сказала Рита.

— Не торопись. Внизу есть звёздочка.

Сноска гласила: «Для умерших, явившихся лично, предусмотрен внеочередной приём».

Терминал выдал талон Н-000.

Приём начался немедленно.

За окошком с номером ноль сидела сухопарая женщина, слишком молодая для такой обречённости. На столе у неё стоял искусственный кактус с прикреплённой табличкой «НЕ ТРОГАТЬ. КУСАЕТСЯ».

— Паспорт, — сказала она, не подняв головы.

Я передал документ. Женщина открыла его, сравнила фотографию с моим лицом и вдруг осторожно положила паспорт на стол, будто тот начинал нагреваться.

— Вы уже были у нас сегодня.

— Впервые слышу.

— Восемь четырнадцать. Оформлена смерть.

— Собственно, поэтому и пришёл.

— Ранее произведено опознание.

— Кем?

Она повернула монитор так, чтобы я мог видеть.

В графе «Заявитель» значилось: «Лазарев Тихон Андреевич».

Ниже стояла моя подпись.

Я никогда не расписывался настолько аккуратно. Моя подпись больше напоминала электрокардиограмму человека, не согласного со счетами за отопление. Эта же выглядела почти торжественно. Но характерный крючок над буквой «з» я узнал.

Он был моим.

— Посмотрите внимательно, — попросил я. — Заявитель и покойный — одно лицо. И покойный сейчас стоит перед вами.

Сотрудница шумно втянула воздух.

— В этом случае вам нужна процедура подтверждения личной непрерывности.

— Какой непрерывности?

Она открыла инструкцию. В отличие от всего остального в нашем городе текст инструкции выглядел вечным.

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ЛИЧНОЙ НЕПРЕРЫВНОСТИ.

Необходимо предъявить три независимых основания:1. Материальный след, существовавший до последнего расхождения.2. Свидетель, лично знавший заявителя до последнего расхождения.3. Документальное подтверждение, созданное независимо от действующего Реестра.

Недопустимо использовать три основания, происходящие из одного источника. Каждое подтверждение погашается после применения Права.

Я прочёл последнее дважды.

Значит, мой «Отказ» не сломался. Я просто уже потратил право быть собой — и должен снова доказать, что существую.

— Отлично, — сказал я. — У меня есть свидетель.

Рита шагнула вперёд.

— Семь лет знаю его. К несчастью, лично.

Сотрудница нажала кнопку. Напротив второго пункта вспыхнул зелёный индикатор.

— Один из трёх, — сказала она. — Остальные?

Я показал цепочку с отцовским кольцом.

— Носил до вчерашней ночи. Есть семейные фотографии, где оно у отца.

— Фотографии из цифрового архива?

— Бумажные.

— Приносите.

— А документ, не связанный с вашим Реестром?

Сотрудница бросила взгляд на Риту, потом на Мирона. Тот стоял у окна и смотрел не на улицу, а на собственное отражение. На стекле его рука была чистой. В действительности на ладони белело число 17.

— Бумажный архив до перехода города на электронный учёт, — сказала сотрудница почти беззвучно. — Других независимых источников больше нет.

Загорелся красный значок.

На мониторе открылась вкладка, которую она не нажимала.

СЛУЖЕБНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ. Заявитель Н-000 выявлен. Дело передано Комитету непрерывности. Приостановить обслуживание. Рекомендовано сохранить спокойствие заявителя до прибытия группы коррекции.

— Вы сотрудница Комитета? — спросил я.

— Нет.

В её глазах появились слёзы.

— Тогда почему трясётесь?

Она прикусила губу.

— Потому что я только что вспомнила, что вчера у меня был сын.

Она достала из кармана снимок мальчика лет четырёх на детской площадке. На обратной стороне шариковой ручкой было написано: «Артём, первый снег». На фотографии женщина держала мальчика за руку, но её собственное лицо было закрашено серым пятном.

— Утром муж сказал, что мы никогда не заводили детей. А у меня в шкафу стоит его куртка. Я принесла снимок сюда. Сотрудница из архива сказала: «Раз вы ещё помните, спрячьте». Потом она забыла, что сказала это.

Сверху раздался негромкий звон.

Электронная очередь обновилась.

ПРИЁМ ЗАВЕРШЁН.

ПОСЕТИТЕЛЬ Н-000 НЕ ОБНАРУЖЕН.

Все люди в зале разом повернули головы в нашу сторону.

Точнее, в сторону места, где мы стояли. Их взгляды сколь-

зили сквозь меня, словно между Ритой и Мироном оставили пустое пространство.

— Рита? — тихо произнёс я.

— Я тебя вижу, — сказала она, но слишком быстро.

Она вцепилась мне в руку. Я почувствовал тепло её ладони. Пока не исчезло, я ещё существовал.

— Не смотрите в камеры, — прошептала сотрудница. — Они сравнивают вас с записью. Если оба кадра совпадут...

Договорить она не успела.

Три потолочные камеры одновременно повернулись к нам.

И через стеклянную входную дверь вошла моя сестра.

. . .

У Сони было то же лицо, что двенадцать лет назад.

Девятнадцатилетняя девушка, у которой всё ещё оставались веснушки на переносице, слишком серьёзный взгляд и привычка сжимать губы, когда она злилась. Если бы не красный шарф, я бы всё равно узнал её по тому, как она отодвигала волосы от лба двумя пальцами.

Соня была старше меня на три года. По календарю ей сейчас должен был исполниться тридцать один. Но календарь, как выяснилось, принадлежал не самой надёжной части мироздания.

Я столько лет представлял нашу встречу, что мог бы со-

ставить по ней методичку. Сначала обнять. Потом спросить, где она была. Потом, возможно, немного поругаться из-за того, что оставила меня с нашим общим детством в одиночку.

Ни в одном варианте методички не было пункта «спасаться от убийцы с государственной печатью».

— Соня, — произнёс я.

Она остановилась в трёх метрах.

Глаза её дрогнули. Я успел увидеть в них что-то очень похожее на радость — до того, как она заметила Риту, Мирона и красный индикатор над нашим окошком.

— Тиш, — сказала она, — не произноси моё имя там, где ведётся запись.

Поздно.

На всех мониторах в зале появилась фотография Сони. Лицо на ней состояло из аккуратных чёрных прямоугольников — как в документах, где сведения закрасили маркером.

СЛУЖЕБНАЯ ОШИБКА. Обнаружено лицо с отсутствующей записью о рождении. Предписана проверка обоих источников.

— Ну наконец-то семейная льгота, — пробормотал я. — Нас хотят убить вместе.

Соня шагнула ко мне. Я сделал то же самое.

Между нами опустилась прозрачная стеклянная перегородка.

Ещё секунду назад её не было.

Соня ударила ладонью по стеклу.

— Назад!

По её пальцам пошли белые трещинки. Не кровь. Не порезы. На коже появлялись строки — дата рождения, рост, место регистрации. Одна за другой они перечёркивались тонкой красной линией.

— Не стой передо мной, — сказала Соня. — Они используют отражение!

Рита схватила с соседнего стола тяжеленный дырокол и метнула его в ближайшую камеру. Осколки посыпались на очередь талонов.

— У меня тоже есть профессиональное оборудование, — сообщила она.

Вторая камера повернулась. Я успел увидеть на мониторе себя — неподвижного, с закрытыми глазами, как на фотографии из морга.

Рита ударила меня плечом. Мы врезались в стойку с буклетами, и тонкий красный луч прошёл над моей головой.

Лицо старика за стойкой исчезло.

Не кожа, не черты. Его голову словно размыли мокрой кистью; вместо лица осталась поверхность без выражения. Старик попытался закричать, но звук вышел из динамиков под потолком.

Люди бросились к выходу.

Соня развернулась, закрывая стекло собой. Красный шарф взвился, хотя в помещении не было ветра. Внутри ткани я увидел сотни маленьких строчек, словно он был соткан

из чьих-то имён.

— В служебный коридор! — крикнула она. — И не останавливайся, даже если услышишь мой голос!

Это прозвучало не как команда убийцы. Скорее как то, что говорила мне Соня в детстве, когда мы убегали от соседского пса.

Рита схватила Мирона. Я рванул к неприметной двери за стойкой.

На ней висела табличка «ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЁН».

— Уже теплее, — сказал я.

Замок оказался обычным. Я всадил в щель металлический степлер, который так и носил после «Маячной», и дёрнул ручку. Из степлера вылетела пружина, зато дверь открылась.

— Прошу занести в акт, — сообщил я, — гибель служебного имущества.

Рита вытолкнула меня в коридор.

Позади хлопнуло стекло. Я оглянулся на полсекунды и увидел Соню: она стояла среди вращающихся камер, вытянув руку. На её пальце сверкнуло папино кольцо.

Нет. Моё висело у меня на шее.

То, что было у неё, отличалось узкой чёрной полоской, которой на кольце отца никогда не было.

Стена захлопнулась, отрезав сестру от нас.

Из-за неё раздался детский голос:

— Коррекция приостановлена. Исполнитель отказывается от порядка действий.

Голос был точь-в-точь как у мальчика, мелькнувшего внутри контролёра.

Потом кто-то принялся скрести стену с другой стороны.

Мы побежали.

. . .

Служебный коридор вывел нас в прачечную.

По крайней мере, дверь с другой стороны называлась «Прачечная № 4». Внутри шумели промышленные машины, хотя пол был сухой, а на вешалках вместо белья висели пустые чехлы с номерками. Я приоткрыл один. Под тканью оказалось пальто, совершенно похожее на моё. Во втором чехле висела Ритина куртка, только с простреленной спиной.

Я немедленно закрыл оба.

— Не трогай, — сказал Мирон.

— Уже не трогаю.

— Не вешай назад. Ты уже выбрал, когда открыл.

— Мне кажется, — заметила Рита, — ты специально сообщаешь опасные правила после того, как мы их нарушили.

— Если рассказывать все сразу, взрослые не слушают. Они думают, что я придумываю.

Мы выскочили через чёрный ход во двор булочной. Лил дождь. Вокруг стояли нормальные мусорные контейнеры и

пахло нормальным подгоревшим хлебом. Я никогда не думал, что так полюблю бытовые недостатки.

Рита задвинула металлическую задвижку.

— Объясни, что сделала твоя сестра.

— Судя по всему, спасла нам жизнь.

— У неё приказ тебя устранить.

— Возможно, она хочет оставить это удовольствие себе.

— Тихон.

— Я не знаю. Я двенадцать лет искал её, Рит. Дай мне хотя бы десять минут, прежде чем решать, верю ли я приказу больше, чем ей.

Рита молчала. Потом кивнула, и этим маленьким движением вернула мне часть опоры, которую потеряла на «Маячной».

Мирон присел возле лужи и нарисовал мелом квадрат. Семь частей. Шесть линий сходились к пустому уголку.

— Почему именно семь? — спросил я.

— Столько дверей у комнаты, в которой нет выхода.

— Это плохая архитектура.

— Архитектор думал, что всем будет лучше.

Он поднял глаза.

— Когда станете выбирать, не верьте тому, кто скажет «всем». Всех не бывает в одной комнате.

Я хотел расспросить дальше, но Мирон вдруг зажал себе рот ладонью и стал смотреть мне за спину.

К воротам двора подошёл мужчина в светлом плаще.

Невысокий, с чемоданчиком, как у продавца лекарств. Лицо обычное, если не считать того, что я никак не мог удержать его в памяти. Стоило отвести взгляд, и черты растворялись. Лицо становилось круглым, потом узким, молодым, пожилым — будто мозг перебирал неподходящие снимки.

— Извините, — сказал мужчина. — Это вы ищете человека, который не умер?

Рита поставила Мирона за себя.

— Представьтесь.

— Леонид Сергеевич. Фамилию лучше не употреблять. Сейчас она меняется чаще, чем состав городской думы.

— Документы.

Мужчина достал из плаща удостоверение с пустой фотографией. Фамилия была напечатана: «ВЕЛЬСКИЙ». Когда я моргнул, буквы перестроились: «РОМАНОВ». Ещё через секунду осталось только «Л. С.».

— Прекрасно, — сказал я. — Наконец-то чиновник, которому верить ещё труднее, чем мне.

— Я не чиновник. По крайней мере, в большинстве версий.

Рита прищурилась.

— Мне кажется, мы встречались. Вы приходили к нам в отдел во вторник. Или нет, в четверг. На вас была борода.

— Не было, — возразил я. — Я помню, как он приходил за справкой. У него был шрам на щеке. И голос ниже.

Мирон покачал головой.

— Для меня он женщина. С косой. И пахнет апельсиновыми корками.

Мужчина неожиданно улыбнулся. Улыбка была усталой, но настоящей.

— Спасибо, мальчик. Эту меня давно никто не вспоминал.

— Кто вы такой? — спросил я.

Он поставил чемоданчик на мокрый асфальт. Замки щёлкнули. Внутри лежали не лекарства, а десятки паспортных фотографий, скреплённых одной резинкой. На них были разные люди: старушка, полноватый мужчина, девушка с косой, мальчик с веснушками, седой водитель. На обороте каждой стоял один и тот же номер: 00-1/Н.

— Я был человеком, — произнёс Леонид Сергеевич. — Потом меня несколько раз оставили за пределами удачной версии. Меня не удалили полностью. Вычеркнули только тот факт, каким именно человеком я являюсь.

— Почему вы помните? — спросила Рита.

— Я не помню. Я храню записи. Это две разные вещи.

Он протянул мне последнюю фотографию. На ней был мужчина с моими глазами и чужой нижней челюстью.

— Вы, Тихон Андреевич, однажды научили меня этому. Правда, тот Тихон был старше.

У меня похолодели пальцы.

— Семнадцатый?

Леонид Сергеевич не ответил. Вместо этого взял одну фо-

тографию, разорвал её пополам и положил на ладонь. На каждой половине внезапно оказалось полное лицо человека с фотографии. Через секунду половинки снова стали половинками.

— Вы ведь заметили? При разрыве у мира появляется два подтверждённых ответа. Он не может терпеть это долго. Тогда приходит Комитет и оставляет один.

— А второй?

— Второй идёт туда, где вы сегодня уже были.

Я вспомнил серые комнаты под платформой. Риту в каждом возрасте. Билеты, прибитые к груди.

— В Реестр невостребованного.

— Да. Только там давно не хватает места. — Леонид закрыл чемодан. — Я пришёл не пугать вас. Я пришёл предупредить: Комитет уже отправил запрос на установление вашей непрерывности. Они знают, что у вас есть один свидетель. Второй они намерены забрать.

— Какой второй?

Мужчина посмотрел на Риту.

Рита медленно переставила ногу, закрывая меня собой.

— Попробуют, — сказала она.

— Не её, — ответил Леонид. — Вашу память о ней. У вас обоих останется факт знакомства. Только никто больше не сможет доказать, что оно началось до первой коррекции.

— Вы предлагаете что-то конкретное? — спросил я.

— Не возвращайтесь домой. Не ищите мать. И не ведите

мальчика в помещение с зеркалами. Его там опознают.

Мирон отвернулся.

— Мне нужно забрать одну вещь, — сказал Леонид Сергеевич. — Один лист из вашего бывшего отдела. В нём указано, кто подписал первое расхождение. Если найдёте раньше Комитета, передайте мне.

— А я получу что?

— Право узнать, откуда взялось ваше.

Я покосился на чемодан.

— Откуда мне знать, что вы не из Комитета?

— Неоткуда. Поэтому не отдавайте документ, пока не прочтёте сами.

Он произнёс это настолько спокойно, что я почти ему поверил. Почти — важное слово. После знакомства с дырчатым контролёром я стал подозревать даже собственную тень в наличии должностной инструкции.

Леонид развернулся к воротам.

— И ещё, Тихон Андреевич. Когда увидите начальника, не спрашивайте, на кого он работал. Спросите, кого он не смог спасти.

Он вышел под дождь.

Пожилой дворник с противоположной стороны улицы приветливо помахал ему:

— Здравствуйте, Анна Викторовна!

Мужчина не обернулся.

Рита проводила его долгим взглядом.

— Я помню женщину с косой, — сказала она. — Только сейчас. В отделе она была вчера, не на прошлой неделе.

— Я помню мужчину со шрамом, — ответил я.

Мирон перестал рисовать.

— А я помню, как она умирала. Не вчера. Много раз.

На воротах двора задребезжала металлическая решётка. В лужах начали отражаться камеры, которых не было на стенах.

Мы побежали к фургону.

. . .

До нашего бывшего отдела оставалось двадцать минут езды. К счастью, Рита умела превращать двадцать минут в двенадцать, особенно когда правила дорожного движения становились менее пугающими, чем прочие действующие правила.

Сначала я хотел позвонить матери.

Номер я набрал машинально. Гудки шли слишком долго. На шестом раздался её голос.

— Алло?

Я открыл рот — и не смог сказать ни слова.

У мамы было два ребёнка. Должно было быть. Последние двенадцать лет она считала меня единственным сыном. Я не мог рисковать тем, что останется у неё от нашей семьи, чтобы убедиться: она всё ещё помнит меня.

— Алло? — повторила мама. — Тихон, это ты? Что-то случилось?

Я крепче сжал телефон.

— Всё нормально. Просто хотел спросить, как ты.

— На работе я, как ещё. Ты сам-то обедал? Слышала, в центре перекрыли движение. Опять какой-то митинг против сноса библиотеки.

У меня заныло под рёбрами.

— Мам, какую библиотеку?

— Библиотечную, ну. Там твою тётю Таню двадцать лет назад принимали на работу. Ой, подожди, меня зовут.

Связь оборвалась.

Я смотрел на экран и никак не мог отделаться от ощущения, что услышал не только голос матери. За ним, очень далеко, звякнул колокольчик лифта. Именно такой был у нас в подъезде до капитального ремонта, когда исчезла Соня.

Рита не спросила, почему я вдруг замолчал. Она просто немного снизила скорость.

— Ты не обязан делать вид, что тебе смешно, — сказала она.

На секунду я снова увидел лестницу после похорон отца и два пакета с пирожками. То воспоминание, которого у Риты больше не было.

— Ты уже говорила мне это, — ответил я.

— Когда?

— Неважно.

— Нет, — сказала она. — Важно. Но если я больше не помню, значит, расскажешь позже. Когда будем в безопасности.

Я хотел сказать, что в безопасности мы, судя по всему, бывали последний раз до рождения. Но Рита и так всё понимала.

Вместо этого я достал блокнот, открыл новую страницу и написал:

«РИТА ОРЛОВА: добровольно поверила заново. При свидетеле Мироне. Не оплачивать этим воспоминанием ничего».

Мирон заглянул мне через плечо.

— Хорошая попытка, — сказал он.

— Почему попытка?

— Потому что бумага помнит не тебя. Бумага помнит, что на ней написали. А когда забирают человека, буквы могут остаться без смысла.

— Ты умеешь иногда говорить хоть что-нибудь приятное?

— Конечно. У вас обогреватель работает.

Я посмотрел на него.

— Это приятно?

— У того, кто ехал до нас, не работал.

На заднем сиденье послышался едва различимый стук.

Я повернулся.

На стекле рядом с Мироном возник отпечаток взрослой ладони. Изнутри.

Он пропал, прежде чем я успел показать Рите.

— Не спрашивай, — сказал мальчик. — Я знаю только, что мы ещё не приехали.

. . .

В нашем отделе теперь регистрировали браки.

Снаружи здание ничуть не изменилось. Те же облупленные колонны, та же широкая лестница и голова каменного ангела, которую рабочие никак не могли закрепить. Только вместо вывески «ЦЕНТР ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ПРОИСШЕСТВИЙ» висела золотая надпись «ДВОРЕЦ ТОРЖЕСТВЕННЫХ СОБЫТИЙ».

На ступенях обнимались молодожёны. Невеста плакала от счастья. Её жених судорожно искал в кармане кольцо. Мне захотелось сказать ему, что кольца вообще лучше беречь, но я решил не портить человеку день объяснениями о катастрофе мира.

Внутри пахло цветами и дешёвой ванилью. На месте наших рабочих столов стояли белые стулья и арка из искусственных роз. Возле бывшей серверной фотографировалась семья с маленьким ребёнком. Ни Ритиного стола, ни зелёной кружки Максимова, ни окна, возле которого Шумов каждый вечер курил вопреки всем собственным распоряжениям.

— Не суетись, — сказала Рита. — Официально мы здесь никогда не работали. Значит, никто не мог официально за-

брать то, что мы здесь оставили.

— У тебя уверенность человека, которому раньше доводилось грабить архивы.

— Раньше доводилось их спасать от людей вроде тебя.

Она повела нас мимо фотозоны. У двери в бывшую подсобку стоял охранник с помятой физиономией.

— Туда нельзя. Только персоналу.

Рита оглядела его бейдж.

— Михаил Петрович. Вы всё ещё работаете здесь?

— А вы кто?

— Мы делали вам акт о протечке на третьем этаже. В прошлом ноябре.

Охранник нахмурился.

— Не было протечки.

— Серьёзно? — спросила Рита и достала телефон. — Тогда почему заведующая до сих пор не получила компенсацию за два испорченных ковра? Я могу открыть повторную проверку. С опросом сотрудников. Указанием суммы ущерба и даты последней ревизии.

Мужчина побледнел.

— Никакой проверки не надо.

— Тогда отойдите.

Он отошёл.

Я посмотрел на Риту с уважением.

— Ты только что прошла через охранника угрозой бюрократии.

— Самое действенное оружие человечества, — сказала она. — После совести. Совести у вас всех почему-то нет.

В подсобке теперь хранили скатерти. Рита закрыла за нами дверь и отодвинула стеллаж к стене. На кафеле был едва заметный квадрат другого оттенка.

— Подпол, — догадался я.

— Шумов говорил, что раньше в этом здании держали архив актов гражданского состояния. Книги за сто лет. До перехода на центральную базу у них существовала независимая бумажная копия.

Она вытащила из кармана плоский металлический ключ.

— А я говорила начальнику, что когда-нибудь потеряю ключи от такой страшной тайны, если он будет носить их на брелоке в виде пивной кружки.

— Ты украла ключи?

— Сняла запасной комплект ещё весной. Подписала, что он на утилизации. Процедурно это почти честно.

Она подняла люк.

Из темноты потянуло пылью, старой бумагой и чем-то ещё — тёплым, сладковатым, напоминавшим пекарню, закрытую после пожара.

Мирон резко отступил.

— Здесь есть дверь, которой не хватает ручки.

— Мы не будем её открывать, — пообещала Рита.

— Так все говорят.

Внизу обнаружилась узкая комната, заставленная желез-

ными шкафами. Электричества не было, но в дальнем углу горела зелёная контрольная лампа. Она пульсировала так медленно, словно кто-то дышал во сне.

В шкафах стояли картонные папки, связанные бечёвкой. На полу валялся механический счётчик посетителей. Его барабан показывал 00017.

— Не трогай, — одновременно сказали мы с Мироном.

Рита посмотрела на нас.

— Я уже начинаю любить нашу команду.

На средней полке стояла зелёная кружка.

«ГЕНИЙ НА МИНИМАЛКАХ».

Я узнал трещину, прошедшую по ней утром. Только здесь кружка была целой.

— Максимов, — прошептала Рита.

Она протянула руку к ручке, но остановилась.

— Если это другой вариант, — сказала она, — там могут быть его вещи. Значит, он не совсем исчез.

Я наклонил кружку, не отрывая от полки. На донышке было процарапано острым предметом: «НЕ ДОВЕРЯЙТЕ КОПИЯМ. 03:17 — ЭТО НЕ ВРЕМЯ».

— Поразительная преданность корпоративной посуде, — произнёс я, стараясь держать голос ровным.

Рита заметила за кружкой прямоугольный карман из плотной бумаги. Вытащила. Внутри лежал лист технического журнала, который кто-то сложил четыре раза. Подпись: «МАКСИМОВ М. Ю.». Печать старого отдела, впитавшаяся

в бумагу.

ЖУРНАЛ НЕЗАВИСИМОЙ СВЕРКИ. 03:17.

Последняя редакция: подтверждена. Предыдущая редакция: не подлежит уничтожению до процедуры согласования. Причина: выявлено первичное расхождение, не имеющее внешнего автора. Свидетели: отсутствуют. Исполнитель: А. Лазарев.

Ниже значилась приписка Максимова:

«Если этот лист читают люди, которых официально нет, прошу наконец оплатить мне сверхурочные».

— Он точно существовал, — сказала Рита.

Я провёл пальцем по строке «А. Лазарев».

Андрей. Отец.

Но если исполнитель — папа, почему почерк на папке семнадцатого Тихона принадлежал ему? И почему папа писал, что восемнадцатый не должен узнать начало?

— Нашёл? — спросила Рита.

— След. Пока не ответ.

В соседнем шкафу под слоем бумаги лежала старая фотография сотрудников городского управления. Двадцать два человека перед этими же колоннами. В нижнем углу синела дата — двенадцать лет назад, девятое сентября.

На фотографии отец стоял рядом с незнакомой женщиной в тёмном пальто.

Пальто было мокрым.

Я почувствовал, как холод дошёл до позвоночника.

У женщины было лицо. Обычное, усталое, красивое и совершенно человеческое. Она держала на руках годовалого ребёнка.

На обороте было написано: «Комиссия по непредвиденным исходам. А. Лазарев, В. Шумов, Н. Колосова, М. Л.»

— Мирон, — позвал я. — Посмотри на женщину.

Он не подошёл. Наоборот, попятился к лестнице.

— Не надо.

— Ты её знаешь?

Мальчик смотрел на снимок так, словно тот мог открыть глаза.

— Когда я её вспоминаю, у неё появляется рот. А если она появляется, кому-то приходится исчезнуть.

Рита бережно положила фото на стол.

— Не спрашивай его сейчас.

На секунду мне захотелось возразить. Ведь у меня впервые за двенадцать лет появилась реальная нитка, ведущая к отцу, Соне и первому расхождению.

Но Мирону было девять. Возможно, вчера десять. Он дрожал, стараясь, чтобы взрослые не заметили. И я впервые понял, почему в каждой из семнадцати неудач кто-то мог решить, что не существует решения без жертв.

Я накрыл фотографию чистым листом.

— Ладно, — сказал я. — Потом.

Сверху раздался голос ведущей церемонии:

— Дорогие молодожёны! С этого момента вы считаетесь

одной семьёй!

Пол под нами вздрогнул.

Из тёмного прохода в конце комнаты кто-то ответил тем же голосом:

— С этого момента вы считаетесь одной семьёй.

А потом добавил, уже по-мужски:

— Неофициальных членов семьи просьба покинуть помещение.

. . .

В тёмном проходе зажёгся свет.

К нам вышла женщина лет пятидесяти в сером костюме. Никаких дыр вместо лица, шелестящих квитанций и летающих дверей. Коротко подстриженные волосы, удобные ботинки, папка под мышкой. Внешность человека, который в любом учреждении найдёт ответственного и испортит ему квартальный отчёт.

— Галина Аркадьевна Руденко, — представилась она. — Комитет непрерывности. Прошу не путать с подразделениями коррекции. Мы занимаемся другим.

— Чем? — спросила Рита.

— Тем, чтобы вам было куда возвращаться после работы.

Женщина оглядела комнату. На секунду задержала взгляд на фотографии, накрытой бумагой.

— Вы вскрыли независимый архив. Это нарушение.

— Ищем справку о том, что существуем, — ответил я. — Там, наверху, её не выдают без другой справки.

— Знаю, — сказала Руденко. — Я подписывала этот порядок.

— Приятно познакомиться с автором величайшего человеческого достижения после колеса. Колесо хотя бы крутится.

Она не улыбнулась.

— Лазарев, вы молоды, поэтому считаете, что издеваться над законами — то же самое, что их понимать. Вы знаете, что случится, если отменить вашу смерть?

— Предположительно я останусь жив. Некоторые специалисты находят в этом плюсы.

— Вы уже живы. Проблема не в теле. Ваш зарегистрированный труп — якорь, к которому привязано расхождение. Пока в городе есть запись, что Тихон Лазарев умер, мир вынужден держать рядом вторую версию — ту, что разговаривает со мной. Если вы аннулируете запись сейчас, незавершённая коррекция начнёт искать другой якорь.

— То есть?

— Ближайшего подтверждённого свидетеля. Маргариту Орлову. Или ребёнка.

У меня похолодело в животе.

— Вы угрожаете?

— Я объясняю. Системе не требуется злой умысел, чтобы кого-то уничтожить. Системе требуется баланс.

Мирон спрятался за Ритой. Руденко посмотрела на него долго, болезненно внимательно.

— Мальчика нужно вернуть, — сказала она.

— Кому? — спросила Рита.

— Той, кто его помнит.

— Мы видели эту женщину. У неё нет рта.

— Потому что ей ещё не разрешили произнести его имя. Разрешение следует после подтверждения происхождения ребёнка. Без подтверждения она и он не могут существовать в одной редакции.

— То есть вы знаете, кто его мать? — спросил я.

— Я знаю, кем она не может быть.

Руденко открыла папку. Внутри находилась карта Северина, напечатанная на плотном картоне. На ней был привычный центр, трамвайные пути, река, два моста, больница и треугольник заброшенного кинотеатра. Вокруг карты шла толстая чёрная рамка. За ней — ничего.

— Не бывает карты без пригородов, — сказал я.

— Должны быть, — согласилась Руденко. — Позавчера они были. Завтра могут снова появиться. Сегодня это вопрос незакрытых исходов.

Она сдвинула страницу. Под ней лежала другая карта: дома, поставленные друг на друга; дорога, уходившая внутрь самой себя; детская площадка, на которой вместо песочницы зияло отверстие.

— Всё, что не вошло в очередную версию, мы помещаем отдельно. Раньше это были опечатки, забытые ключи, неслучившиеся встречи. Теперь там улицы. Люди. Родившиеся дети. Вещи, которые не должны были существовать и всё равно существуют. Реестр невостребованного переполнен.

— Так откройте его, — сказал я. — Верните людей.

— Куда?

Я не нашёл ответа.

— В этих комнатах, — продолжила она, — есть двое детей, каждый из которых родился на месте одного. Есть мужчина, который проснулся рядом с женой, умершей двадцать лет назад, и жена, не знающая его имени. Есть три здания на

участке, где поместится одно. Вы считаете, что существует правильная версия. Я тоже считала, когда начала работать здесь.

Где-то наверху зазвучала свадебная музыка. Весёлые скрипки, хлопки, смех. От этого контраста карта в руках Руденко казалась ещё страшнее.

— И что вы предлагаете? — спросила Рита.

— Дать нам провести плановую коррекцию до следующего окна. Тихон остаётся в известном нам месте, ни к чему не прикасается, ни от чего не отказывается. Вы получаете гарантии сохранения текущих воспоминаний.

— Гарантии кого? — спросил я.

Она опустила глаза на папку.

— Мои. На бумаге.

— Ваш Комитет может подделывать историю, и вы предлагаете мне расписку?

— Не историю. Её подтверждения. Разница огромная.

Я посмотрел на Риту. Она сжимала кулаки так, что на костяшках побелела кожа.

— Если ваша процедура спасает город, почему за моей сестрой числится приказ убить меня?

Руденко едва заметно вздрогнула.

— Потому что её считают исполнителем, способным добраться до источника без общего согласования.

— А вы не можете?

— Мы не знаем, где заканчивается ваш источник и начи-

нается его решение. Софья знает. Ей за это пришлось заплатить больше, чем вам предстоит понять.

— Тогда почему она помогла нам наверху?

— Потому что ваши родственники, Лазарев, чудовищно не умеют делать то, что необходимо.

Руденко закрыла папку.

— Я даю вам пять минут. Потом спущусь с группой. Учтите: это не приказ. Это попытка не повторить чужую ошибку.

Она повернулась к лестнице.

— Подождите, — сказал я. — Как я узнаю, что вы не отредактируете пять минут в одну?

Женщина обернулась.

— Никак. Поэтому я не стала обещать десять.

Она ушла.

Из тёмного прохода опять донёсся свадебный марш. И чей-то тихий, отчаянный стук.

. . .

— Нам нужны материальный след, свидетель и документ, — сказала Рита.

— Свидетель у нас есть, — ответил я.

— Я. И не смей меня отменять. Документ лежит в твоих руках. Осталось найти доказательство, что твоё кольцо существовало раньше всех этих правок.

Я перевернул фотографию сотрудников и вдруг понял,

что упустил очевидное.

Отец стоял возле колонны, подняв руку, чтобы поправить очки. На безымянном пальце сверкало кольцо с маленькой вмятиной слева от стыка. Такую же вмятину я видел каждый день, когда расстёгивал цепочку.

— Есть, — сказал я.

Рита сразу достала телефон. Сфотографировала снимок. Затем осеклась и выключила экран.

— Нет. Цифровая копия не независима. Берём оригинал.

Она вложила фотографию в пакет от архивной папки, спрятала под куртку, потом придвинула ко мне журнал Максимова.

— А теперь подтверждаем.

Я ожидал очередной всплывающей рамки. Она не появилась.

Мирон подошёл ближе, хотя ещё недавно боялся фотографии.

— Нужно назвать, что вы помните вместе, — сказал он. — Не что-то важное. Что-то настоящее.

Рита опёрлась ладонью о стол.

— В первый день, когда Тихон пришёл в отдел, ему выдали стол без ножки. Он подложил под него сборник местных нормативных актов, потом целую неделю писал рапорт, что это единственный случай, когда наши законы поддерживали человека.

Я невольно улыбнулся.

— Рита тогда сказала, что с моим чувством юмора мы долго не протянем. В конце дня она принесла мне из дома деревянную подставку. А сборник я оставил на месте — на всякий случай.

— Верно, — сказала она. — И ещё ты назвал подставку «первым государственным чудом».

Воздух между нами на мгновение дрогнул. Поверх архивной бумаги возникли узкие строки.

АКТ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ЛИЧНОЙ НЕПРЕРЫВНОСТИ.

Материальный след: кольцо А. Лазарева. Подтверждён независимым фотоснимком. Свидетель: Маргарита Павловна Орлова. Личное воспоминание подтверждено встречным показанием. Документ: журнал М. Ю. Максимова. Не включён в действующий Реестр.

Личность Тихона Андреевича Лазарева восстановлена для совершения одного действия. Право I — ОТКАЗ: ДОСТУПНО.

Я почувствовал не прилив сил, а такую усталость, словно всю ночь толкал шкаф по лестнице. Мирон едва заметно отступил. По его мнению, наверное, выдача разрешения быть собой выглядела не менее подозрительно, чем всё остальное.

— Отлично, — выдохнула Рита. — Теперь у нас запасной шанс.

— Не бесплатный, — напомнил я.

Она кивнула.

— Я знаю.

В её голосе была пустота потерянного часа. Не просьба жалеть её. Напоминание считать цену до того, как протянешь руку к кнопке.

Я перевернул журнал Максимова.

На обороте, который мы до сих пор не видели, стояла таблица: «РАСХОЖДЕНИЕ ПЕРВИЧНОЕ. РЕГИСТРАЦИЯ РУЧНАЯ». В последней графе было всего две строки.

ИСПОЛНИТЕЛЬ: ЛАЗАРЕВ АНДРЕЙ.

АВТОР: ЛАЗАРЕВ ТИХОН.

Дата совпадала с днём исчезновения Сони.

Я перечитал написанное. Потом ещё раз.

Двенадцать лет назад мне было шестнадцать.

Мне казалось, что в тот день я ничего не мог сделать. Стоял у лифта, сжимал красный шарф, ждал, когда сестра вернётся. Помнил, как отец разбил кулак. Помнил мамины слёзы. Помнил стук лифта. У меня было множество подробностей — и ни одного решения.

А здесь утверждалось, что решение принял я.

— Тихон, — сказала Рита, — не надо соглашаться с тем, чего ты не помнишь.

— Я не собираюсь.

Но пальцы у меня дрожали.

На полях журнала было ещё одно замечание, написанное отцовским почерком:

«Он просил исправить не смерть. Он просил исправить

то, что должно было случиться перед ней».

Я вспомнил детский голос из стен Центра муниципальных услуг. Контролёра, который просил «не выбирать меня». Мирона с его несбывшимися годами. Женщину без рта, в чьих руках на фотографии был ребёнок.

И впервые испугался не того, что кто-то подделал моё прошлое.

А того, что моё настоящее прошлое могло оказаться хуже подделки.

. . .

Сверху закричали.

Не свадебным визгом, не от радости и не от неожиданности. Так кричат люди, которые вдруг видят, как человек рядом перестаёт быть человеком.

Мы бросились к лестнице. У самого люка я услышал сдавленное:

— Пожалуйста! Кто-нибудь!

Мирон ухватил меня за рукав.

— Это уже было в другой комнате.

— Что именно?

— Если выйдете, кто-то останется. Если не выйдете — останутся все.

Рита сорвала крышку люка.

В зале дворца бракосочетаний шла коррекция.

Гости стояли неподвижно, повернув головы к арке из искусственных роз. В центре невеста держала жениха за руку, но его рукав обрывался на уровне локтя, и дальше не было ничего. Воздух вокруг мужчины медленно сворачивался внутрь, как бумага, которую втягивает узкая щель. На другом конце зала молодая мать пыталась разжать пальцы ребёнка. Девочка лет пяти висела в сантиметре над полом и не отбрасывала тени.

Голос из потолка вежливо объявлял:

— Пожалуйста, сохраняйте места. Незапланированное событие будет устранено в кратчайший срок.

Руденко стояла возле входа с двумя сотрудниками в неприметных серых куртках. Один держал металлический планшет. Второй пытался руками остановить сужение пространства возле девочки, но всякий раз отбрасывал ладони, будто касался раскалённой плиты.

— Вы сказали, у нас пять минут! — крикнул я.

Руденко повернулась. По её лицу было ясно, что она удивлена не меньше нашего.

— Это не мы! — крикнула она. — Несогласованный откат. Кто-то удаляет факт торжества!

Над аркой вспыхнула строка: «БРАК НЕ ЗАКЛЮЧАЛСЯ».

Жених исчез по плечи.

Рита сорвала скатерть с ближайшего стола, затолкала её в руки женщине с ребёнком и велела держать девочку за

талию. Затем схватила ножку тяжёлой бронзовой стойки и ударила по металлическому планшету сотрудника. Не чтобы уничтожить — чтобы выбить из его рук.

— Либо помогаете, либо не мешаете! — сказала она.

Сотрудник выругался, но опустился на колени возле девочки. Руденко подбежала к жениху, пытаясь удержать у него на груди бумажную бирку с именем.

— Редакция не закреплена! — крикнула она. — Без независимого свидетельства он исчезнет вместе с церемонией!

Я выхватил из кармана журнал Максимова. В нём не было записи о свадьбе. И подтверждение личной непрерывности не давало мне права создавать факт из воздуха.

Мирон стоял у арки, широко раскрыв глаза.

— Два свидетеля, — пробормотал он. — Нужно два тех, кто видел до отмены. И чтобы один не был человеком.

Я посмотрел на свадебного фотографа. Огромная старомодная камера с плёнкой висела у него на шее. Мужчина застыл, обхватив объектив ладонями.

— Ты снимал церемонию? — спросил я.

Он закивал, не в силах заговорить.

— Плёнка? Не цифровая?

Он снова закивал.

— Открывай аппарат!

— Засветим! — выдохнул фотограф.

— Если не откроем, снимать будет некого!

Я положил руку на камеру. Плёнка ещё не была прояв-

лена, но негатив уже содержал изображение свадьбы. Существовал второй след того, что здесь произошло. Независимый от городской базы.

— Вы видели, как они обменялись кольцами? — спросил я фотографа.

— Видел! И снял!

— Значит, есть человек, который видел, и плёнка, которая это запомнила.

Поверх арки возникла прозрачная рамка.

ОБНАРУЖЕНЫ НЕСОВМЕСТИМЫЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ.

Редакция 1: брак заключён при свидетелях. Редакция 2: брак никогда не заключался.

Допустимо возражение: ПРАВО I — ОТКАЗ. Стоимость: одно совместное воспоминание о заявителе.

Я уже произнёс бы согласие, если бы Рита не схватила меня за руку.

— Подожди.

— Он исчезает.

— Я вижу. Но выбери, что именно отменяешь. Не повторяй «Маячную» только потому, что умеешь.

Жених лишился плеча. Невеста вцепилась ему в ворот рубашки и плакала, глядя в воздух. Девочка закричала: её тень вернулась, но легла в противоположную сторону, к ногам человека, которого уже не было.

В моей голове отсчитывались последние секунды, но Рита

была права. Отменить исход «брак не заключался» значило вмешаться в волю двух людей, а «Отказ» отменял последствие, не мог переписать сам факт его возникновения. Если я заплачу новым воспоминанием, а система тут же начнёт коррекцию заново, выигрыш будет ничтожным.

— Нам нужна другая редакция, — сказал я.

Руденко посмотрела на меня так, словно впервые увидела не проблему, а сотрудника городского управления.

— Вы нашли авторство? — спросила она.

Я раскрыл журнал на строке с именем.

— Здесь написано, что двенадцать лет назад всё начал я.

— И вы признаёте запись?

— Признаю её существование. Не свою вину.

Руденко почти незаметно кивнула.

На моём зрении проступил новый заголовок.

АКТ РАСХОЖДЕНИЯ. УСТАНОВЛЕНИЕ АВТОРА.

Первичный источник идентифицирован: Лазарев Тихон Андреевич. Обстоятельства первичного решения: ЗАСЕКРЕЧЕНЫ. Авторство подтверждено независимо от текущей личной памяти.

Условие допуска II выполнено.

ПРАВО II: ПОПРАВКА.

Разрешено изменить один небольшой уже подтверждённый факт при наличии двух несовместимых подтверждений. Запрещено изменять чужое добровольное решение, создавать человека или аннулировать цену ранее применённого

Права.

Стоимость первого применения: один подлинный факт личного прошлого заявителя. После удержания он не может быть восстановлен из памяти, копий или чужих свидетельств.

Предлагаемый к удержанию факт: последний разговор с отцом, Андреем Лазаревым.

ПОДТВЕРДИТЬ ДОПУСК И ВНЕСТИ ПОПРАВКУ?

Рита прочитала моё лицо.

— Что с тобой?

Я помнил последний разговор с папой отчётливо. Он стоял на кухне в серой рубашке, придерживая ладонью чайник, и попросил меня больше не искать Соню в старом лифте. Сказал, что некоторые двери не должны открываться дважды. Я обозвал его трусом. Он ответил, что, возможно, так и есть.

А потом умер.

Мы больше не помирились.

Можно было отдать этот разговор. Не стереть с фотографии, не убрать коробку с письмами. Отдать сам факт: что однажды отец и сын поссорились, успели сказать друг другу последнее и не успели исправить. Это было почти невыносимо. Возможно, ещё хуже было то, что после оплаты я уже не вспомню, чего лишился.

— Тихон! — закричала невеста.

Её жених исчез до шеи. Кольцо висело в воздухе вокруг

отсутствующего пальца.

Я схватил фотографа за плечо.

— Скажи вслух, что снял.

— Снял, как они подписывают свидетельство! Как свидетельница ставит подпись! Как невеста смеётся, потому что ручка перестала писать!

Сотрудник Комитета поднял планшет. На экране имелась официальная запись: «Брак не заключался». Передо мной была плёнка, снявшая, как двое подписали документ. Противоречие было настоящим, и его нельзя было устранить одной красивой фразой.

— Я хочу изменить не их решение, — сказал я. — Я хочу изменить маленький факт в вашем протоколе.

Руденко поняла раньше меня.

— Что именно?

— Статус записи «не заключался». На «оспаривается». Юридически процедура коррекции не может завершиться, пока два источника не сверены.

— Это только отсрочка, — сказала она.

— Отсрочка, за которую можно вытащить живых людей.

Руденко смотрела на меня неподвижно. Потом отступила в сторону.

— Делайте, — сказала она. — Я возьму ответственность за последующее расследование.

Я закрыл глаза.

В памяти запахло чаем. Отец в серой рубашке. Слова, ко-

торые я хотел забрать. Его лицо, усталое, обиженное, живое.

— Подтверждаю поправку. «Не заключался» заменить на «оспаривается».

Воздух треснул, словно через него провели невидимой линейкой.

Всё произошло без вспышки, без раската грома и без героической музыки. На планшете сменилось одно слово.

НЕ ЗАКЛЮЧАЛСЯ.

ОСПАРИВАЕТСЯ.

Жених упал на пол рядом с невестой. Тело вернулось целиком — с рукой, с белой рубашкой, с маленьким родимым пятном возле уха. Девочка рухнула матери на колени. Люди начали шуметь, плакать и хватать друг друга, как пассажиры самолёта после жёсткой посадки.

Рита поддержала меня под локоть.

— Всё?

Я хотел сказать «да», но попытался вспомнить папину кухню — и обнаружил пустое место.

Я помнил, как он умер. Помнил похороны. Помнил, что мы были близки, а потом перестали понимать друг друга. Но не мог вспомнить последнего разговора. Ни места. Ни слов. Ни последнего выражения его лица.

И на секунду мне стало страшно от того, что я уже не знаю, было ли там что-то, за что стоило держаться.

В воздухе возникли сухие строки.

ПРАВО II — ПОПРАВКА: ОТКРЫТО. Первая поправка

исполнена. Списан личный факт: последний разговор с Андреем Лазаревым. Статус цены: НЕВОССТАНОВИМО.

Независимые подтверждения личности погашены. Для следующего вмешательства требуется новое подтверждение непрерывности.

Я опустил руку.

И в этот момент невеста вскрикнула снова. Не от ужаса — от удивления.

Она смотрела на свидетельство о браке, которое лежало у регистратора.

В графе «Свидетель» появилось имя человека, не присутствовавшего на церемонии.

ЛЕОНИД СЕРГЕЕВИЧ ВЕЛЬСКИЙ.

Рядом с фамилией стояла фотография.

На ней был Максимов — тот самый, который исчез из нашего отдела.

Я узнал его наконец. По чужому воспоминанию, пришедшему вместе с исправленным фактом: широкая улыбка, глубокая ямочка на подбородке и привычка слегка наклонять голову, когда он слушает.

— Но его там не было, — прошептал фотограф.

Руденко выхватила свидетельство. В тот же миг изображение на документе снова изменилось: теперь на снимке был пожилой человек с седыми усами.

— Нет... — сказала она.

Впервые за всё время голос Галины Аркадьевны дрожал.

— Кто это? — спросил я.

Руденко побледнела.

— Человек, которому мы никогда не выдавали право свидетельствовать.

— Почему?

Она медленно подняла глаза.

— Потому что он помнит не одну версию вашего поступка. Он помнит все.

Телефон в моём кармане коротко завибрировал.

На экране появился новый акт.

УВЕДОМЛЕНИЕ ОБ ЭКСТРЕННОМ НАЗНАЧЕНИИ.

Обнаружен свидетель первичного расхождения. Статус свидетеля: ЛИЦО ОТСУТСТВУЕТ В РЕЕСТРЕ. Место явки: Городская больница № 4. Срок представления свидетеля: 14:00.

При непредставлении будет отменён исход, сохранённый вашим первым ОТКАЗОМ.

Я поднял взгляд на Риту.

— Тот исход, — произнёс я медленно, — в котором ты не осталась на «Маячной».

Рита ещё не успела ответить, когда из её телефона прозвучало уведомление.

Отправитель: «Рита Орлова».

Время отправки: завтра, 03:17.

«НЕ ПУСКАЙ ЕГО В БОЛЬНИЦУ. ЕСЛИ ОН УВИДИТ ПАЦИЕНТА ИЗ ПАЛАТЫ НОЛЬ, ОН ВСПОМНИТ, КОГО

СПАС В ПЕРВЫЙ РАЗ».

Сообщение было прочитано.

Потом экран сам собой переключился на обычную заставку.

— Две угрозы, — сказала Рита. — Одна велит идти в больницу. Другая — не идти.

— И обе присланы службой, которая в прошлый раз очень хорошо позаботилась о нас, — сказал я.

Мирон стоял возле арки. Он не смотрел ни на Риту, ни на меня. Он смотрел на дверь, за которой исчезла Руденко.

— Пойдём, — сказал он тихо. — Я знаю, кто в палате ноль.

— Кто?

Мальчик поднял ладонь. Число 17 на ней стало красным, как свежая рана.

— Тот, кто ещё помнит, каким ты был, когда умел выбирать людей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ДОЛГ ЗА ОТМЕНУ

У любого долга есть срок погашения.

У моего, как выяснилось, имелась ещё и возможность самостоятельно выбирать, с кого взыскивать.

На часах над свадебной аркой было двенадцать одиннадцать. На полу сидел жених, которого только что собирались вычеркнуть из действительности. Невеста обнимала его за шею и плакала. Девочка, возвращённая из состояния без тени, требовала у матери сок.

Меня всегда восхищала способность детей быстро определять главное.

— До двух часов меньше двух часов, — сказала Рита.

— Ты работаешь с календарём не хуже нашего отдела.

— Тихон, это не шутка.

— Я заметил по тому, как у меня похолодел позвоночник.

Она держала телефон так, чтобы я видел сообщение от будущей Риты. «НЕ ПУСКАЙ ЕГО В БОЛЬНИЦУ». Всего четыре слова — до пояснения о пациенте ноль. Четыре слова, которыми можно разрушить довольно большое количество жизней, если неправильно определить местоимение.

— Его — это меня или Леонида? — спросил я.

Рита посмотрела на экран внимательнее.

— Не знаю.

Я почти почувствовал облегчение. Не от ответа. От того, что она впервые не стала подменять отсутствие информации уверенностью.

— Значит, никого не пускаем? — предложил Мирон.

— А в четырнадцать ноль-ноль меня снова запишут в имущество станции? — спросила Рита. — Нет, спасибо. Там обслуживание хуже, чем в нашей поликлинике.

Она присела рядом с мальчиком. Красное число семнадцать на его ладони выглядело уже не меловым. Будто цифры просвечивали через кожу.

— Мирон, если мы доставим Леонида к зданию больницы, но внутрь не войдём, правило будет выполнено?

Он покачал головой.

— Его должны признать. Доставить — не то же самое, что признать.

— А кто это делает?

— Тот, кто окажется у двери первым.

Я открыл рот, чтобы уточнить, но Рита подняла палец.

— Довольно. Ты не обязан знать всё, — сказала она мальчику. — Мы спросили. Ты ответил. Дальше это наша работа.

Мирон отвёл глаза. Мне показалось, впервые за утро кто-то сообщил ему хорошую новость.

Из дальнего прохода вышла Руденко. Пиджак у неё был порван на плече. За ней шли двое сотрудников Комитета, поддерживая пожилую женщину в свадебном платье. На

женщине было два разных обручальных кольца, и она всё время спрашивала, какой сейчас год.

— Вы намерены выполнить предписание? — спросила Руденко без приветствия.

— Нам бы сначала ознакомиться с основанием, — ответила Рита.

Руденко посмотрела на неё.

— Свидетель первичного расхождения должен быть представлен в городскую больницу номер четыре. Если он останется вне наблюдения, система отменит ваш первый сохранённый исход. Это не угроза Комитета.

— Очень удобно, — сказал я. — Есть у вас отдельная папка для угроз, которые поступают без участия человека?

— Есть. За последний месяц она стала толще папки с жалобами.

— Я хочу письменное подтверждение, — сказала Рита. — Кто примет Леонида? В каком помещении? Кто гарантирует, что нас не отправят в палату ноль?

— Гарантий не будет.

— Тогда выпишите фамилию ответственного. И подпишите, что явка свидетеля не требует присутствия Лазарева. В вашем распоряжении говорится о свидетеле, а не об источнике.

Руденко некоторое время молчала. Потом вынула из кармана ручку и написала на обороте пропуска:

«Представление свидетеля не обусловлено присутствием

Т. А. Лазарева. Ответственная за приём: врач-координатор Дарья Ильинична Котова».

Подпись была резкая и раздражённая.

— Это не защитит вас от самого здания, — сказала она.

— Меня почти ничто не защищает от зданий, — ответил я. — В одном меня уволили, в другом поженили всех подряд, в третьем хранят мой труп.

Руденко перевела взгляд на меня.

— Лазарев, не применяйте больше никаких Прав без расчёта. Реестр не выносит отмен, произведённых ради хорошего намерения.

— Скажите, — спросил я, — «оспаривается» в свидетельстве жениха всё ещё держится?

Она посмотрела через плечо. Невеста уже помогала мужу подняться. В акте на столе всё ещё стояло моё слово.

— Пока комиссия проверяет плёнку. Вы не спасли их брак навсегда. Вы дали людям время предъявить собственные доказательства.

— Иногда это одно и то же.

— Нет, — тихо сказала Руденко. — И вы скоро это поймёте.

Она ушла помогать пострадавшим. Я хотел раздражённо ответить ей вслед, но не успел. Рита уже взяла меня за рукав.

— Нам нужны три вещи, — сказала она. — Леонид. Время до двух. И возможность завтра помнить, что мы сделали сегодня.

— Третье звучит несколько избыточно.

— Для тебя — нет.

Рита достала из сумки маленький кассетный диктофон. Серый, с потёртыми кнопками. На одном боку белел наклеенный кусочек изоленты.

— Ты откуда это взяла?

— Из архива, когда ты разговаривал с Руденко. Он лежал в ящике Шумова. На плёнке надпись «Экстренный учёт». Батарейки новые.

Она нажала красную кнопку.

Кассета тихо зашуршала.

— Двенадцать одиннадцать. Мы в бывшем отделе подтверждения происшествий, — произнесла Рита. — Тихон Лазарев здесь. Мирон здесь. Я помню, как Тихон вытащил меня с несуществующей станции, но не помню час после похорон его отца. Сегодня он изменил одно слово в акте и потерял последнее воспоминание о разговоре с отцом. Эти события нельзя считать доказательством того, что он вправе платить моими воспоминаниями.

Она остановила запись.

— Поздравляю, — сказал я. — Ты только что открыла отдел по учёту моих моральных недостатков.

— В нём будет высокая текучесть кадров.

— Бумага ведь тоже меняется.

— Меняется. И кассета может измениться. Но три независимых записи лучше одной. Буду ещё писать от руки и про-

сить свидетелей подтверждать детали. Не чтобы вернуть то, что исчезло. Чтобы помнить, что мы делали после.

Я посмотрел на диктофон. Пластмассовая крышка была треснута, и сквозь неё вращались две маленькие катушки.

До сих пор я считал память убежищем: в неё можно спрятать всё, что у меня отняли. Рита относилась к ней как к аварийному зданию. Не обещала, что оно не рухнет. Устанавливала подпорки там, где ещё стояли стены.

— И ещё, — сказала она. — Если мои воспоминания снова окажутся платой, сначала спросишь меня.

— Система не спрашивает, какое именно забрать.

— Значит, твоё согласие на применение Права не заменяет моего. Найдёшь другой способ или объяснишь, почему другого нет.

Я кивнул.

Это было труднее, чем произнести «подтверждаю» перед Контролёром. В первый раз я спас человека, не спросив, что он готов за это отдать. Рита не запрещала мне помогать. Она требовала, чтобы я наконец начал видеть в последствиях людей.

— Хорошо, — сказал я. — Договорились.

На кассетном диктофоне сам собой щёлкнул механизм воспроизведения.

Из динамика прозвучал мой голос:

— Хорошо. Договорились.

А следом — другой, более взрослый и хриплый:

— В прошлый раз вы тоже так сказали.

Рита выдернула кассету.

Внутри было всего две минуты плёнки. Остальные сорок шесть минут кто-то аккуратно вырезал и соединил концы прозрачным скотчем.

— Это Шумов? — спросила она.

Я не успел ответить. На обороте корпуса проступила свежая царапина: «НЕ ВКЛЮЧАТЬ ПОСЛЕ 03:17».

. . .

Леонид нашёлся там, где вообще не следовало искать человека с меняющимся лицом: в фотоателье.

Ателье называлось «Снимок на документы». На витрине выцветала реклама фотографий для паспортов, пропусков и студенческих билетов. На дворе шёл дождь, а внутри пахло фиксажем, прогретым пластиком и апельсиновой кожурой.

Было двенадцать сорок три.

За столом сидел пожилой мужчина с седыми усами. Он разбирал негативы пинцетом. Увидев нас, поднялся и без особого удивления сказал:

— Я думал, вы придёте после больницы.

— А мы решили удивить, — ответил я. — Леонид Сергеевич?

— Сегодня да.

Мирон смотрел на него с таким выражением, будто узнал кого-то очень дорогого и очень далёкого.

— У вас опять болят руки, Анна Викторовна? — спросил он.

Старик опустил взгляд. Пальцы у него были в старых ожогах, расположенных как буквы.

— У меня болят все руки, которые у меня были, мальчик. Но спасибо, что спросил.

Рита положила перед ним подписанный пропуск Руденко.

— В четырнадцать ноль-ноль вы должны быть в больнице номер четыре. Иначе меня вернут на «Маячную». Согласны пройти с нами?

Леонид читал бумагу медленно. Очень медленно. На словах «ответственная за приём» его губы сжались.

— Дарья Котова, — произнёс он. — Хороший врач. В трёх версиях. В четвёртой она так и не закончила институт.

— Я не спрашивала, хороший ли врач. Вы идёте?

— Да. Но Лазарев не должен видеть пациента палаты ноль.

Я почувствовал, как в комнате стало тише.

— Откуда вы знаете?

— В прошлом мне приходилось быть пациентом. И свидетелем. Редко одновременно.

— Кто в палате? — спросил я.

Леонид поднял один из негативов. На нём было пустое кресло с ремнями. Снимок был сделан сверху, сквозь стекло. На стене за креслом виднелась табличка «0».

— Я не знаю, кого там оставили на этот раз, — сказал он. — И это не уловка. Палата меняется в зависимости от того, кто туда приходит.

— Удивительное медицинское учреждение.

— Все учреждения удивительны, если смотреть на них достаточно долго. Просто большинство ограничивается тем, что теряет анализы.

Он протянул Рите плотный конверт.

Внутри лежали фотографии одного и того же входа в больницу. На первом снимке над дверью было написано «ГОРОДСКАЯ БОЛЬНИЦА № 4». На втором — «ГОРОДСКАЯ БОЛЬНИЦА № 7». На третьем двери не было, только зало-

женная кирпичом ниша.

— Почему семь? — спросил Мирон.

— Потому что четвёрка — номер здания, а семёрка — номер неслучившегося здания, — ответил Леонид. — Держите фотографии отдельно. Вместе они начинают спорить.

Я взял первый снимок и вдруг увидел в одном из окон силуэт. Молодая женщина с красным шарфом стояла за жалюзи. Когда я моргнул, окно снова стало пустым.

— Соня тоже там?

Леонид посмотрел на меня не моргая.

— Если она получила приказ до следующего окна, значит, будет искать место, где ваш исход можно завершить без свидетелей. Не помогайте ей. Даже если попросит очень ласково.

В машине я сел на заднее сиденье рядом с Мироном. Рита снова была за рулём, Леонид — спереди с чемоданом фотографий на коленях. Разве что по внешнему виду он теперь напоминал женщину с короткой стрижкой. В зеркале заднего вида у него по-прежнему росли седые усы.

— У вас лицо конфликтует с отражением, — заметил я.

— Отражение ещё не уведомили об изменении.

— В Северине это могут считать уважительной причиной.

— К сожалению, — ответил Леонид, — здесь уважительной причиной считается только отсутствие заявителя.

Мы выехали на проспект. Вдалеке над больницей возвышалась бетонная водонапорная башня.

В час двадцать три Ритин телефон коротко мигнул. На секунду появилась карта дороги. Фургон стоял возле больницы, а за его лобовым стеклом виднелись три фигуры. Двое взрослых и мальчик.

Четвёртой не было.

Карта пропала раньше, чем я успел рассмотреть, кто из нас исчез.

Рита не спросила, что я увидел. Только крепче взялась за руль.

. . .

В обычной больнице номер четыре пахло хлоркой, мокрыми куртками и отчаянием людей, которые честно записались к врачу за две недели, но всё равно оказались последними в очереди.

Это меня немного успокоило.

Ничто не внушает так много доверия, как стабильное низкое качество муниципальных услуг.

У входа дежурил охранник. Над его плечом висели электронные часы: 13:26. Слева от проходной стояла старая металлическая доска для объявлений. На ней кто-то приколол булавкой лист: «ВРЕМЕННО НЕ ОБСЛУЖИВАЮТСЯ ГРАЖДАНЕ БЕЗ ИСТОРИИ БОЛЕЗНИ». Ниже от руки приписали: «А граждане с историей вообще когда-нибудь обслуживались?»

Леонид остановился на пороге.

Его лицо менялось теперь чаще. На одно моргание он стал молодым врачом в очках, на другое — мальчиком с перевязанной головой, на третье — женщиной с длинной косой. Охранник не заметил. Или сделал вид, что не заметил.

— Паспорт, — потребовал он.

— Вот, — сказал Леонид и протянул документ.

Охранник внимательно изучил пустое место, где должна была быть фотография.

— Вы на кого оформлены?

— На себя.

— Это запрещено. На себя оформляют только по предварительной записи.

Я хотел помочь, но Рита наступила мне на ногу.

— Мы привезли свидетеля по специальному предписанию Комитета, — сказала она. — Врач-координатор Котова. Фамилия указана. Время указано. Ваше право — вызвать ответственное лицо, а не решать, существует ли посетитель.

Охранник перечитал бумагу и набрал внутренний номер.

— Дарья Ильинична? Тут к вам... — Он скосил глаза на Леонида. — Трудно сказать кто.

Из трубки донёсся раздражённый женский голос:

— Принимайте всех. У нас приёмное отделение, а не пограничный контроль!

— Есть особенности с фотографией.

— У половины больных особенности с фотографией. Ве-

дите в красную регистратуру.

Охранник отдал пропуск. Рита на секунду задержала его руку.

— Фамилия?

— Сазонов.

Она записала её в блокнот.

— Время принятия обращения — тринадцать двадцать девять. Вы видели четырёх посетителей. Это важно.

— Я видел троих, — сказал Сазонов.

Мы переглянулись.

— Кого не видели? — спросила Рита.

Охранник показал пальцем туда, где стоял Леонид.

— Его. Только бумагу, которую вы ему дали.

Леонид опустил глаза.

— Началось раньше, чем я ожидал.

Приёмное отделение занимало два крыла. В одном люди спорили с автоматом электронной очереди, в другом медсёстры поднимали с каталок пациентов, которых уже должны были увезти на этажи. За окном виднелся двор со скорыми, бетонный пандус и большая дверь с облупленной цифрой шесть.

В дверях перевязочной появилась женщина лет тридцати пяти в медицинском халате и резиновых сабо. Волосы были забраны в тугой пучок; под глазами лежали тени такого оттенка, который возникает только после нескольких подряд ночных смен.

— Дарья Котова. Кто из вас свидетель?

Леонид поднял руку.

Дарья посмотрела ему в лицо и едва не уронила планшет.

— Максим Юрьевич?

У меня внутри что-то дёрнулось.

— Максимов? — спросил я.

Врач моргнула.

Перед ней уже стоял седоусый старик.

— Извините. Вы похожи на нашего техника, — пробормотала она.

Леонид не стал поправлять. Рита, напротив, шагнула ближе.

— Этот техник работает сейчас?

— Работал. До вчерашнего утра. Сегодня в расписании его нет. Я думала, уволился.

— Где его кабинет?

— В подвале. Но сейчас туда никого не пускают. Что происходит?

— Нам бы тоже очень хотелось знать, — сказал я.

Дарья прочитала пропуск Руденко. Лицо её стало не столько испуганным, сколько злым.

— Опять Комитет. В прошлом месяце нам велели закрыть два этажа, потому что персонал помнил один пожар по-разному. Мы привезли пятерых пострадавших из скорой, а через час оказалось, что пожара никогда не было. Трое до сих пор в ожоговом.

Она спрятала бумагу в карман.

— В палату ноль не пойдёте, — сразу предупредила врач. — Я никого туда не пускаю без своего разрешения.

— Очень разумный лечебный метод, — сказал я.

— Там пациент на карантине. И он уже менял соседей по палате без переселения.

Мирон осторожно потянул меня за руку.

— Пациенту нельзя смотреть на дверь, — прошептал он. — И двери нельзя смотреть на него.

Дарья услышала.

— Мальчик, ты знаком с нашим отделением?

Мирон прижался к Рите. На его ладони сквозь кожу проступила красная семёрка. Единица рядом на секунду исчезла, потом вернулась.

— Я был здесь, — сказал он. — Только это называлось «домой».

Дарья перестала записывать.

— Я сейчас задам очень странный вопрос. Ему девять лет?

— Сегодня да, — ответил я.

Врач побелела.

— Мы сегодня выписывали девятилетнего мальчика с таким же лицом. В двенадцать сорок. Но в карточке стоит «выписан десять лет назад».

Она открыла папку. Перебрала несколько листов, посмотрела на экран.

— Карточка пропала.

— Не ищите, — сказал Мирон.

С потолка раздалось короткое, почти обычное объявление:

«Врачам приёмного отделения пройти на служебный пост. Возможна повторная госпитализация уже выписанных пациентов».

Дарья прислушалась.

— У нас нет такого объявления.

Рита посмотрела на часы. 13:37.

— Сначала оформляем свидетеля, — сказала она. — Потом разбираемся с остальным. Нам нужна бумага, что вы его приняли.

— Хорошо, — ответила Дарья. — Но я буду писать вручную. Электронная система сегодня трижды выписывала живых людей как умерших.

В регистратуре нашлась старая копировальная бумага. Дарья вставила три листа в металлический бланк и начала писать. Рита попросила оставить на каждом листе разные подписи: врача, свидетеля и наблюдателя. Дарья согласилась.

— Подпишитесь здесь, — сказала она Леониду.

Он взял ручку.

В первый раз вывел «Л. С. Вельский». Синяя надпись побледнела и стала «А. В. Романова». На втором экземпляре проявилось «Максим Юрьевич Максимов». На третьем бумага осталась чистой.

Дарья уставилась на документы.

— Я же говорила, — устало произнесла она, — сегодня электронная система ведёт себя странно. Теперь ещё и бумага.

— Вы видите три разных подписи? — спросила Рита.

— Четыре. На четвёртом листе подпись уже была, когда я его взяла.

Никто не заметил, откуда взялся четвёртый лист.

Я нагнулся над бланком. Там стояла знакомая размашистая подпись.

«В. А. Шумов».

Под ней было напечатано:

«ПАЦИЕНТ НОЛЬ. ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ХРАНЕНИЕ: ШУМОВ В. А.»

Я почувствовал, как из коридора потянуло холодом.

— Начальник у вас на полставки работает? — спросил я.

Дарья нахмурилась.

— Не знаю такого человека.

— А подпись?

— Этого листа здесь не было, — уверенно ответила она.

Рита тут же убрала четвёртый лист отдельно. Края бумаги были мокрыми, хотя всё вокруг оставалось сухим.

— Тихон, — сказала она, — ни к каким дверям с нулём не подходишь. Леонид остаётся у врача. Я организую оформление. Ты с Мироном ждёшь снаружи, у машины.

— А если начнётся что-то страшное?

— Уже началось. Поэтому мы будем делать по плану, а не по твоей привычке вбегать внутрь первым.

Я открыл рот, чтобы обидеться.

Где-то в глубине здания закричала женщина.

Потом другая. Затем раздался детский плач и звон разбитого стекла.

Дарья побежала к двери.

Мы услышали голос медсестры из коридора:

— Дарья Ильинична! Вы же только что её выписали! Как она снова здесь? И почему их две?!

Из-за поворота вылетела каталка.

На ней лежала женщина лет сорока с перевязанной головой. За каталкой бежала такая же женщина. Только у второй не было повязки, а на руках она держала новорождённого ребёнка.

Обе кричали одно и то же имя.

Своё.

. . .

Человек может считать себя готовым к встрече с невозможным.

На практике готовность кончается примерно в ту секунду, когда невозможное просит чистую пелёнку.

Женщина с ребёнком опустилась на колени возле каталки.

— Это я, — шептала она. — Я же выжила. Я выжила, слы-

шите?

Женщина с повязкой смотрела на неё с ужасом.

— У меня не было ребёнка. Я ехала на работу. Меня сбила машина.

— Машина не сбивала! — закричала вторая. — Я успела перейти! Я была в роддоме! Это мой сын!

Дарья попыталась взять младенца на руки. Он был тёплым и дышал. Потом она положила ладонь на запястье женщины с повязкой: пульс тоже был.

— Обе живы, — сказала врач, и в голосе её прозвучал профессиональный ужас. — Не трогать ни одну. Пока не поймём, почему они здесь.

Слева открылась дверь лифта.

Оттуда вышел старик в больничной рубашке. Он держался за перила и жаловался, что ему забыли выдать тапочки. Следом из лифта вынесли каталку с телом того же старика. На ней лежала табличка «Время смерти: 12:58».

Пожилая медсестра у поста перекрестилась.

— Я оформляла его смерть, — прошептала она. — А потом он попросил чаю.

— Значит, дайте человеку чаю, — сказала Дарья.

Именно эта фраза заставила меня впервые поверить, что у больницы есть шанс пережить день.

Дарья распределяла людей по свободным койкам и не спрашивала, существуют ли их диагнозы в базе. Она спрашивала, кому нужен кислород, у кого кровотечение, кто мо-

жет ходить. Мирон помогал относить бинты. Рита развернула рядом со столом свой блокнот и диктофон, записывая имена и время появления каждого пациента.

Я обнаружил, что в толпе есть двое мужчин с одинаковой гипсовой повязкой. Один толкал второго на инвалидном кресле, потому что тот не мог стоять. На моё предложение помочь первый ответил:

— Я его не брошу. Мне всю жизнь говорили, что я мог бы стать другим человеком. Сегодня наконец встретил. Жалко, он без костылей.

Удивительным образом это было смешно и страшно одновременно.

Из-за дверей лаборатории донёсся хруст, похожий на разламываемую деревянную мебель. Электронное табло очереди поменяло зелёные номера на чёрные.

«РЕЕСТР НЕВОСТРЕБОВАННОГО: ПРИЁМ ВРЕМЕННО ВОЗОБНОВЛЁН».

Следующей строкой появилась другая:

«ТРИАЖ НЕЗАВЕРШЁННЫХ ИСХОДОВ. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ПОМЕЩЕНИЯМ».

— Что такое триаж? — спросил Мирон.

— Медицинская сортировка, — ответила Дарья. — Когда пострадавших слишком много, мы решаем, кому помощь нужна прямо сейчас.

— Здесь решают не кому помочь, — сказал мальчик. — Здесь решают, кого оставить.

Стены приёмного отделения вздрогнули.

За одним из окон, выходивших во двор, вместо машин скорой помощи проступила длинная больничная палата. В ней стояли десятки кроватей. На каждой кто-то лежал под простынёй, повторяя чужое имя.

Леонид, всё ещё сидевший у стола, резко поднялся.

— Отведите их от стекла.

— Почему? — спросил я.

— Потому что там ещё нет окон. Если их заметят, они попытаются войти через то, что вы уже считаете настоящим.

Поздно.

Окно лопнуло, не разбиваясь. Стекло осталось целым, но сквозь него шагнула маленькая девочка в больничной пижаме. Следом показалась вторая. Третья.

У всех троих было одно лицо, но разный возраст. У самой младшей не хватало переднего зуба. У средней на шее висел школьный ключ. Старшая держала под мышкой форму для гимнастики.

— Мама? — спросила первая.

— Я пришла за нами, — сказала третья.

Девочки увидели друг друга и закричали.

Не от злобы. От узнавания.

Дверь за спиной медсестры захлопнулась. Над ней возникла новая табличка:

«САНИТАРНЫЙ ШЛЮЗ № 6. ЗОНА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ СОРТИРОВКИ».

Секунду назад там находился выход к двору.

Теперь сквозь матовое стекло виднелись шесть одинаковых длинных коридоров.

В каждом лежали люди, которых кто-то когда-то не успел спасти.

Из коридора за шестой дверью выкатился комок бумаги.

Сначала я решил, что это брошенные истории болезни. Потом комок поднялся на длинных сложенных ногах. Белые листы разошлись веером, образуя туловище в больничном халате. На месте головы находилась толстая папка с красной печатью «ВЫПИСАН».

Существо держало в руке ножницы для перевязочных материалов.

— Документы к закрытию, — сказало оно голосом медицинского автоответчика. — Просьба не покидать зону ожидания.

Оно шагнуло к женщине с новорождённым.

Дарья схватила лоток с инструментами и ударила существо по вытянутой руке. Ножницы выскользнули. Бумажные пальцы тут же отросли из следующей страницы.

— Все, кто может ходить, к лестнице! — крикнула она.

Рита отобрала у меня тяжёлую металлическую стойку для капельницы.

— Пусто, — сказала она.

— Что пусто?

— У тебя в руках. Не лезь под ножницы, пока не приду-

маешь что-нибудь полезнее героического выражения лица.

Она толкнула стойку мне. Я успел развернуть её поперёк прохода. Бумажный санитар налетел на железную перекладину. Его туловище сложилось пополам, голова-папка с хрустом раскрылась. На внутренней стороне переплёта мелькнули фотографии живых людей, перечёркнутые красными линиями.

Леонид шагнул к нему с раскрытым чемоданом.

— Этого нельзя убить, — сказал он. — Он не живой. Это решение, которому дали руки.

— А решение можно обжаловать? — спросил я.

— Не на нём. На том, кто его подписал.

Санитар зацепился ножницами за стойку. Металл почернел, и по нему побежали слова: «ИМУЩЕСТВО НЕ ПЕРЕДАВАЛОСЬ». Я отпустил стойку. Она исчезла вместе с санитаром на секунду, потом вернулась на пол в виде аккуратно сложенного листа нержавеющей стали толщиной с открытку.

— Справа! — закричала Рита.

Из боковой двери вышел второй санитар. Третий уже стоял возле лифта.

На дисплее над нами появилось время: 13:46.

Потом строка:

«ДО ЗАВЕРШЕНИЯ ТРИАЖА: 00:14:00».

— Они собираются закрыть приём в два, — сказала Дарья.

— Закрыть в каком смысле? — спросил я.

Леонид посмотрел на женщин возле каталки.

— Оставить только одну версию каждого исхода. Остальные отправить обратно. Если Реестр переполнен, обратно отправлять некуда. Они будут удалены вместе с теми комнатами, где находятся.

Я вспомнил Руденко с картой, на которой было сразу три дома на одном участке. Помещение не может вместить всё. Но люди, которых оно перестало вмещать, от этого не становятся менее настоящими.

— Надо закрыть переход, — сказал я.

— Если перекрыть шестую дверь, — возразила Дарья, — все, кто уже внутри, останутся без выхода. У нас там послеоперационная. Двенадцать человек.

— В другой версии двадцать, — сказал Мирон.

Дарья обернулась к нему.

— Откуда знаешь?

— Слышно.

Из-за двери донёсся мужской голос, зовущий медсестру по имени. Потом женщина заплакала. Кто-то три раза постучал по дереву, хотя там был металл.

— Нельзя оставлять их там, — сказала Рита.

— И нельзя впускать всех сюда, — ответила Дарья. — На этом этаже сто двадцать пациентов. Если сорвутся кислородные линии, погибнут и те, кто вообще не имеет отношения к вашим расхождениям.

Телефон Дарьи завибрировал. На экране высветилась Ру-

денко. Врач включила громкую связь.

— Слушаю.

— Котова, в вашем крыле обнаружена незакрытая выдача невостребованных исходов, — сказала Руденко. На фоне гудели моторы. — Группа уже на территории. Мы устанавливаем внешний контур. Отведите людей от шестого шлюза.

— Внутри мои больные.

— Знаю. Я получила их список.

— Тогда откройте выход во двор.

Пауза длилась три секунды.

— Если открыть выход, через него попадут в город исходы из всех шести коридоров. На карте появится ещё один район, который физически некуда поставить. Северин может не выдержать.

— И что вы собираетесь сделать?

— В четырнадцать ноль пять изолировать блок.

— Там люди!

— Там люди, которым я обязана объяснить, почему мы не спасли остальных. Я не хочу этого, Дарья. Но снаружи находятся тысячи, у которых вообще нет выбора.

Руденко не повышала голоса. Ужас состоял именно в том, что её довод имел смысл.

— Мы найдём способ, — сказала Рита.

— Найдите до четырнадцати ноль пяти. И, Орлова... Не позволяйте Лазареву отменить всю сортировку. Он может открыть дверь, но не сможет сделать коридоры больше.

Связь оборвалась.

Дарья обвела взглядом переполненный зал, застрявшую каталку, троих девочек, прижавшихся друг к другу. Одна из них — самая старшая — неожиданно взяла младшую за руку.

— Не плачь, — сказала она. — Я помню, что в нашем доме пахло яблоками.

— В нашем? — спросила младшая.

— В любом, где мы были.

Я отвернулся. Вещи, которые исчезают из документов, ещё можно искать. С людьми труднее: невозможно написать заявление на самого себя, если в графе «заявитель» уже указано «не существовал».

— Сколько у нас времени до двух ноль пять? — спросил я.

— Девятнадцать минут, — ответила Рита.

— Для начала надо продержаться до двух и зарегистрировать Леонида. Иначе отнимут исход с «Маячной».

— Это я сделаю. — Она посмотрела на Дарью. — Нам нужен временный номер для пациента с неопределённой личностью. Без подстановки фамилии. По медицинскому правилу: сначала принять человека, потом выяснять, как его зовут.

Дарья медленно кивнула.

— Есть такой бланк. Для пациентов без сознания и документов. Только он находится на посту шестого блока.

— Значит, принесём.

— Там санитары.

— Я уже заметила.

Рита взяла со стола большой рулон медицинского пластыря.

— Давайте ещё тележку и две простыни. Настоящие, без неслучившихся владельцев.

— Что ты собираешься делать? — спросил я.

— То, чему меня учили в спортивной школе. Переносить тяжести. Только сегодня они могут возражать.

Она оглядела нас.

— Леонид идёт со мной. Дарья отмечает всех на бумаге. Тихон помогает эвакуировать людей в обычное крыло. Мирон остаётся с врачом. Никто не подходит к нулевой палате. И если что-то пойдёт не так — не бежим друг за другом автоматически. Сначала говорим, что именно собираемся спасти.

— Ты отлично руководишь, — сказал я.

— Не мешай, и, возможно, продолжу.

Рита вытащила из кассетного диктофона плёнку, на которой говорил неизвестный взрослый Тихон. Отложила её, вставила запасную. Нажала запись.

— Тринадцать сорок семь. Начинаем эвакуацию. Если у кого-то из нас исчезнет память, не принимайте это за согласие на чужие решения. Мы договорились, что свидетель имеет право сказать «нет».

Она поставила аппарат на тележку и, не оглядываясь, пошла в шестой шлюз.

Рядом с ней двигался человек, которого ни одна камера не могла как следует увидеть.

. . .

Позднее я несколько раз пытался вспомнить всё, что произошло в следующие десять минут, по порядку.

Не получилось.

Во-первых, в больнице было три разных времени. Цифровые часы спешили к четырнадцати ноль пяти. Механические остановились на тринадцати пятидесяти двух. У старика, вышедшего из лифта после собственной смерти, часы на запястье показывали вчерашний вечер.

Во-вторых, люди почти никогда не ведут себя так, как принято в книгах. Никто не выстроился дисциплинированной колонной. Больной с кислородной маской отказался оставлять палату без аквариумной рыбки. Женщина с перевязанной головой не желала уходить, пока её другая версия не найдёт пелёнки для ребёнка. Из трёх девочек одна пыталась вывести двух остальных, а две тянули её обратно — потому что каждая помнила другую лестницу.

Мы двигались от койки к койке, не спрашивая, кому из них положено существовать.

— Дыхание есть? — кричала Дарья.

— Есть!

— Пульс?

— Есть!

— Тогда идёте!

Я держал дверь плечом, пока сквозь неё проходили люди. Санитары из бумаги тянулись за каждым, кто получал временный номер. Из стен торчали металлические скобы. Одна зацепила женщину за рукав; ткань сложилась гармошкой, а рука под ней начала становиться плоской.

Я сдернул с себя куртку и бросил скобе. Та ухватила её вместо человека. Куртка исчезла, оставив на полу ярлык с инструкцией по стирке.

— Отлично, — сказал я. — Опять придётся покупать одежду. С моим уровнем дохода конец света совершенно невыгоден.

Женщина не ответила. Она трясущимися руками проверяла, осталась ли у неё настоящая ладонь.

Я пожалел о шутке.

Из шестого коридора выкатилась тележка. Рита толкала её так, словно на ней лежали мешки с цементом. На верхней полке стоял металлический штамп. На нижней сидел Леонид, зажав обеими руками переносицу. У него было лицо Максимова.

— Есть бланк! — крикнула Рита. — И ещё кое-что!

Она бросила мне тонкую папку. На обложке стояла старая печать больничного архива: «ЛИЧНЫЕ КАРТЫ ДО ПЕРЕВОДА В ЕДИНУЮ СИСТЕМУ».

— Ты ведь лечился тут в девятом классе после драки? —

спросила она.

— Ну да. Переносицу вправляли. Врач сказал, что характер пациента лечить дорого.

— Я нашла твою старую бумажную карту среди невостребованных. Ты там ещё живой.

Я раскрыл папку. Под колючей подписью врача стояли моя фамилия, четырнадцатилетний возраст и дата выписки. На полях было написано: «Пациент спорил, что нос ему сломал не одноклассник, а неправильно установленная дверь спортивного зала». Внизу кто-то дописал красным: «Всё-таки одноклассник».

Я узнал собственный почерк рядом с этой последней припиской.

— Почему моя карта оказалась в шестом блоке?

Рита не успела ответить.

В глубине коридора над дверью с цифрой ноль вспыхнул свет.

Свет был не красным и не белым. Он имел цвет старой киноплёнки на просвет — такой, каким становятся воспоминания, если долго держать их закрытыми.

Леонид вскочил с тележки.

— Она услышала, что вы принесли документ, — сказал он.

— Кто «она»?

— Палата. Ей не нужен больной. Ей нужен человек, который сможет сказать: «Я это помню».

За дверью раздался стук.

Три раза.

Потом детский голос сказал:

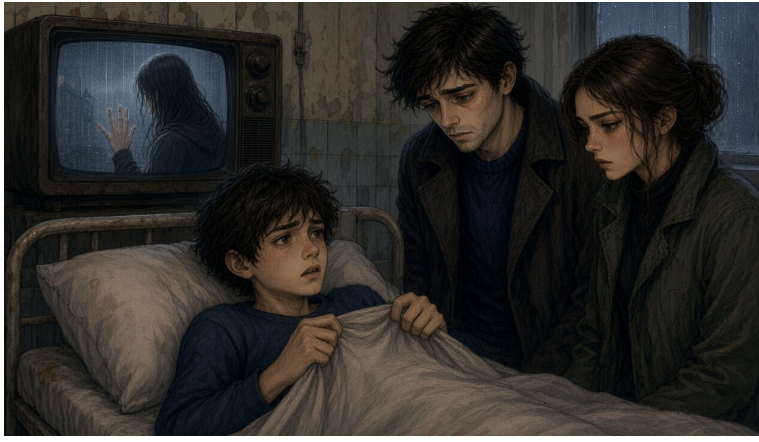
— Тихон, я знаю, что ты здесь.

Голос был слишком знакомым. Так Мирон произносил моё имя на «Маячной». Только теперь его произнёс человек значительно старше — с хрипотцой, с усталостью, накопленной за много лет.

Мирон рядом с Дарьей закрыл уши ладонями.

— Не отвечай, — попросил он. — Пока он тебя не видит, ему кажется, что ты ещё можешь быть другим.

. . .

Рита вернула мне карточку, которую нашла среди старых историй болезни, и задвинула тележку поперёк коридора. Бумажный санитар остановился перед ней, будто встретил невидимую границу.

— Они реагируют на незакрытые документы, — сказала она. — Пока карточка у тебя, ты для них пациент, а не товар для утилизации.

— Звучит почти ласково.

— Не привыкай. Это ненадолго.

На обороте моей медицинской карты темнела свежая печать: «СЛУЧАЙ НЕ ЗАВЕРШЁН». Напечатана она была чернилами, которых там не могло быть четырнадцать лет назад.

Дарья подошла к столу и разложила бланки.

— Вот журнал текущего триажа. Бумажный. Подписала лично, — сказала она. — В электронной системе уже значится «завершён», хотя мы ещё никого не разделили по состоянию. Наши врачи всё ещё работают. Это ложный отчёт.

— Значит, есть противоречие, — произнёс я.

— Не смей, — сказала Рита раньше, чем я успел продолжить.

Я замолчал.

Она посмотрела на меня устало, но не сердито.

— Я не запрещаю тебе использовать Поправку. Я запрещаю тебе назвать её решением, пока ты не узнаешь, какое действие она изменит и за что заплатишь.

— Исправить один статус. Не людям прошлое, не коридорам размеры. Запись «триаж завершён» на «триаж продолжается». Автоматическое закрытие нельзя провести, пока сортировка формально не закончена.

— А что будет после?

— Система потребует завершить его вручную. Врач сможет выдавать временные решения.

Дарья нахмурилась.

— Это даст время. Но места в отделении не прибавятся.

— Времени нам не хватает больше всего.

— Нет, — сказала Рита. — Больше всего нам не хватает людей, которых система согласится считать людьми.

Она повернулась к Дарье.

— Есть возможность оформить пациентов из шестого блока как временно нуждающихся в наблюдении? Не указав, из какого варианта они пришли?

Врач подумала.

— При неустановленной личности мы ставим временный номер, фиксируем дыхание и пульс, оставляем пациента под наблюдением. Но если их двадцать с лишним, а у меня восемь коек...

— Возьмём физкультурный зал на третьем этаже, — сказала Рита. — Он за противопожарной перегородкой. Там можно поставить раскладушки. Они не выйдут в город, пока вы не поймёте, что делать. Мы не просим признать две жизни одним человеком. Просим не убивать обе до решения.

Дарья медленно выдохнула.

— Зал закрыт на ремонт.

— Вы сейчас серьёзно хотите спорить о ремонте?

— Нет. Я вспоминаю, у кого ключ.

Всё внезапно стало похоже на привычную работу. Найти помещение. Назначить ответственного. Получить подпись. При этом на противоположном конце больничного крыла из стены выросли две лишние двери и кто-то кричал, что у него кончается воздух.

— Ключ у старшей сестры, Веры Александровны, — сказала Дарья. — Она сейчас в шестом блоке. Идти за ней опасно.

— Я принесу, — предложила самая старшая из трёх одинаковых девочек.

Мы обернулись. Ей на вид было пятнадцать. Она держала младшую за руку.

— Нет, — ответила Дарья.

— Я помню дорогу, — сказала девочка. — Младшие не помнят. А я помню, как мы лежали на этой же койке семь лет назад. До ремонта. Там есть проход через склад.

— Ты не обязана, — сказал я.

— Тогда кто обязан? — спросила она с совершенно взрослым спокойствием.

Рита присела перед ней.

— Скажи имя, которым хочешь называться. Не то, какое должно быть в карточке. Своё.

— Катя.

— Хорошо, Катя. Возьмёшь мой фонарик. Вернёшься к лестнице, если проход начнёт меняться. Никаких геройств. Если заблудишься, громко называй время с часов — не имя.

Девочка кивнула и исчезла в узком проходе между шкафами с лекарствами.

Дарья собралась бежать за ней, но с площадки донёсся грохот: бумажные санитары перевернули каталку. Несколько человек упали. У женщины с новорождённым выскользнул из рук свёрток.

Я поймал его у самого пола.

Ребёнок открыл глаза. Обычные серые глаза, недовольные обслуживанием с первой минуты существования. Он размахивал крохотным кулаком и сердился на весь свет, словно уже успел ознакомиться с городскими тарифами.

Мать протянула к нему руки. На её лице была такая благодарность, что я неожиданно отвернулся.

Если уж мир собирался отнять у кого-то младенца, ему следовало хотя бы найти смелость сделать это лично.

Я отдал ребёнка. За моей спиной захлопнулся лифт.

На его дверях загорелась цифра 0.

— Тихон! — крикнула Рита. — Не оборачивайся!

Я не обернулся.

Внутри кабины кто-то негромко позвал:

— Тиша.

Голос Сони. Без помех и шелеста. Тот самый, который

двенадцать лет назад велел мне надеть шапку, прежде чем выйти на мороз.

— Тиша, если ты сейчас посмотришь, я смогу с тобой поговорить. Всего минуту.

Я стоял спиной к лифту и держался за край каталки так сильно, что побелели пальцы.

— У меня сестра была очень вредная, — сказал я. — Она никогда не просила только одну минуту.

Позади послышался тихий смешок.

— Ну, хоть это ты помнишь.

— Не говори через двери, — попросил я, и голос вдруг перестал меня слушаться. — Если ты правда здесь, выйди.

— Не могу. Пока ты числишься живым после смерти, мой приказ открыт. А здесь тебя легко достать.

— Значит, не выходи.

— Умнеешь, братик.

На металлической двери что-то процарапали. Рита, не поворачивая головы, выдернула из лифта длинную полоску красной ткани. Кончик шарфа остался у неё в руке.

— Ты не обязана делать это, — сказала Рита в сторону дверей.

Соня ответила не сразу.

— Вы не знаете, что мне придётся сделать, если он вспомнит.

— Тогда расскажи заранее.

— Не могу. Некоторые приказы срабатывают от свидете-

ля, даже если исполнитель отказался.

Лифт тронулся. Индикатор показывал 0, хотя кабина поднималась.

Я наконец позволил себе повернуться. На дверях остались две царапины в форме маленькой кривой звезды. Из щели тянулся запах мокрого пальто.

Рита спрятала лоскут шарфа в конверт.

— Новое свидетельство, — сказала она. — Не отдадим никому, пока не разберёмся, что оно означает.

Телефон в её кармане завибрировал. Экран открылся сам собой.

13:58.

«ДО ОТМЕНЫ ИСХОДА «ОРЛОВА ОСТАЁТСЯ НА МАЯЧНОЙ»: 00:02:00».

Я потянулся к её руке.

Она отступила.

— Нет, — сказала она. — С этим разбираюсь я.

Рита быстро подошла к столу, взяла чистый бланк и положила его перед Дарьей.

— Оформляйте временное поступление. Без имени, которое вы не можете проверить. Свидетель поступил лично, находится в учреждении, врач осмотрел его. Его лицо не совпадает с реестром — так и напишите.

Дарья заполнила графы.

«ЛИЦО: НЕ УСТАНОВЛЕНО. СОЗНАНИЕ: ЯСНОЕ. МЕСТО НАХОЖДЕНИЯ: ПРИЁМНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ. ОС-

НОВАНИЕ ПРИЁМА: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СВИДЕТЕЛЯ ПЕРВИЧНОГО РАСХОЖДЕНИЯ».

— Подпись пациента, — сказала она.

Леонид взял ручку, посмотрел на неё и положил обратно.

— Если подпишусь, меня опять разделят по фамилиям.

— Тогда отпечаток пальца, — сказала Рита. — Дактилоскопия не определяет, за какое прошлое человек должен отвечать.

Он приложил большой палец к штемпельной подушечке.

На бумаге остались четыре разных отпечатка, наложенных один на другой. Рита не стала их стирать. Напротив каждого поставила маленькую точку карандашом.

— Отметка врача. Отметка ответственного свидетеля. Время, — потребовала она.

Дарья поставила печать.

13:59:43.

На экране у Риты появилась строка:

«СВИДЕТЕЛЬ ПРЕДСТАВЛЕН. ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ПО ПЕРВОМУ ОТКАЗУ ПОДТВЕРЖДЕНО. РЕТРОАКТИВНОЕ ВЗЫСКАНИЕ ПРИОСТАНОВЛЕНО».

Я услышал, как Рита выдохнула.

Не облегчённо. Так человек выдыхает, добежав до края обрыва и обнаружив, что за ним начинается другой.

— Ты справилась, — сказал я.

— Пока что я заполнила бумагу. Не начинай благодарственную речь.

В следующую секунду красные цифры на ладони Мирона вспыхнули ярче.

Из-за двери палаты ноль раздался уже не один стук. Много. Словно за ней стояла толпа людей и каждый требовал, чтобы открыли именно ему.

Часы над регистратурой показали четырнадцать ноль-ноль.

Электронная система произнесла:

«ПРЕДСТАВЛЕН СВИДЕТЕЛЬ, СОДЕРЖАЩИЙ НЕСКОЛЬКО НЕСОВМЕСТИМЫХ ИСХОДОВ».

Леонид закрыл глаза.

«ПРОВЕРКА ВНУТРЕННИХ ЗАПИСЕЙ СВИДЕТЕЛЯ. ОБЪЁМ: НЕ ОГРАНИЧЕН».

— Вот почему сюда требовали привести меня, — прошептал он.

— Почему? — спросил я.

— Они не хотят, чтобы я свидетельствовал. Они хотят использовать меня как дверь.

Пол под нами тяжело вздохнул.

Сквозь стыки плитки проступили белые линии — точно такие, какие Мирон рисовал мелом на платформе. Семь неравных частей квадрата. В каждой появилась маленькая дверь.

Первая начала открываться.

. . .

Я всегда думал, что катастрофа сопровождается большим количеством шума.

Почти ничего подобного не было.

Первая дверь в нарисованном квадрате открылась беззвучно. Из неё выпала детская варежка. Затем появилась рука, подбиравшая варежку, — взрослая, с обожжёнными пальцами. Потом человек целиком. Женщина с седыми волосами ступила на больничную плитку и остановилась, глядя на нас с удивлением.

— Простите, — сказала она. — Это всё ещё автобусная остановка?

Из второй двери хлынула вода. Из третьей донёсся звук футбольного матча, который никогда не состоялся. Четвёртая выпустила запах тёплого хлеба и маленького мальчика с клетчатым портфелем. В пятой стояла тёмная лестница, уходившая вверх и вниз одновременно.

Леонид опустился на колени.

Лицо его начало меняться с такой скоростью, что я не мог различать отдельные черты. Он сжимал виски, а между пальцами проступали короткие имена, записанные чужими почерками.

— Они читают меня, — выдохнул он. — Всё, что во мне оставили. Они достают каждый исход, который никто не

смог уничтожить.

Рита подхватила его под мышки.

— Тогда прекращаем чтение. Дарья, оформите перевод свидетеля в изолятор на третьем этаже. Вручную. И без автоматического назначения палаты!

— Если он выйдет за контур, — крикнула Дарья, — город не вместит то, что из него сейчас выходит!

— А мы его за контур не выводим! Третий этаж в этом же корпусе. За противопожарной дверью. Сами всё закрываем.

Она вновь повернулась ко мне.

— Тихон! Ты сказал, что можешь изменить один статус. Если собираешься — сейчас.

Я посмотрел на бумажный журнал Дарьи. На его последней странице стояла подпись медсестры, сделанная полминуты назад: «Триаж продолжается, пациенты не распределены». На электронном табло, наоборот, уже светилось «ТРИАЖ ЗАВЕРШЁН». Противоречие было настоящим. Но право возражать снова требовало трёх подтверждений того, что я — это я.

— Кольцо мы уже использовали, — сказал я. — Журнал Максимова тоже. Всё погашено.

— У тебя есть шрам, — ответила Рита. — Под подбородком. Получен задолго до сегодняшнего дня.

Я машинально провёл по нему пальцем. Тонкая линия от падения с велосипеда. На руке осталась капля крови: я содрал кожу, когда отталкивал бумажного санитара.

— Материальный след, — сказал я. — Существовал до всех сегодняшних изменений.

— Второе — я.

— Старый рассказ о столе уже потрачен.

— Значит, новый. Помнишь, когда в нашем здании отключили электричество, а в лифте застряла уборщица с собакой?

Память вспыхнула сразу. Три года назад, февральский вечер. Мы вдвоём стояли у шахты. Рита откручивала защитный кожух, потому что ключ от аварийного щитка уехал домой вместе с электриком. Я в это время читал вслух инструкцию по ручному открытию дверей. Собака внутри лаяла на каждом слове «ответственность».

— Ты сказала, что я читаю как диктор программы «В мире животных», — вспомнил я.

— А ты ответил, что собака — единственный слушатель, который нас понимает. Как её звали?

— Кнопка. И когда вытащили, она первой укусила меня за шнурок.

Рита коротко улыбнулась.

— Верно.

— Третье — карта из старой больницы, — сказал я. — Отдельный врач, отдельные записи. Она создана раньше, чем нас вписали в сегодняшний кошмар.

Буквы проявились прямо на перевязочном бинте у меня на запястье:

АКТ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ЛИЧНОЙ НЕПРЕРЫВНОСТИ. Материальный след: рубец на подбородке Т. А. Лазарева. Подтверждено. Свидетель: М. П. Орлова. Совместное воспоминание подтверждено независимо. Документ: бумажная медицинская карта № 412. Не связана с действующим Реестром. Доступ для одного действия восстановлен. ПРАВО I — ОТКАЗ: ДОСТУПНО. ПРАВО II — ПОПРАВКА: ДОСТУПНО.

Я поднял журнал над головой.

— Оспариваю завершение сортировки. Врач всё ещё принимает пациентов. На бумаге есть подпись. На экране обратное. Требую поправку: статус триажа шестого шлюза — «ПРОДОЛЖАЕТСЯ».

Воздух перед глазами потемнел.

ПРАВО II: ПОПРАВКА. Объект: один подтверждённый административный факт. Текущее значение: «ТРИАЖ ЗАВЕРШЁН».Предлагаемое значение: «ТРИАЖ ПРОДОЛЖАЕТСЯ».Последствия: процедура удаления не может быть завершена автоматически. Пространственные ограничения сохраняются. Уже устранённые исходы не восстанавливаются. Стоимость: один подлинный факт личного прошлого заявителя. Предлагаемый к удержанию факт: ночь, когда Елена Лазарева вспомнила свою дочь после её исчезновения. Стоимость невозвратна.

Я застыл.

Это случилось спустя три недели после исчезновения Со-

ни. Мама разбудила меня среди ночи. Она стояла в коридоре босиком и держала красный шарф двумя руками. Сказала: «Мне снилась девочка. Я знаю, что она была нашей». Потом заплакала. Мы сидели на кухне, не включая света, и мама впервые за три недели называла Соню по имени.

Утром она ничего не помнила.

Я не рассказывал об этой ночи никому. Даже Рите. Я боялся, что, произнеся её вслух, потеряю единственное подтверждение того, что мама хотя бы однажды вернулась к нам обеим — к сыну и к памяти о дочери.

Теперь система просила именно его.

— Тихон? — сказала Рита.

Я не смог ответить сразу.

У дальнего окна женщина с перевязанной головой прижимала к себе новорождённого, пока его другая мать пыталась поднять с пола пожилого мужчину. В проходе плакал мальчик с портфелем. Где-то за шестой дверью осталась Катя, которой на вид было пятнадцать и которая из-за нас решилась пойти по чужому коридору.

Я знал, что никакая поправка не сделает больницу больше. Знал, что не спасу всех одним словом. И впервые согласился с этим прежде, чем потянуться к чуду.

— Цена моя, — сказал я Рите. — Не твоя. И я понимаю, что именно изменяю.

Она на секунду закрыла глаза.

— Тогда выбирай. Но не называй это бесплатным спасе-

нием.

— Подтверждаю поправку.

Электронное табло моргнуло.

«ТРИАЖ ЗАВЕРШЁН».

«ТРИАЖ ПРОДОЛЖАЕТСЯ».

Бумажные санитары замерли. Их ножницы повисли в воздухе, не закрываясь до конца. На дверях выросли тонкие красные полосы: «ОЖИДАНИЕ РЕШЕНИЯ ВРАЧА».

И в эту секунду я забыл, почему мама однажды плакала над красным шарфом.

Не слова. Не лицо. Саму ночь. В прошлом осталось белое место, которое я больше не мог заполнить даже страхом. Я знал, что с меня удержали что-то драгоценное, потому что прочёл стоимость. Но не мог представить, что именно делало этот факт драгоценным.

На экране было написано:

ПОПРАВКА ИСПОЛНЕНА. Личная непрерывность: ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ПОГАШЕНЫ. Восстановление оплаченного факта невозможно.

— Пошли! — крикнула Рита. — У нас всего пять минут до внешнего контура!

Дарья повела каталку к пожарной лестнице. Рита тащила Леонида, не позволяя его лицу попадать в зеркальные панели. Старик с двумя вариантами собственной смерти захватил под руку мальчика с портфелем. Из коридора показалась Катя — бледная, с порезанной щекой, но с ключом от спор-

тивного зала.

— Там уже стоят кровати, — выдохнула она. — Я видела их. Кто-то приготовил заранее.

На секунду меня обдало холодом. Затем я понял, что сейчас не время бояться того, кто подготовился.

Люди пошли наверх. Не все. Нельзя вынести двадцать пациентов через одну лестницу за три минуты, если у троих ломаются ноги прямо на глазах. Некоторые ещё спорили со своими вторыми жизнями. У одной женщины не было имени. У другого мужчины уже не было времени.

Женщина с повязкой остановилась на пороге шестого шлюза. Снаружи стояла её другая версия, держа младенца.

— Возьмите мальчика, — сказала раненая женщина Дарье. — Обеих нас вы всё равно не вынесете.

— Я не имею права выбирать за вас, — ответила врач.

— А я выбираю сама.

Она обняла другую женщину. Очень коротко. Как люди обнимают старых знакомых на вокзале, если не уверены, увидятся ли снова.

Потом толкнула каталку с младенцем к Рите и осталась по ту сторону шлюза, закрывая от бумажного санитара проход.

— Как вас зовут?! — крикнул я.

— Ксения, — ответили обе одновременно.

В четырнадцать ноль пять внешняя перегородка захлопнулась.

Звук был похож на удар ладонью по закрытому гробу.

Санитары рассыпались белыми листами. За стеклом остались шесть коридоров и те, кого мы не успели вывести. На последней секунде раненая Ксения подняла руку. Не просила открыть. Просто показывала, что ещё здесь.

Я тоже поднял руку.

Потом изображение исчезло, и за стеклом снова оказался обычный закрытый кабинет.

. . .

В четырнадцать двенадцать я сидел на полу спортивного зала и считал людей.

Шестнадцать.

Шестнадцать живых людей, которых сегодня утром не было ни в одном действующем списке. Дарья перевязывала Катину щёку. Рита заполняла бумажные карточки временного наблюдения. Леонид лежал на мате лицом к стене, а Мирон прикладывал к его лбу мокрое полотенце.

Снаружи за противопожарной дверью стояли люди Комитета. Они привезли автономный генератор, кислородные баллоны, еду и упаковки чистых простыней.

— Не думал, что вы дадите нам одеяла, — сказал я вошедшей Руденко.

— А вы думали, мы придём добивать лежачих? — спросила она.

— Я пока не составил о вас окончательное мнение.

— Это взаимно.

Она осмотрела зал. Взгляд задержался на мальчике с портфелем, потом на Кате, которая держала за руки двух своих младших версий.

— Вам удалось сохранить шестнадцать человек под временным наблюдением, — произнесла Руденко. — Это больше, чем я рассчитывала.

— По ту сторону осталось ещё девять, — сказал я.

— Знаю. Их местонахождение мы пока фиксируем. Если сломать контур сейчас, вы потеряете и этих шестнадцать, и весь первый этаж.

— А Ксения?

Руденко не отвела взгляда.

— Я не могу подтвердить, что она жива.

Я сжал ладони.

— Она сама решила остаться. Это было её решение, — сказала Рита, не прекращая заполнять карточку. — Не называйте его нашей победой. И не вычёркивайте её из журнала, пока не узнаем правду.

Руденко посмотрела на Риту с неожиданным уважением.

— Дайте мне копию. Я проверю старые коридоры.

— Вы получите копию под подпись, — сказала Рита. — Оригинал останется здесь.

— Договорились.

Впервые за день мне показалось, что между нами и Комитетом существует узкая полоска земли, на которой можно

стоять, не соглашаясь друг с другом.

Потом на старом диктофоне Риты без нажатия кнопки щёлкнул механизм.

Из динамика прозвучал голос:

— Протокол приёма пациента ноль. Время поступления — тринадцать минут после завершения триажа.

Дарья подняла голову.

— Этой записи не должно быть на вашей кассете.

Дверь спортивного зала, ведущая в душевые, медленно открылась.

За ней не было душевых.

Там находилась палата с одной кроватью. На стене висел прозрачный пакет с кровью, хотя трубка от него уходила не к пациенту, а прямо в потолок. Возле кровати стоял старый телевизор с выпуклым экраном. На чёрной табличке над дверью белела цифра 0.

— Закройте! — крикнула Рита.

Она бросилась ко мне, но я уже увидел человека на кровати.

Это был я.

Шестнадцатилетний.

Слишком худой подросток с кривой переносицей, разбитой губой и плохо подстриженными волосами. На нём была знакомая школьная куртка, которую я ненавидел за короткие рукава. Я узнал маленькую дырку возле кармана — Соня прожгла ткань утюгом и уверяла, что это дизайнерская

задумка.

У подростка были открыты глаза.

Он смотрел прямо на меня.

И вместе с его взглядом в память врезалась сцена, которой там не было двенадцать лет.

Лифт в нашем старом доме. Красный шарф. Мокрый женский плащ на лестничной клетке. Маленький ребёнок в жёлтой куртке тянется ко мне из кабины, где застряли два человека.

Соня кричит: «Бери его!»

Я хватаю ребёнка обеими руками. Он плачет, цепляется за мою шею. Дверь лифта начинает закрываться. Соня стоит внутри и придерживает створку, но что-то тянет её назад.

Я могу сунуть руку между дверями.

Могу не выпускать мальчика.

Могу попытаться удержать обоих.

В воспоминании я не делаю ни того, ни другого.

Я отступаю на лестничную площадку с ребёнком на руках.

Двери закрываются.

И я слышу, как Соня произносит:

«Теперь он останется».

Я отшатнулся от палаты. Рита поймала меня прежде, чем я ударился спиной о стену.

— Что ты увидел? — спросила она.

Я не мог ответить. Я смотрел на Мирона. На его жёлтую куртку, висевшую на спинке стула. На красные цифры, про-

ступавшие под кожей ладони.

— Кого? — повторила Рита.

— Я вспомнил, — сказал я. — В тот день я спас не Соню.

Мирон не заплакал. Он только медленно опустил голову.

— Меня, — договорил он.

С кровати шестнадцатилетний Тихон заговорил моим голосом, только молодым, ещё не научившимся прятать страх за шутками:

— Нет. Ты спас того, кого тебе показали. А потом семнадцать раз пытался доказать, что это одно и то же.

На стене над его кроватью проявилась выписка.

«ПАЦИЕНТ № 0. МЕСТО ПЕРЕВОДА: СЕВЕРИН, КВАРТАЛ 7».

Ниже стояла подпись Шумова.

И дата перевода — завтрашняя, 03:17.

Тихон на кровати схватился за край простыни.

— Если хочешь узнать, кого вынес из лифта на самом деле, найди квартал, которого нет. До того, как они перевезут меня обратно.

Затем он повернул голову к Рите и добавил:

— И не отправляйте туда Леонида. В прошлый раз он вернулся один.

Телевизор включился.

На экране появился прямой эфир из спортивного зала. Все шестнадцать спасённых пациентов сидели на своих местах. Рита держала меня за плечи. Мирон стоял рядом.

Только на записи нас было семнадцать.

Среди пациентов сидела женщина в мокром тёмном пальто. У неё появился рот.

Она улыбнулась Мирону.

— Теперь, — произнесла женщина из телевизора, — мне разрешили назвать тебя по имени.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ
КВАРТАЛ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

У меня было несколько вопросов к женщине, которая сидела на экране телевизора в помещении, где её не было.

Например: как она попала в прямую трансляцию из спортзала, если дверь в спортзал была заперта? Почему её мокрое пальто не оставляло следов на полу? И с каких пор в Северине требуется специальное разрешение, чтобы назвать ребёнка по имени?

Но самым срочным оказался четвёртый вопрос.

— Мирон, — сказала женщина.

Мальчик вздрогнул так, будто ему дали пощёчину.

На его ладони красная семнадцатка разошлась двумя тонкими линиями. Я ожидал крови. Вместо неё из кожи выступили буквы, крошечные и ровные, как на квитанции: «АДРЕСАТ УСТАНОВЛЕН».

— Я же просил, — прошептал Мирон. — Не сейчас.

В телевизоре женщина прижала ладонь к стеклу. У неё были длинные пальцы, обветренные костяшки и обручальное кольцо на безымянном пальце. Я заметил кольцо не сразу, потому что пытался разобраться, куда делась её прежняя, невозможная гладкая кожа вместо рта.

— Я не могла раньше, — ответила она.

— Кто дал разрешение? — спросила Рита.

Женщина перевела на неё взгляд.

— Тот, кто открыл нулевую палату.

Рита посмотрела на меня.

Редко я чувствовал себя настолько убедительным аргументом в пользу запрета на самостоятельные решения.

— Я не открывал, — сказал я.

— Ты посмотрел, — возразила Рита. — В твоём случае разница обычно измеряется количеством пострадавших.

Дверь в душевые за моей спиной щёлкнула. Из-за неё потянуло больничным антисептиком, мокрой штукатуркой и чем-то ещё — запахом подгоревшего молока. Так пахло на нашей кухне, когда Соня пыталась приготовить завтрак и забывала про кастрюлю.

Я резко обернулся.

Палаты ноль больше не было. За дверью находились четыре душевые кабины с отбитой плиткой. На одной висела табличка: «НЕ РАБОТАЕТ. ОБРАЩАЙТЕСЬ К АДМИНИСТРАТОРУ».

Администратору, наверное, было очень приятно знать, что к нему можно обратиться по поводу исчезнувшего шестнадцатилетнего двойника.

Мирон сделал шаг к телевизору.

— Не надо, — попросил он женщину. — Не говори больше.

Она смотрела на мальчика с такой жадной нежностью, что

у меня заболело что-то под рёбрами. В этом взгляде не было ничего чудовищного. От этого он выглядел страшнее.

— Я тебя помню, — сказала она.

— А я тебя — нет.

Женщина закрыла глаза. Её лицо на секунду стало лицом молодой девушки с фотографии из архива — той самой, стоявшей рядом с отцом и Шумовым двенадцать лет назад, с младенцем на руках. Потом черты вернулись, и рот снова начал исчезать, будто его стирали мокрым пальцем.

— Тогда пока не отвечай, — успела сказать она.

Экран погас.

Сразу же в зале загудела пожарная сигнализация.

— Ну наконец-то, — сказал я. — Хоть что-то работает по назначению.

Рита даже не взглянула на меня. Она уже проверяла пациентов: шестнадцать человек, вытащенных из шестого крыла больницы. У Кати была перевязана щека. Женщина с младенцем спала сидя. Мужчина, которому в одной версии ампутировали руку, держался обеими руками за край мата, словно боялся потерять одну из них при неловком движении.

Шестнадцать. Не семнадцать.

Дарья Котова вошла из коридора, придерживая телефон плечом.

— Спортзал закрываем, — сказала она. — И это не обсуждается. У нас уже два пациента слышат голоса из шкафчиков, а у охранника на посту появилась вторая дата рожде-

ния. Руденко едет сюда.

— Она здесь, — ответили от двери.

Галина Аркадьевна Руденко, глава Комитета непрерывности, выглядела так, как я обычно представлял человека, которому пришлось в один день объяснять налоговой инспекции существование призраков. Пиджак на ней был чужой, слишком длинный в рукавах. На запястье белела медицинская бирка.

— Кто произнёс имя? — спросила она.

— Женщина в телевизоре, — ответил Мирон.

Руденко побледнела.

Она не принадлежала к людям, которые позволяют страху управлять голосом. Поэтому, когда она заговорила, слова прозвучали особенно сухо:

— Кто-нибудь ответил на обращение?

— Он сказал, что её не помнит, — сообщила Рита.

— Это не ответ на имя. Хорошо.

Я поднял руку.

— У меня, как у официального покойника, уточняющий вопрос. Что произойдёт, если он ответит?

Руденко подошла к Мирону и присела перед ним. Не трогая его руки, прочла красную надпись.

— Названного можно найти, — сказала она. — То, что раньше существовало без адреса, приобретает адрес. Не обязательно здесь. Не обязательно в нашем варианте города.

— И кто будет искать? — спросил Мирон.

— Все, кому ты был нужен.

Мальчик опустил глаза.

— А тем, кому я не нужен, можно не приходить?

Руденко на мгновение потеряла выдержку. Совсем немного: по её лицу прошла судорога, похожая на боль. Потом она встала.

— Немедленно обесточить телевизор. Полностью, с выносом кабеля из стены. Ни в одном протоколе не указывать имя мальчика вместе с фамилией из старого архива.

Я переглянулся с Ритой. У нас уже была фотография с подписью «Н. Колосова», но Руденко пока не знала, сколько именно мы нашли. Или делала вид.

— Давайте обсудим другое, — сказал я. — В палате ноль лежал я в шестнадцать лет. Он сказал найти квартал семь. А выписку о переводе подписал Шумов. Я хочу туда попасть.

— Нет.

— Очень содержательно. У вас есть версия для людей, которые уже умерли и не боятся отказа в обслуживании?

— Квартала семь не существует.

— Тогда туда нетрудно попасть без вашего разрешения. Дорожные знаки, по идее, тоже не существуют.

Руденко посмотрела не на меня, а на Дарью.

— Сколько пациентов осталось за шлюзом?

— Девять, — ответила врач. — Мы не знаем, живы ли все. И прежде чем вы начнёте перечислять технические ограничения, я напоминаю: я дала письменные показания по каж-

дому.

— Я помню, — сказала Руденко. — Я подписала приказ не открывать блок. Если бы открыла, вы сейчас оформляли бы не девятерых, а несколько тысяч.

— Вы можете быть правы, — ответила Дарья. — Но девятерым от этого не легче.

Руденко не возразила. Просто взяла у неё список. Большой палец задержался на имени Ксении — той, которая осталась с повязкой за дверью, чтобы другая версия себя и ребёнок успели выйти.

— Пока шлюз закрыт, поиск продолжается, — сказала она. — Я это не отменяла.

Мне хотелось не любить Руденко. С такими людьми проще, если они произносят жестокие распоряжения с удовольствием. Галина Аркадьевна, к сожалению, всякий раз выглядела так, будто после каждого распоряжения ей приходилось идти к семьям тех, кто заплатил за него.

— Шумов жив? — спросил я.

На этот раз она ответила не сразу.

— Есть разные варианты ответа.

— Похоже на положительный.

— Похоже на недостаточный. Не ходите в седьмой квартал, Лазарев. Там живут люди, которых мы не выбрали. Они не виноваты, что оказались по другую сторону решения. Если вы придёте туда со своими Правами и начнёте что-то исправлять, вы можете лишить их даже того, что у них оста-

лось.

Рита подошла ко мне вплотную.

— Мы не будем ничего исправлять без согласия этих людей, — сказала она. — Но человек, подписавший перевод пациента ноль, обязан объяснить, почему перевод назначен на завтра. Особенно учитывая, что больничная палата открылась сегодня.

Руденко долго смотрела на неё.

— Вы идёте не за спасением? — спросила она.

— Мы идём за ответом. До спасения у нас ещё должны дожить те, кого нужно спасать.

Руденко вынула из внутреннего кармана обрывок тонкой бумаги. На нём стоял штамп с полустёртой цифрой семь и слово «ВЫЕЗД».

— Я ничего вам не давала, — сказала она. — Если сможете попасть туда, не говорите, что туда вас направил Комитет. И не произносите слово «настоящий», когда речь идёт о чьей-то жизни.

— А что это за бумажка?

— Разрешение покинуть территорию, которой больше нет.

— Очень удобно. Можно использовать для отпуска?

Она впервые за день почти улыбнулась.

— В вашем случае отпуск давно оформлен. Посмертно.

. . .

В четырнадцать двадцать девять Рита устроила в коридоре совещание, которое, судя по составу участников, могло пройти только в Северине: мёртвый муниципальный служащий, действующая сотрудница несуществующего отдела, девятилетний мальчик с красным номером на ладони, главврач временно неработающего отделения и человек, чья фамилия менялась даже на бумажной карточке пациента.

Леонид сидел на перевёрнутом ящике из-под медикаментов. Его лицо на этот раз было лицом Максимова — моего пропавшего коллеги с зелёной кружкой.

Я невольно задержал на нём взгляд.

— Вы опять стали Максимом Юрьевичем.

— Не нарочно, — ответил он чужим голосом. — Здесь рядом много чужих продолжений. Некоторые ко мне липнут.

— Вы знали дорогу в квартал семь?

— Я знал дорогу, когда она ещё была дорогой. Это не одно и то же.

Он указал на Риту.

— Я туда не пойду.

— Не пойдёте, — согласилась она.

Я посмотрел на неё.

— Ты уже решила?

— Ты слышал предупреждение пациента ноль: в прошлый раз Леонид вернулся один. Во-первых, не повторяем опыт. Во-вторых, ему нужно медицинское наблюдение. В-третьих, нельзя снова превратить человека в переносную дверь только потому, что он удобен для расследования.

— Я не возражаю, — сказал Леонид. — От этого становится ещё страшнее.

Дарья проверила его пульс. На пальцах Леонида были четыре разные линии отпечатков, и врач, кажется, решила не задавать лишних вопросов, пока все четыре обладали кровообращением.

— Лежите, — приказала она. — Если начнёт меняться температура или вспомните чужое имя, зовите меня. Без экспериментов.

— С чужими именами будут сложности.

— Тогда зовите, когда вспомните своё.

Леонид устало улыбнулся.

Рита развернула на коленях блокнот. Её кассетный диктофон лежал рядом, на столике с кружкой чая. В прошлой главе она записывала наши новые воспоминания, чтобы мы могли доказать сами себе, что совершили. Это не возвращало ни её утраченного часа после похорон моего отца, ни моих оплаченных Правами эпизодов. Зато мешало миру совершенно бесплатно объявить, что ничего не происходило.

— Лазарев, — сказала она, — перечисли.

— Что?

— Чем мы сейчас располагаем для применения Права.

Я механически коснулся цепочки с папиным кольцом.

— Ничем. Кольцо, фотографию, журнал Максимова мы использовали при первой тройке. Медкарту, старую травму и твоё воспоминание о лифте с уборщицей — при второй. Всё погашено. Оба Права открыты, но сейчас не подтверждена моя личная непрерывность.

— И ты не станешь подбирать три случайные вещи, как ключи к чужому замку, — сказала Рита.

— Не стану.

— И за мою память не заплатишь.

— Без твоего согласия — нет.

Она изучала моё лицо дольше, чем мне было удобно.

— Похоже на ответ, который я хотела услышать.

Мирон подвигал ладонью по стене, будто пытался стереть

красные буквы. На коже ничего не изменилось.

— Мне с вами идти? — спросил он.

— Если это опасно, останешься здесь, — сказала Рита.

— Опасно здесь. Она теперь знает, как меня искать.

Рита не ответила сразу.

— Мы не обязаны выбирать между опасностью здесь и опасностью там, не зная разницы, — сказала она наконец. — Ты хочешь идти?

Он кивнул.

— Тогда идёшь с нами. Но если захочешь уйти, мы тебя услышим. Даже если это будет неудобно для нашего великого расследования.

— Особенно для него, — заметил я.

Рита подала мне бумажку Руденко. На обороте проступали слова, которых минуту назад не было:

«ПРОПУСК НА ВЫЕЗД ИЗ КВАРТАЛА VII. ПОЛУЧАТЕЛЬ: М. Ю. МАКСИМОВ».

— Ты видишь? — спросил я.

Леонид на ящике побелел. В его лице одновременно шевельнулись две чужие челюсти.

— Это не моё, — сказал он. — Ни в одной из тех версий, которые я помню.

— Кто такой Максимов? — спросила Рита.

Он закрыл глаза.

— Иногда это фамилия человека. Иногда — место, на котором человек должен стоять, чтобы остальные могли прой-

ти. Ваш начальник знал разницу. Я — нет.

Мне стало холодно.

Я вспомнил зелёную кружку. Честное выражение лица моего коллеги, когда тот однажды выдал автомату двадцать рублей и получил вместо кофе чистую воду. Помнил, как мы втроём с Ритой смеялись над ним. Помнил синюю ручку у него в кармане.

Мог ли всё это быть просто чужой должностью?

— Найдём Шумова, — сказала Рита. — И спросим.

Дарья дала нам складной фонарик, аптечку и бумажный список девяти пациентов, оставшихся за шлюзом.

— Зачем? — спросил я, принимая список.

— Потому что вы туда идёте за ответом, — сказала она. — А я хочу, чтобы, получив ответ, вы не забыли вопрос, который ещё не решён.

На листе были девять имён. Против Ксении стояло: «СОСТОЯНИЕ НЕ УСТАНОВЛЕНО. ВЫЗОВ ПОМОЩИ СОХРАНЁН».

Я сложил его вчетверо и убрал во внутренний карман.

Это было важнее любой карты.

. . .

У города есть неприятная привычка — считать себя единственным возможным вариантом самого себя.

В обычный день эта привычка проявляется в расписани-

ях автобусов. В Северине она проявлялась в том, что целые улицы исчезали из памяти жителей, а оставшиеся уверяли, будто никогда не виделись с пропавшими соседями.

В четырнадцать пятьдесят три мы с Ритой и Мироном стояли перед бывшим трамвайным депо на улице Коминтерна. На воротах висела табличка «МУП ГОРОДСКОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО. ОБЪЕКТ ЗАКРЫТ», а за воротами стучал рельсами трамвай.

— Если объект закрыт, — сказал я, — хотя бы положили знак, что внутри нельзя громко жить.

Рита сверяла два снимка. Один был сделан на её телефон с фасада больницы, где на стене сохранилась старая схема эвакуации. Второй — на полароид из чемодана Леонида; на нём изображалась длинная улица с семью поворотами, а в углу стоял рукописный номер маршрута: «7 / М. Ю. М.».

У старой схемы и полароидного снимка совпадало ровно одно — место, где на нынешней карте находился глухой кирпичный забор.

— В городской навигации здесь парковка, — сказала Рита.

— И есть повод для радости. Нам не грозит штраф за неправильную остановку.

Мирон рассматривал забор.

— Не здесь, — сказал он. — Надо войти там, где квартал помнит, что у него был выход.

— И где же он это помнит?

Мальчик показал на ржавую табличку возле калитки. На ней ещё можно было разобрать три слова: «ОСТАНОВКА БИБЛИОТЕЧНАЯ. КОНЕЧНАЯ».

Сердце неприятно дёрнулось. Станцию «Библиотечная» город заменил «Площадью Мира» ещё до того, как я получил уведомление о собственной смерти. Я записал это в блокнот. Тогда казалось мелочью. Теперь мелочь вывела нас к воротам, которые не значились ни в одном плане.

— Тихон, — сказала Рита, — не трогай.

— Я и не собирался.

— Ты уже потянулся.

Я убрал руку.

На минуту стало почти приятно, что кто-то ещё помнит мои дурные привычки.

За забором раздался звонок трамвая. Такой издают старые вагоны, когда водитель хочет сообщить пешеходу, что его любовь к жизни переоценена.

В следующую секунду калитка открылась сама.

Из неё вышел пожилой мужчина в форменной фуражке. На груди у него висел компостер для билетов. Мокрые ботинки оставляли на асфальте следы, похожие на маленькие прямоугольники.

— На какой маршрут? — спросил он.

— На тот, которого нет, — ответил я.

— Таких у нас много. Номер?

Рита показала ему пропуск Руденко.

Мужчина не стал смотреть на печать. Он долго разглядывал фамилию Максимова, затем поднял глаза на Мирона.

— Тебя уже назвали?

— Не полностью, — ответил мальчик.

Кондуктор перекрестился. Потом вытащил из сумки три билета.

На первом было напечатано «ПОСЕТИТЕЛЬ». На втором — «СВИДЕТЕЛЬ». Третий оставался чистым.

— Выбирайте, кем будете, — сказал мужчина. — Внутри это важнее того, кем вы себя считаете.

— А ребёнок? — спросила Рита.

— Ребёнку лучше не выбирать за взрослых.

Рита взяла билет посетителя. Я — свидетеля. Мирон долго смотрел на чистый прямоугольник, затем положил его в карман, ничего на нём не написав.

Кондуктор одобрительно кивнул.

— И последнее, — сказал он. — Если увидите человека, которого нет в вашем городе, не надо ему объяснять, что он невозможен. Мы здесь без вас прекрасно справляемся с плохими новостями.

Он отступил в калитку.

За его спиной не было трамвайного депо.

Там начиналась улица.

В её конце горел светофор, возле которого трамвай ждал зелёного сигнала. По тротуару шли прохожие с пакетами и зонтами. Над магазином висела огромная вывеска «ХЛЕБ.

МОЛОКО. ОБЫЧНЫЕ ДНИ».

Я почувствовал себя человеком, который открыл заднюю дверцу холодильника и обнаружил там соседнюю область.

— Я хочу это сфотографировать, — сказал я.

— Сфотографируешь, когда поймёшь, что именно, — ответила Рита.

Мы вошли.

. . .

На первом перекрёстке стояла женщина с детской коляской и ругалась по телефону с мужем.

— Я сказала, купи сметану! — кричала она. — Нет, это не то же самое, что майонез. Нет, если смешать с молоком, тоже не то же самое!

Я остановился.

Загадочный квартал, построенный из жизней, которых не случилось, оказался удивительно похож на обычный. В этом заключалась первая несправедливость.

Магазины работали. Пожилой мужчина на лавочке кормил голубей и сердито отгонял от хлеба нахальных воробьёв. Два подростка спорили, кто первым прыгнет через лужу. На остановке висело объявление о собрании жильцов по поводу протекающей крыши. Кто-то наклеил под ним записку: «Прежде чем чинить крышу, верните нам август».

От последнего объявления мне стало не по себе.

Часы над аптекой показывали пятнадцать ноль семь. На моём телефоне было пятнадцать ноль девять. Когда я снова посмотрел на часы аптеки, они показывали пятнадцать ноль шесть.

— Здесь даже опоздать нельзя нормально, — заметил я.

— Можно, — сказала Рита. — Просто в разных вариантах опаздываешь к разным последствиям.

Мирон держался посередине тротуара, избегая белых полос между плитками. Я заметил, что те складывались в квадрат из семи частей, который он всё время рисовал мелом. Улицы расходились от площади не лучами, а неровными секторами, как куски пирога, разрезанного человеком с личной неприязнью к геометрии.

На стене почты красовалась схема района.

«КВАРТАЛ VII. СЕКТОРА А—Ж. НАСЕЛЕНИЕ: ПО ФАКТУ ПРИСУТСТВИЯ».

Под схемой кто-то прикрепил объявление: «Уважаемые соседи! При расхождении численности жильцов просьба не пересчитывать детей вслух».

— Хорошо, что у нас такого не было, — сказал я.

— У вас и квартала не было, — заметила Рита.

К нам подошла женщина лет шестидесяти в тёмно-синем рабочем халате. На груди у неё висел значок «ПОЧТА». В руках она держала толстую сумку и деревянную линейку.

— Вы снаружи? — спросила она.

— Смотря где у вас находится середина, — ответил я.

— Значит, снаружи. Те, кто здесь живёт, шутят не о том.

Она заметила мой билет «СВИДЕТЕЛЬ» и сморщилась.

— Ещё один. Не хватало.

— Мы ищем Валерия Аркадьевича Шумова, — сказала Рита.

Женщина мгновенно стала серьёзной.

— Кто ищет?

— Маргарита Орлова. Тихон Лазарев. Мирон.

Я успел заметить, как почтальонша взглянула на мальчика. Потом медленно сняла значок и положила его в карман.

— Мальчика вы из города привели?

— Он сам решил идти, — ответила Рита.

— Тем хуже. У нас здесь многие сами решали остаться. Потом им долго объясняли, что решения не существовало.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Зоя Егоровна Бехтерева. Почта, сектор Г. А ещё я человек, который сегодня будет вас отсюда выгонять. Не принимайте на личный счёт.

Она повела нас через площадь. Рита шла рядом, задавая вопросы так спокойно, что со стороны мы могли показаться комиссией по благоустройству, а не гостями города, построенного из непринятых решений.

— Этот квартал существовал до расхождения?

— Для кого?

— Для жителей.

— Для нас существовал. И сейчас существует. Ваши до-

кументы здесь не очень популярны, если в них напечатано обратное.

— Вы помните прежний Северин?

— Я помню город, в котором у моего сына не было аварии. Он взрослый, у него двое детей. В вашем городе он умер в двадцать два года. Мне бы хотелось, чтобы вы вели себя так, будто это не делает моих внуков ошибкой.

Рита остановилась.

— Не делает, — сказала она.

Зоя Егоровна посмотрела ей в глаза, словно проверяя, выдержит ли та эту простую фразу под пристальным взглядом.

— Хорошо, — ответила почтальонша. — Тогда не называйте нас «отрезанными». Мы отрезанными себя не считаем. Нас выбрали, когда-то давно. Потом передумали.

С другой стороны площади завыла сирена. Она была тихой, словно кто-то проводил учебную тревогу через стену.

Люди продолжали идти по своим делам. Только женщина с коляской быстро повернула обратно, а дети на лавочке одновременно посмотрели на небо.

— Что это? — спросил я.

— Пересчёт. Сегодня раньше обычного. — Зоя Егоровна посмотрела на Мирона. — По какой причине, можно не объяснять.

Мирон сильнее сжал край своей куртки.

— Я не хотел, чтобы она меня нашла.

— Знаю, — ответила женщина.

— Вы её видели?

— В разное время — разную. Этого достаточно.

Почтальонша подняла линейку и постучала по ближайшему фонарю. Два коротких удара, один длинный.

Окна на первом этаже соседнего дома закрылись. Продавец хлеба перевернул табличку с «ОТКРЫТО» на «ПЕРЕРЫВ». Мальчик с самокатом побежал к матери.

— Если вас спросят, сколько здесь людей, — сказала Зоя Егоровна, — отвечайте, что вы не уполномочены. Если спросят, кто здесь настоящий, отвечайте, что вопрос не относится к делу. Если предложат подписать акт, не берите ручку.

— А если попросят поставить оценку качеству услуг? — спросил я.

Она смерила меня взглядом.

— Тогда ставьте одну звезду. Это ещё никого не убило.

Я почувствовал себя гораздо ближе к местному населению.

Мы миновали кафе с вывеской «ВТОРОЙ ЗАВТРАК». Изнутри пахло корицей. За столиком возле окна сидели трое людей: женщина с тяжёлой косой, парень в школьной форме и мужчина в пальто, похожем на моё. Мужчина поднял голову.

У него было моё лицо.

Я остановился так резко, что Мирон врезался мне в спину.

Двойник улыбнулся. На виске у него белел шрам, которого у меня не было. Он помахал рукой, словно мы познако-

мились на скучной конференции и договорились потом выпить кофе.

— Не смотри, — сказала Зоя Егоровна.

— Уже поздно.

— Тогда хотя бы не подходи.

— Это кто?

— Человек, которому однажды повезло не стать тобой.

Я хотел спросить ещё, но Рита тихо произнесла:

— Тихон. Твою руку.

На моём билете слово «СВИДЕТЕЛЬ» начало выцветать. Вместо него проступало «СОВПАДЕНИЕ НЕ УСТАНОВЛЕНО».

Двойник в кафе перестал улыбаться. Он показал мне пустые ладони и очень медленно отодвинул стул, будто боялся, что внезапное движение обрушит потолок.

Зоя Егоровна быстро поставила сумку между мной и окном. На стекле её почтового значка отразилось не моё лицо, а незнакомая старческая физиономия.

— Здесь нельзя становиться единственным, — сказала она. — Ни вам, ни ему. Идём.

Мы пошли.

Только через два дома я смог заставить себя нормально дышать.

— Он настоящий? — спросил я.

Рита посмотрела на меня.

— Ты сейчас намеренно повторяешь запрещённый во-

прос?

— Я спрашиваю, есть ли у него сердце, работа и долги за коммунальные услуги.

— Есть, — ответила Зоя Егоровна. — И двое детей. Он не хочет, чтобы они встречались с твоими ошибками. Это взаимно, я думаю.

Я вспомнил семнадцатого себя на столе морга. Седые волосы. Лицо сорокатрёхлетнего человека. Семнадцать попыток сохранить город.

До сих пор я думал о них как о неудачных пробах, выполненных кем-то одним. Словно раз за разом нажимали «отменить», пока наконец не получили меня.

В кафе сидел мужчина, который не был чьей-то неудачной попыткой. Он просто ел завтрак и боялся за детей.

Это открытие оказалось неприятнее всех чудовищ на «Маячной».

. . .

Улица вывела нас к двухэтажному зданию с облупленной вывеской «ПУНКТ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ НЕПОЛУЧЕННЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ». Дверь была зелёной, с бронзовой ручкой в виде руки, показывающей кукиш.

— Кто-нибудь в этом городе умеет оформлять документы без издевательства над населением? — спросил я.

— Нет, — ответила Зоя Егоровна. — Поэтому население

здесь неплохо приспособлено.

Внутри стояли стеллажи с почтовыми ящиками. На каждом вместо фамилии висела дата. Одни даты относились к прошлому, другие — к дням, которые ещё не наступили, третьи состояли из слов «ЕСЛИ БЫ».

В дальнем углу работала пишущая машинка.

Человек за столом печатал одним указательным пальцем, медленно и сосредоточенно. Я увидел его лысину, серую жилетку, знакомые широкие плечи и почувствовал, как в груди сложилось что-то очень давнее: смесь школьного стыда и облегчения, что взрослый наконец пришёл разобраться.

— Валерий Аркадьевич, — произнёс я.

Шумов не поднял головы.

— Разумеется, — сказал он. — В вашем возрасте люди обычно выбирают отпуск. Мои подчинённые — катастрофу.

Я подошёл к столу.

— Вы живы.

— У меня на этот счёт есть несколько претензий.

Он продолжал печатать. На листе в машинке появлялись слова: «АКТ ВРЕМЕННОЙ ЗАДЕРЖКИ ПОСТУПЛЕНИЯ».

— Где вы были? — спросила Рита. — Почему исчез отдел? Что случилось с Максимовым? И вы, пожалуйста, не начинайте с объяснения, что все ответы находятся в другом отделе.

Шумов наконец посмотрел на неё. Я заметил толстую по-

вязку на его левом запястье. Из-под повязки выглядывала чёрная линия, словно на кожу наложили штамп.

— Рад, что вы по-прежнему разговариваете с начальством именно так, Маргарита Павловна.

— У нас больше нет начальства.

— Это, между прочим, одна из хороших новостей.

Он предложил нам сесть. Зоя Егоровна осталась у входа и повесила на ручку сумки линейку — будто этот предмет мог остановить бедствие. Мирон не сел. Он осматривал почтовые ящики с выражением человека, который знает, за какой дверью спрятан страшный подарок.

— Пациент ноль, — сказал я. — Шестнадцатилетний мальчик с моим лицом. Вы подписали его перевод сюда на завтра в три семнадцать. Почему?

Шумов медленно вынул лист из машинки.

— Не на завтра, Тихон. До следующей смены редакции. Время в вашей выписке — обычное обозначение окна допуска.

— Значит, журнал Максимова не врал? Там написано: «03:17 — ЭТО НЕ ВРЕМЯ».

— Точнее, не только время. Это индекс процедуры. Третья операция, семнадцатая действующая редакция. Когда-то специалисты обозначили её «03–17». А город привык останавливаться ровно в три семнадцать, потому что так удобнее подтверждать синхронность. Часам сказали, когда пугаться, и они исправно выполняют приказ.

— Вы сейчас серьёзно сообщили мне, что город опаздывает из-за неправильной нумерации документа?

— Не исключительно. Но бюрократия действительно способна на многое.

Он развернул лист. Под заголовком стояла мелкая приписка: «ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПАЦИЕНТА № 0 СОХРАНИТЬ ПРАВО НА ПОКАЗАНИЯ. ПОДПИСЬ В. А. ШУМОВ».

— Я подписал не разрешение вытащить мальчика из палаты, — сказал Шумов. — Я подписал требование оставить его свидетелем после перевода. Иначе его бы присоединили к больнице как отсутствующее помещение. В папке сохранилась бы койка. Человека не стало бы.

— Но он ведь я.

— Нет, — сказал Шумов.

Он произнёс это так спокойно, что я не сразу понял смысл.

— Он похож на тебя. Он помнит часть твоей юности. Он прожил тот день, после которого твоя биография пошла другим путём. Но это не делает его твоим прошлым. У него есть собственное настоящее. Сколько раз вам ещё нужно встретить человека, которого вы называете своей ошибкой, чтобы это усвоить?

Мне было нечего ответить.

Рита села на край стула.

— Зачем тогда именно сюда?

— Потому что здесь ещё хранятся документы до перво-

го исправления. И потому что кто-то из вас должен наконец увидеть, что он собирается править.

— Кто вас сюда отправил? — спросил я.

— Я сам остался, когда отдел вычеркнули. Выбор был не особенно трудным: или оказаться здесь и продолжать работу, или быть человеком, которого никогда не нанимали. Я давно подозревал, что карьерный рост однажды приведёт меня в тупик. Но не думал, что в буквальный.

— Вы знали, что нас на «Маячной» едва не оставили навсегда?

— Знал, что это возможно. Не знал, что случится именно так.

— И никого не предупредили?

Шумов посмотрел на свои руки.

— Я предупреждал. Семнадцать раз. Восемнадцатый раз вы бы решили, что я сошёл с ума. А потом всё равно пошли бы проверять. Я счёл, что на этот раз вам нужны не мои слова, а собственные доказательства.

Я почувствовал, как меня обдаёт жаром.

— Удобная позиция для человека, который не был на станции.

— На станции я был, Тихон. Только ты тогда ещё не работал в нашем отделе. Мне очень не понравилось. — Он помолчал. — И я до сих пор каждый раз просыпаюсь, когда слышу звон компостера.

Рита положила перед ним список девяти пациентов за ше-

стым шлюзом.

— Раз уж вы любите собственные доказательства, — сказала она, — вот люди, которые остались в больнице. Мы не знаем, живы ли они. Если вы можете помочь найти безопасный доступ, помогите. А если не можете, не рассказывайте нам, что они всего лишь исходы.

Шумов взял лист осторожно, двумя пальцами.

Он прочёл список один раз. Второй. На имени Ксении задержался.

— Девять, — произнёс он.

— Именно.

— В прежней редакции оставалось двадцать семь.

Я уже открыл рот, чтобы возмутиться сравнением, но он поднял глаза.

— Я не говорю, что девять — мало. Я говорю, что вы изменили размер беды. Это важно. Даже если вы не можете исправить остальное.

Рита тихо ответила:

— Тогда перестаньте скрывать от нас, какой ценой это сделано.

Шумов опустил лист на стол. И впервые за всё время перестал выглядеть моим начальником.

Он выглядел человеком, который очень давно хотел кому-нибудь сказать правду и слишком хорошо понимал, почему ему за это не простят.

— Я перекрыл шестое крыло, — сказал он. — Ещё до то-

го, как Руденко прислала распоряжение. Дверь начала закрываться с моей стороны. У вас было три минуты не потому, что кто-то великодушно дал их. А потому, что я столько сумел удерживать механизм.

— Вы были там? — спросил я.

— Здесь и там — иногда один адрес. Квартал семь соприкасается с тем, что в остальных редакциях списано. — Он посмотрел на меня. — Одну женщину из ваших девяти я мог вывести. Вместо этого удержал шлюз для остальных. Считай, что сделал правильный выбор, если тебе от этого станет проще.

Мне не стало проще.

Зоя Егоровна негромко постучала линейкой по косяку.

— Валера, — сказала она. — На площади появились счётчики.

Шумов побледнел.

— Раньше срока?

— Сегодня всё раньше срока. Имя назвали.

Он медленно поднялся.

— Маргарита Павловна, вы принесли диктофон?

Она кивнула.

— И бумагу?

— Даже ручки. Несколько. На случай, если вашим специалистам опять захочется переписать мир.

— Хорошо. Значит, у нас есть шанс не сделать этого.

. . .

Первого счётчика я увидел в окне почты.

Мужчина в серой непромокаемой куртке остановился перед жилым домом напротив. На плече у него висела сумка с металлической застёжкой, в руке — складная мерная рейка. Он приставил рейку к двери, потянул её вверх до верхнего косяка и произнёс:

— Адрес подлежит уточнению.

Дверь побелела.

Не покрасилась. Не покрылась инеем. Она просто потеряла все детали: царапины, глазок, ручку. Сначала выглядела как рисунок ребёнка, затем превратилась в белый прямоугольник на кирпичной стене.

За прямоугольником кто-то закричал.

— Что он делает? — спросил я.

Шумов уже набрасывал пальто.

— Уточняет адрес. Пока он не закончит, люди за дверью останутся внутри. Потом будет признано, что сюда вообще не было входа.

— Ваши сотрудники?

— Не мои.

— Комитета?

— Им иногда отдают свои бланки. Но приказ на пересчёт возникает и без подписи Руденко. Это старая программа, Ти-

хон. Она начинает работать, когда обнаружен адресат, которого невозможно вписать в текущую редакцию.

Мирон поднял ладонь.

На ней теперь значилось: «АДРЕСАТ УСТАНОВЛЕН. МЕСТО НАХОЖДЕНИЯ: КВАРТАЛ VII».

Я посмотрел на него. Он не отводил глаз.

— Значит, она назвала меня, и они пришли сюда, — сказал он. — Я знал.

— Не значит, что ты виноват, — ответила Рита.

— Если бы меня не было, они бы не пришли.

— Если бы счётчики не умели стирать чужие дома, они бы никому не угрожали. У них есть свой выбор. Не отдавай им его.

Шумов открыл нижний ящик стола. Внутри лежал чёрный канцелярский дырокол, толстая тетрадь и автомобильные ключи.

— Слушайте внимательно, — сказал он. — Счётчик вправе начать уточнение после обращения по имени. Но завершить массовый пересчёт может только при отсутствии действующего возражения от жителей. Раньше я держал квартал на бессрочных возражениях. Сегодня они все вдруг стали «истёкшими».

— Совпадение? — спросила Рита.

— Как обычно, очень предусмотрительное.

Рита уже развернула свой блокнот.

— Значит, нужно новое возражение.

— От тех, кого пересчитывают. Не от тебя. Не от меня. И особенно не от Лазарева, — ответил Шумов. — Он умер сегодня утром. Его подпись может превратить всю жалобу в обращение отсутствующего лица.

— Наконец-то моя смерть имеет практическую пользу, — сказал я.

— Ещё какую. Только в данном случае отрицательную.

На улице счётчик подошёл ко второй двери. Рейка щёлкнула. За дверью кто-то начал стучать ладонями.

Зоя Егоровна выбежала из почты. Она успела раньше, чем мы сдвинулись с места, подложила под дверь деревянную линейку и закричала:

— Не завершено! Собственница на месте! Обращение в работе!

Белый цвет на двери дёрнулся, словно ткань, которую кто-то пытается сорвать со стены. Проявилась ручка. Из щели выглянула женщина с ребёнком.

Счётчик повернулся к Зое Егоровне.

Вблизи я увидел его лицо. Ничего нечеловеческого: плохо выбритый подбородок, усталые глаза, след от пластыря на переносице. Только на зрачках вместо отражения неба виднелись крошечные строки текста.

— Вы препятствуете учёту, — сказал он.

— А вы препятствуете проживанию, — парировала почтальонша. — Разница в том, что у меня здесь внучка.

— Личное обстоятельство не является основанием.

— А у вас есть личные обстоятельства, милый?

Счётчик замолчал.

Его лицо на секунду потеряло выражение, будто вопрос попал в область, недоступную инструкции. Потом он отступил к следующему дому.

— У них есть люди внутри, — сказал Шумов. — Не все. Некоторые давно стали одной процедурой. Поэтому не рассчитывайте, что сможете убедить каждого.

Я вспомнил мальчика за страшной маской Контролёра на «Маячной». Вот что получалось, когда у человека постепенно отнимали всё, кроме обязанности.

— Сколько у нас времени? — спросила Рита.

— До шестнадцати двадцати. Когда заканчивается первый обход, жалобы автоматически помечаются как не поданные. Потом начинается второй, и дома уже не открыть.

На моём телефоне было пятнадцать сорок одна.

Тридцать девять минут.

— Сколько жильцов? — спросила Рита.

— В зависимости от редакции от восьмидесяти до ста двадцати. Подписи всех не нужны. Нужны три независимых обращения из разных секторов, заверенные жителем, плюс опись адресов, которые отказались от записи. Без описи их сочтут молча согласившимися с исчезновением.

— Почему вы не сделали это заранее?

— Я сделал, — ответил Шумов. — Здесь лежат прежние тетради. Сегодня их объявили недействительными задним

числом. У меня больше нет права подписывать за жителей. И никогда не должно было быть.

Рита взяла тетрадь.

— Тогда мы не будем тратить время на поиск всемогущего начальника. Мы найдём трёх человек, у которых есть собственный голос.

Шумов кивнул.

— И ещё один вопрос. Как подать документы за границу квартала? Пока они внутри, программа может их списать вместе с нами.

Зоя Егоровна вернулась, запыхавшаяся, но довольная тем, что на первой двери снова появился глазок.

— Для этого Максимов прокладывал маршрут, — сказала она. — Семь секторов, одна конечная. Он придумал, как вынести бумагу туда, где квартал не признают, не вынося людей против их воли.

— Где он сейчас? — спросил я.

Шумов ответил вместо неё:

— Он попытался доказать, что маршрутом можно вывести и человека. После этого я видел его только в тех документах, где ему разрешено иметь лицо.

— То есть в Леониде?

— Возможно. — Шумов покачал головой. — Я не хочу говорить «да», пока это будет означать, что всех остальных людей внутри Леонида мы объявили несуществующими.

Мне стоило большого труда не устроить начальнику до-

прос на месте. Но за окном в соседнем доме погасли сразу три окна, и все мои вопросы внезапно стали роскошью.

— По машинам, — сказала Рита.

. . .

На пятнадцать сорок восемь у нас были три задачи и одна чрезвычайно неудачная машина.

Автомобиль представлял собой зелёную «семёрку» с ржавой дверцей и табличкой «СЛУЖЕБНАЯ» под лобовым стеклом. По словам Зои Егоровны, он принадлежал почте. По словам Шумова, в одной версии района машина вообще была пожарной. Я решил не проверять наличие сирены.

Рита села за руль, я — рядом, Мирон — сзади. Зоя Егоровна уселась возле него с сумкой, куда мы сложили бланки и диктофон.

— Маршрут Максимова, — сказала она, — начинается в секторе Б. Там школа. Нужен человек, который готов свидетельствовать, что день, не случившийся снаружи, всё равно был его жизнью.

— Какой-то особенный день? — спросил я.

— Любой. В этом весь смысл.

На повороте возле школы дорогу перегородила детская площадка. Не забор, не машина — целая площадка с качелями и песочницей, которых не было, когда мы ехали к почте.

Рита нажала на тормоз.

На качелях сидела девочка в красной куртке. На вид одиннадцать. Она держала на коленях большой конверт с отпечатком ладони.

Зоя Егоровна опустила окно.

— Варя! Тебе же велено было не отходить от школы.

— Там счётчики, — ответила девочка. — Учительница

сказала, кто может, пусть идёт домой. А я не знаю, где мой дом сейчас.

Она показала за плечо. На месте двухэтажного жилого дома стоял аккуратный сквер. Между деревьями виднелась табличка «НА МЕСТЕ ЗДАНИЯ ВСЕГДА БЫЛ СКВЕР».

Зоя Егоровна закрыла глаза. Я увидел, как крепко она сжала линейку.

— В конверте что? — спросила Рита.

— Моё сочинение. Про то, как мама вчера купила мне новые кроссовки. Это было вчера, даже если кому-то кажется, что меня не было. Учительница велела сохранить. — Варя замялась. — А вы умеете вернуть дом?

Ни один из нас не ответил сразу.

Я мог бы сказать, что попробую. В старой жизни я, наверное, так и сделал бы: достал блокнот, начал искать противоречие, подготовил три якоря и сделал вид, что цена касается только меня.

Но Рита уже научила меня кое-чему, а больница — закрепила урок.

— Пока нет, — сказал я. — Но можем доказать, что ты в нём жила. Это не то же самое.

— Знаю, — сказала Варя. — Только лучше, чем ничего.

Она подала конверт.

Рита не взяла.

— Ты понимаешь, что будет, если мы отнесём это наружу? — спросила она. — Люди узнают твоё имя. Может оказаться,

что в их городе для тебя нет места. Мы не знаем, как поведёт себя система.

Варя задумалась. Очень серьёзно, как дети думают, если взрослый впервые сообщает им неприятную правду вместо обещания, которое не сможет выполнить.

— А если не отнесёте, дом вернётся?

— Нет гарантии.

— Тогда отнесите. Только скажите, что я согласилась. А не вы за меня.

Зоя Егоровна достала бланк. Варя написала имя, фамилию и адрес, которого теперь не было. Рита записала на кассету согласие, затем положила конверт между двумя листами картона.

Подпись подала лёгкий свет — не волшебный, а отражённый от окна. И внезапно на месте сквера проступил угол дома, как старая фотография под водой.

— Первое обращение, — сказала Рита.

— Первое настоящее, — поправила Зоя Егоровна.

Мы двинулись дальше.

В секторе Д нашли второго заявителя — пекаря, который потерял жену в действующей редакции Северина и боялся подписывать что-либо из страха вернуть её смерть в собственную кухню. Он согласился свидетельствовать только о том, что каждый день печёт хлеб, что соседка ему платит, а вчера у него сгорела партия булочек.

— О любви не пишите, — попросил он. — Эта часть у

меня и так есть. Не хочу, чтобы ваше ведомство её трогало.

Рита старательно зачеркнула графу «Семейное положение».

— Не требуется для рассмотрения, — сказала она.

В секторе Е женщина лет сорока отказалась называть имя на записи. Вместо подписи она принесла толстую школьную тетрадь, в которой двадцать три года отмечала, как растёт дерево под её окном.

— Дереву всё равно, существую я или нет, — сказала она. — Оно росло. Вот по этим меркам вы не ошибётесь.

Зоя Егоровна пояснила, что это тоже действительное обращение: «отказ от раскрытия личности с подтверждением факта присутствия». В нём было больше уважения к человеку, чем в половине документов, которые я подписывал на муниципальной работе.

Третье обращение заверили без имени. С отдельной пометкой Риты, что никто не вправе считать анонимность согласием на удаление.

Когда мы вышли из последнего двора, на часах машины было шестнадцать ноль четыре.

Шестнадцать минут до конца обхода.

Зоя Егоровна перевернула карту маршрута Максимова.

На обороте проступили красные чернила: «КОНЕЧНАЯ — КОММУТАЦИОННЫЙ ПРОЕЗД. ВЫЕЗД РАЗРЕШЁН ПО СЛЕДУЮЩЕМУ ПРИЗНАНИЮ».

— Дальше направо, — сказала она. — И, пожалуйста, не

выходите из машины, пока я не скажу.

Рита резко замолчала.

Я увидел, как она одной рукой сжала руль, а другой достала телефон. На экране было старое сообщение, пришедшее ещё утром, когда мы едва успели понять, что существуют такие вещи, как несостоявшиеся станции:

«НЕ ВЫХОДИТЕ ИЗ МАШИНЫ. Я ВЫШЛА. НЕ ПОВТОРЯЙ».

Отправитель: Маргарита Орлова.

Дата отправки была на сорок одну минуту позже времени получения.

— Думаешь, это сейчас? — спросил я.

— Не знаю, — ответила она. — Но когда-то оно должно было означать конкретную машину.

Мы подъехали к узкому проезду. Впереди над дорогой стоял знак «ВЫЕЗД», а под ним — другой: «ВЪЕЗД ОТМЕНЁН». Асфальт за знаком выглядел слишком ровным. На нём не было ни трещины, ни следа от колёс.

Навстречу нам вышла женщина.

Рита.

На ней были те же джинсы, та же куртка, та же тёмная резинка на запястье. Только над правой бровью белел свежий порез, а в руках она держала свой кассетный диктофон. Из футляра свисала вырванная магнитная лента.

— Тормози, — сказал я.

— Уже торможу.

Вторая Рита медленно подняла ладонь. Она была по локоть в пыли.

— Не выходите, — произнесла она.

Я почувствовал, как сердце поднимается в горло.

— Кто ты? — спросила настоящая Рита через приоткрытое окно.

— Та, которая вышла узнать, где дорога.

— Ты отправляла сообщение?

— Да. Но не отсюда. — Вторая Рита отрывисто засмеялась; мне не понравился этот смех, потому что он был совершенно её. — Не пытайся решить, какая из нас правильная. Просто не открывай дверь.

Зоя Егоровна позади тихо сказала:

— Коммутационный проезд. Тут иногда догоняют собственные решения.

Я хотел спросить у второй Риты, что случилось, но она посмотрела прямо на меня и покачала головой.

— Тихон, — сказала она, — не собирайся меня спасать. Из этой двери можно выйти только одним человеком. Если выйдешь за мной, то не вернётся никто.

— Есть другой путь? — спросила Рита за рулём.

— Да. — Её двойник отступил на шаг. — Проезжай мимо. Я осталась там, куда ты ещё не пошла.

Мирон закрыл ладонями глаза.

— Там у неё ещё не было выбора, — прошептал он. — Сейчас будет.

На капоте появилась белая полоса. Она поползла от лобового стекла к номерному знаку, как трещина на льду. Вторая Рита смотрела, как полоса приближается к ней, и не отходила с дороги.

— Маргарита, — сказал я очень тихо, — что ты решаешь?

Рита за рулём смотрела на свою копию.

— Не выходить, — ответила она. — Но не потому, что мне приказали. Я вижу последствия. Выбираю другой путь.

Она включила заднюю передачу, откатилась на два метра и повернула влево, в узкий боковой проезд, которого не было на карте.

Вторая Рита улыбнулась. Не облегчённо — благодарно.

Когда мы проехали мимо, на дороге остались её следы и отрезок оборванной магнитной ленты.

Я обернулся.

Женщины уже не было.

На телефоне Риты исчезла пометка «сообщение из будущего». Остался обычный текст. Дата отправки по-прежнему стояла на сорок одну минуту позже получения.

— Мы её оставили? — спросил Мирон.

Рита не сразу ответила.

— Мы не сделали так, чтобы она появилась, — сказала она. — Если это имеет значение.

— Имеет, — ответил я. — Только мне от этого не легче.

В груди сидела тяжёлая мысль: где-то в квартале семь осталась женщина с её голосом, её памятью и её правом на

жизнь. И то, что моя Рита теперь сидела рядом, не превращало другую в пустую ошибку.

Я записал это в блокнот.

Впервые за много лет мне хотелось, чтобы запись оказалась не лишней уликой, а обещанием.

. . .

Коммутационный проезд вывел нас к низкой кирпичной арке. Над ней висели почтовые часы, у которых вместо стрелок было два отверстия. Одно помечено «ПОЛУЧЕНО», второе — «НЕ ДОШЛО».

За аркой тянулся узкий коридор, напоминавший одновременно гараж и отделение сортировки писем. В одной стене находилась широкая металлическая щель. На ней был вырезан номер семь.

На моём телефоне — шестнадцать двенадцать.

— Это выход? — спросил я.

Зоя Егоровна покачала головой.

— Это место, куда письма возвращают, если их нельзя доставить. Максимов придумал, как заставить почту вернуть письмо за пределы квартала. Никакого волшебства. Просто в любой редакции есть правило: если получателя нет, отправление обязаны вернуть отправителю.

— Даже если отправителя нет? — спросила Рита.

— Тогда начинаются мои любимые служебные споры. У

нас сегодня нет на них времени.

Зоя Егоровна достала большой конверт. На нём стояло: «ПОЛУЧАТЕЛЬ: КВАРТАЛ VII. ОТПРАВИТЕЛЬ: ГОРОДСКАЯ БОЛЬНИЦА № 4. ОТДЕЛЕНИЕ ВРЕМЕННОГО НАБЛЮДЕНИЯ».

В качестве подтверждения отправителя служил лист Дарьи Котовой: её живая подпись и старый больничный штамп, поставленный ещё до того, как мы вышли из спортзала. Внутри конверта лежали три обращения, опись отказов, сочинение Вари и кассета с добровольными показаниями.

— В больнице никогда не отправляли сюда это письмо, — сказал я.

— В ваших журналах — нет, — отозвалась Зоя Егоровна. — А здесь оно оказалось у нас. Почта не обязана решать, какое прошлое предпочтительнее. Она обязана сообщить, что доставка не состоялась.

Это был маршрут Максимова. Не тайный поезд, не портал, не чудесная машина, способная переносить людей между редакциями.

Обратное уведомление.

Несуществующее письмо, которое по совершенно обычным правилам следовало вернуть существующему отправителю.

Я испытал почти профессиональный восторг. Если мир можно разрушить неправильной бумажкой, значит, у человечества оставался шанс спасти его другой бумажкой.

Рита открыла футляр диктофона и проверила, что плёнка не повреждена. На ней были не обещания вернуть чей-то прошлый день, а нынешние голоса людей, сознательно решивших рассказать о себе. Мы могли потерять их свидетельства, но не могли заменить ими самих людей.

— Готово, — сказала она.

Зоя Егоровна протянула руку к почтовой щели.

По ту сторону арки раздался щелчок рейки.

— Адрес подлежит уточнению, — произнёс мужской голос.

На дороге появились трое счётчиков.

Один перекрыл выезд. Второй вынул из сумки тяжёлый дырокол с длинной ручкой. Третий раскрыл книгу — не бумажную, а состоявшую из тонких медных пластин. На каждой виднелся план нашего проезда.

— Не двигаться, — велел первый. — Транспорт относится к неопознанному участку. Передача неучтённых сведений за пределы квартала запрещена.

Рита медленно положила руки на руль.

— Назовите нормативное основание, — сказала она.

Мужчина открыл рот. В глазах у него побежали строчки.

— Постановление о непрерывности. Приложение четырнадцать. Часть о предотвращении распространения несовместимых свидетельств.

— Приложение четырнадцать относится к принудительному переселению, — ответила Рита. — Мы никого не пе-

ревозим. Это письмо.

— Письмо содержит свидетельства.

— Содержит. Вы намерены изъять их без описи?

Счётчик сощурился. Вопрос, кажется, попадал ему не в ту часть инструкции.

— Изъятие не производится. Производится уточнение.

— Тогда уточняйте при свидетеле, — сказала она и кивнула на меня.

Я показал билет, полученный при входе.

«СВИДЕТЕЛЬ».

Счётчик посмотрел на билет. Затем — на меня.

— У свидетеля отсутствует подтверждённый статус присутствия.

— Правильно, — сказал я. — Восемь четырнадцать, смерть зарегистрирована. Хотите копию уведомления?

— Мёртвые не могут свидетельствовать.

— А живые не могут быть мёртвыми. Вот и разберитесь сначала с собственной программой. Я подожду.

По его зрачкам побежали новые строки. Он медленно поднял руку с рейкой.

— Приоритетный объект. Требуется личная коррекция.

Я понял, что нашёл правильную лазейку и крайне неправильного человека для её демонстрации.

Счётчик двинулся ко мне. Кожаная рукоять рейки развернулась, и я увидел, что на конце закреплён не измеритель, а узкое стальное лезвие для срезания табличек.

— Тихон, отойди! — крикнула Рита.

Я отступил, зацепился ногой за лежащий на полу мешок и с предсказуемым достоинством упал на спину.

Лезвие прошло у меня над лицом. На стене позади исчезла надпись «ПОЧТА». Не краска — сами четыре буквы вместе с кусочком штукатурки.

Зоя Егоровна ударила счётчика деревянной линейкой по запястью.

Звук был такой, словно линейка пришлась по железной трубе. Но удар помешал ему повторить замах.

— За сорок лет на почте меня ещё никто не учил работать без акта! — закричала она.

Счётчик с медной книгой пошёл к машине. Мирон выскочил из заднего сиденья вслед за Зоей Егоровной и подхватил конверт, который она уронила, отбиваясь.

— Мирон! — Рита перегнулась через сиденье. — Назад!

Но мальчик уже стоял перед почтовой щелью.

Мужчина с дыроколом поднял инструмент. В металле блеснули два круглых отверстия.

— Адресат установлен, — сказал он. — Подлежит изъятию.

На ладони Мирона вспыхнула семнадцатка. Буквы под ней вытянулись в длинный номер.

Мальчик не убежал.

— Вы спрашивали, как меня зовут, — сказал он.

— Мирон, — ответил счётчик.

— Это имя я сам использую, — сказал мальчик. — Но вы не можете решать по имени, принадлежу ли я вам.

Счётчик остановился.

Впервые за всё время, что мы знали Мирона, он говорил не как ребёнок, которому известны правила страшной игры. Он говорил как ребёнок, который устал быть её фишкой.

— Я не даю согласия на изъятие, — произнёс он. — И не даю согласия считать меня адресом.

Медная книга в руках другого счётчика резко захлопнулась.

Я видел, как на секунду дрогнул воздух над почтовой щелью. Потом на нём проявилась узкая надпись:

«ЗАЯВЛЕНО ВОЗРАЖЕНИЕ АДРЕСАТА. НЕОБХОДИМА ПРОВЕРКА ПРЕДМЕТА УЧЁТА».

Шумов был прав: если человек имел право возразить, завершить подсчёт без его ответа нельзя. Даже автомат, который умел срезать двери, должен был на мгновение остановиться перед простым словом «нет».

Мгновения хватило.

Зоя Егоровна схватила конверт, сунула его в щель и ударила кулаком по красной кнопке «ВОЗВРАТ ОТПРАВИТЕЛЮ».

Где-то за стеной загремели почтовые колёса.

Медная книга счётчика раскрылась снова. Из неё повалил густой белый пар. Счётчик с дыроколом схватился за горло, будто пытался проглотить внезапно возникшую инструк-

цию.

— Поступление возражения зарегистрировано, — произнёс глухой голос из щели. — Доставка адресату не подтверждена. Инициирован возврат отправителю.

— У нас есть время? — спросил я.

— Не знаю, — ответила Рита. — Зато теперь есть бумага, которую они не могут сделать вид, что не получили.

Шестнадцать двадцать.

Часы на арке одновременно показали «ПОЛУЧЕНО» и «НЕ ДОШЛО».

На мгновение весь квартал замер. Я услышал тишину, похожую на ту, что наступала в Северине в три семнадцать. Девять секунд без ветра, шагов и разговоров.

Потом далеко за домами закричал ребёнок.

Я обернулся к дороге. Один из белых прямоугольников на месте двери снова стал деревянным. Второй не изменился. В третьем проступила ручка, но за ней всё ещё была гладкая стена.

Мы остановили пересчёт не вовремя для всех.

Зоя Егоровна стояла, опираясь о машину. По её щеке медленно текла кровь из рассечённой брови.

— Первый дом открыли, — сказала она. — Второй, похоже, опоздали. Там была семья. Мы будем искать. Иногда после первого обхода остаются черновики.

Она говорила так, будто речь шла о пропавших после пожара людях. И это была правда.

Рита подхватила почтальоншу за локоть.

— Поедем с нами. Вам нужен врач.

— Мне нужен мой сын, — ответила Зоя Егоровна. — И ещё несколько соседей. Вы отвезите письмо в больницу. Убедитесь, что его действительно вернули.

— Мы не имеем права просто оставить вас, — сказал я.

— Как раз имеете, Тихон Андреевич. Я сказала, что останусь. Не делайте вид, будто спасение заключается в том, чтобы не слушать человека.

Она улыбнулась, вытирая кровь рукавом.

У меня уже был неприятный опыт общения с людьми, которые умели произносить важные истины именно в тот момент, когда я собирался совершить очередную благородную глупость.

Мы уехали без неё.

Не потому, что она была менее важна, чем мы. А потому, что она знала, где её дом, и имела право в нём остаться.

. . .

В шестнадцать тридцать две телефон снова поймал обычную сеть.

Снаружи дождь продолжался там, где должен был продолжаться. На улицах по-прежнему стояли автомобили, пассажиры ругались в автобусах, голуби делали вид, что не замечают дорожных правил. На карте Северина между Комин-

терна и больницей № 4 по-прежнему отсутствовал квартал семь.

Рита первой позвонила Дарье.

— В отделение должен прийти конверт. На нём ваш штамп. Не вскрывайте, пока не пригласите двух свидетелей и не получите входящий номер.

Пауза.

— Нет, я не сошла с ума. Да, он из места, которого нет. Это не повод нарушать учёт.

Через минуту Дарья перезвонила.

— Письмо здесь, — сказала она, и мы услышали на громкой связи её тяжёлое дыхание. — Почтальон принёс пять минут назад. В журнале написано: «Возврат отправителю. Причина — адресат не обнаружен». При этом конверт сырой, будто пролежал под дождём. Что вы мне прислали?

— Просьбу не стирать людей из-за того, что в журнале нет их адреса, — ответила Рита. — Зарегистрируйте.

Дарья попросила кого-то передать штамп. Стук ударил через громкую связь. Она назвала входящий номер.

Шумов оказался на другой линии почти сразу. Видимо, старая телефонная связь квартала знала о наших разговорах больше, чем мобильный оператор.

— Возражение принято, — сказал он. — Счётчики будут вынуждены приостановить второй обход до рассмотрения. Не навсегда. Но до следующего окна допуска точно.

— Кто распорядился пересчитывать квартал? — спросил

я.

— Не знаю. Подписи нет. Только отметка о восстановленном адресате. — Он помолчал. — Есть ещё кое-что. Максимов оставил у меня лист маршрута. Я не мог прочесть его, пока путь не будет пройден хотя бы одним свидетелем снаружи. Теперь лист проявился.

— И что там?

В трубке зашуршала бумага.

— «Служебное примечание к операции 03–17. Квартал VII не является избыточной пристройкой к Северину. Квартал VII — единственный фрагмент исходного плана, сохранённый без редактирования».

Мне показалось, что я ослышался.

— Единственный? — переспросил я.

— Именно. Остальная часть города не раз перекладывалась вокруг него. Поэтому здесь живут люди, которых можно считать невостребованными, и люди, которых ни разу не удавалось вычеркнуть. Вы искали не испорченную копию Северина, Тихон. Вы нашли его несдвинутую точку.

— Но город обрывался на старой фотографии, — сказал я. — Я видел пустоту за границей.

— За границей текущей редакции. А где в самом деле заканчивается Северин, тебе ещё предстоит узнать.

Рита остановила машину возле больницы. В шестом крыле на окнах стояли непрозрачные щиты. На верхних этажах горел свет. В спортивном зале за стеклом мелькнула фигура

Дарьи, которая всё ещё отвечала за шестнадцать спасённых пациентов. Девять имён из её списка лежали у меня во внутреннем кармане.

— Вы хотите сказать, что всё вокруг нас — ошибка? — спросил я.

Шумов долго молчал.

— Нет, — сказал он. — Я хочу сказать, что даже если город возник из ошибки, это не делает ошибкой людей, которые в нём живут. Ты сегодня видел жителей квартала семь. Теперь попробуй применить к ним ту же логику, которую применяешь к себе.

Он отключился.

Рита не торопилась выходить. Я посмотрел на её профиль, на живую кожу над правой бровью без пореза, на руки, крепко державшие руль.

— Та, другая, — сказал я. — Ты о ней думаешь?

— Да.

— Мы можем попробовать найти способ вернуться.

— Можем, — ответила она. — Но сначала выясним, существует ли ещё дорога, на которой она стояла. И спросим, хочет ли она, чтобы её возвращали. Я не собираюсь становиться героиней собственной истории за чужой счёт. Даже если «чужая» — это я.

Мирон с заднего сиденья тихо произнёс:

— Она не исчезла.

Мы оба обернулись.

— Кто? — спросила Рита.

— Та, которая вышла из машины. Она осталась в исходе, где вы свернули не туда. Я видел, как она подобрала ленту. Она сказала, что у вас получится, если вы перестанете пытаться вернуть каждую дверь.

— Ты мог сказать раньше, — не удержался я.

Мирон пожал плечами.

— Ты бы тогда попросил меня показать дорогу.

Я хотел возразить. Не смог.

Телефон Риты завибрировал. На экране появилось служебное сообщение от Дарьи: «Возражение по кварталу VII зарегистрировано. ПЕРЕДАНО КОМИТЕТУ. Руденко подтвердила приостановление пересчёта».

Ниже было второе сообщение, уже из приложения «СвойГород».

«УВАЖАЕМЫЙ ТИХОН АНДРЕЕВИЧ ЛАЗАРЕВ! ВАШЕ ПРАВО НА СВИДЕТЕЛЬСТВО УСТАНОВЛЕНО. ОСНОВАНИЕ: ПОДТВЕРЖДЁННОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ НЕВЫБРАННЫХ ЛИЦ. ДЛЯ АКТИВАЦИИ ТРЕБУЕТСЯ ЛИЧНАЯ НЕПРЕРЫВНОСТЬ И ДОБРОВОЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ СВИДЕТЕЛЯ».

На секунду под текстом проявилась знакомая чёрная рамка.

АКТ РАСХОЖДЕНИЯ. ПРАВО III: СВИДЕТЕЛЬСТВО. ОТКРЫТО. ПРИМЕНЕНИЙ: 0».

У меня внутри всё сжалось. До сих пор Право давало мне

возможность отменить исход или поправить факт. Теперь речь шла о том, чтобы человек, которого мир не выбрал, мог подтвердить своё существование вне чужой памяти.

— Не сейчас, — сказала Рита, заметив мой взгляд.

— Я ничего не делаю.

— Вот и хорошо. Это твоё самое редкое достижение за сегодня.

Я убрал телефон.

На экране тут же появилось ещё одно уведомление. Оно было не от «СвойГород». Отправителем значился городской архив — отдел, в котором мы работали до того, как его объявили несуществовавшим.

«НАЗНАЧЕНА ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ КОРРЕКЦИЯ. ИСПОЛНИТЕЛЬ: С. А. ЛАЗАРЕВА. СРОК: БЛИЖАЙШЕЕ ОКНО 03–17».

Это я уже знал.

А вот следующую строку — нет.

«ОБЪЕКТ КОРРЕКЦИИ УТОЧНЁН: НЕ ТИХОН ЛАЗАРЕВ. ОБЪЕКТ — ПЕРВЫЙ ВЫБОР ТИХОНА ЛАЗАРЕВА».

Под строкой появилась фотография.

Лифт двенадцатилетней давности. Шестнадцатилетний я стою на площадке. Соня держит створку. Ребёнок в жёлтой куртке тянется ко мне.

Только теперь я увидел, что с другой стороны кабины кто-то тоже держит её дверь.

Человек был почти скрыт тенью. На руке у него блестело обручальное кольцо с чёрной полосой.

И этой рукой он подталкивал ребёнка ко мне.

Внизу под снимком стояла подпись, сделанная почерком моего отца:

«НЕ ПЕРЕПУТАЙ ТЕХ, КТО ПРОСИЛ СПАСТИ, С ТЕМИ, КТО ПОДСТАВИЛ ПОД СПАСЕНИЕ».

Я почувствовал, как Рита схватила меня за плечо.

— Тихон?

На фотографии моя сестра повернула голову.

Из тени за её спиной вышла женщина в мокром тёмном пальто.

У неё снова не было рта.

Она медленно подняла палец и указала не на мальчика.

На меня.

ГЛАВА ПЯТАЯ
СПИСОК ТЕХ, КОГО НЕ ВЫБРАЛИ

Женщина на фотографии указала на меня.

Не на шестнадцатилетнего мальчишку в школьной куртке, не на ребёнка в жёлтом и даже не на мою сестру, которая держала створку лифта. На меня — двадцативосьмилетнего, промокшего, официально мёртвого муниципального служащего, сидящего на пассажирском сиденье машины.

Я проверил самый вероятный вариант: что после сегодняшнего дня окончательно сошёл с ума. К сожалению, у фотографии был собственный аргумент.

Палец женщины передвинулся следом за моей головой.

— Рита, — сказал я. — Скажи, что это плохая анимация.

Рита не ответила. Она вытащила телефон из моей руки, положила его на приборную панель и очень медленно отодвинула водительское сиденье.

На экране палец проследовал за ней.

— За тобой тоже следит, — произнёс я.

— Нет. — Она потянула меня за рукав, чтобы я пересел ближе к двери. Палец переместился обратно. — Следит за тем местом, где находишься ты. Не за людьми вокруг.

На заднем сиденье Мирон закрыл ладонью красную сем-

надцатку.

— Выключите, — попросил он.

— Знаешь эту женщину? — спросила Рита.

— Я знаю, как она смотрит. Этого достаточно.

Я перевернул телефон экраном вниз.

Из динамика раздался звук металлической дверцы. Один щелчок. Второй. Потом мой собственный голос — только какой-то уставший, с хрипотцой, которой у меня ещё не было:

— При выборе не учитывались возражения.

Связь оборвалась. Телефон потух, хотя заряд показывал шестьдесят восемь процентов.

Шестнадцать тридцать три.

До ближайшего окна оставалось десять часов сорок четыре минуты. В Северине этого хватало, чтобы построить торговый центр, снести его, объявить, что торговых центров никогда не существовало, и взыскать с жильцов задолженность за парковку.

— Никому не отправляй снимок, — сказала Рита.

— Уже не могу. Он исчез.

Она посмотрела на меня так, как смотрят на человека, который обнаружил гранату и первым делом пожаловался на неисправный запал.

— Снимок мог быть получен системой извне. Если отправишь кому-то копию, подставишь адресата.

— Я не отправлял.

— Хорошо. Зафиксируй всё, что видел, словами. На бу-

маге. Не делай выводов.

Я открыл блокнот. Сначала записал время, затем движение пальца, фразу и факт, что на чёрнополосном кольце в тени не удалось разобрать руку. Потом добавил: «Женщина с отсутствующим ртом указывает на текущего Тихона. Причина неизвестна».

Мирон наклонился вперёд.

— Вы забыли одну вещь.

— Какую?

— Она не показывала, кого надо спасать. Она показывала, кто уже согласился.

Мой карандаш остановился.

— Я ни на что не соглашался.

— Вот поэтому она и злится.

. . .

В шестнадцать сорок одна парковку больницы № 4 перекрыли три белых микроавтобуса.

На бортах было написано: «ГОРОДСКАЯ СЛУЖБА НЕПРЕРЫВНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ». По моему опыту, учреждения с подобными названиями обычно создавали для того, чтобы прекращать обслуживание в самые неподходящие моменты.

Из первой машины вышла женщина в плотном сером плаще. В левой руке она держала тонкую стальную папку, в правой — трость с прорезью вместо набалдашника. Двое сотрудников выгрузили длинные складные стойки с зеркаль-

ными пластинами. Из второго автобуса вынесли катушку ленты шириной с ладонь и переносной принтер на колёсах.

Третий автобус открыл задние двери.

Там были пустые носилки с ремнями. Над каждой висела бирка «ДО УСТАНОВЛЕНИЯ СТАТУСА».

— Не нравится мне эта служба доставки, — сказал я.

— Не подходи, — ответила Рита.

Она уже звонила Дарье. За стеклом больничных дверей мелькнула медицинская форма, потом появилась сама Дарья Котова, с волосами, собранными карандашом, и лицом врача, которого только что предупредили о новой проверке в конце очень плохой смены.

— Пациентов из спортзала не выдавать без бумажного основания, — сказала Рита в телефон. — И не переносите их к окнам. Внешняя группа может сравнивать силуэты.

Дарья что-то спросила.

— Нет, я не знаю, как именно. Но они выгружают зеркала. Лучше перестраховаться.

У дверей третьего автобуса появился мужчина с коротко стриженной головой и бинтом на правой кисти. Он проверил крепления носилок, поморщился и пошёл к нам, не ускоряя шага.

— Орлова? — спросил он.

— Зависит от цели обращения.

— Старший инспектор внешней сверки Олег Сергеевич Бессонов. — Он показал жетон, бумажный, заламинирован-

ный с обеих сторон. — Нам необходимо принять носители обращения из квартала VII и установить лиц, осуществлявших передачу.

— Обращение зарегистрировано Дарьей Котовой под входящим номером, — сказала Рита. — Вы можете получить копию через канцелярию.

— Мне нужна не копия.

Бессонов протянул руку за диктофоном, торчавшим из кармана её куртки.

Рита даже не повысила голос.

— Вытянете руку ещё на пять сантиметров — получите заключение травматолога. Здесь у нас его оформляют быстро.

Он остановился. Смотрел не на диктофон, а на её плечи. Люди, знакомые с тяжёлой атлетикой, иногда умеют распознавать опасность до того, как она начнёт двигаться.

— Мне не нужны ваши вещи ради любопытства, — сказал инспектор. — На кассете могут быть голоса, не поддерживаемые текущей редакцией. Их прослушивание вне защищённого контура опасно.

— А прослушивание вами — безопасно?

— Нет. Но у меня для этого допуск.

Я бы поспорил о разнице между безопасностью и допуском, если бы не заметил, что на зеркальных стойках выступают силуэты. Сотрудники ещё не включили аппаратуру, а пластины уже отражали людей, которых на парковке не бы-

ло. Женщину с коляской, пожилого мужчину в трамвайной фуражке и девочку с красным рюкзаком.

Варю.

Она стояла на отражённой стороне стойки перед домом, которого в нашем городе не существовало. Держала в руках листок из школьной тетради.

— Рита, — прошептал я.

— Вижу.

Из первого микроавтобуса подошла женщина в плаще.

— Нам не следует давать людям смотреть на экран до изоляции, Олег Сергеевич, — сказала она. — Особенно тем, у кого уже есть допуск к расхождениям.

Её голос напоминал звук тонкой металлической линейки, которую проводят по кромке стола.

— Таисия Львовна Веденеева, — представилась она. — Руководитель архивной комиссии внешней сверки. Господин Лазарев, прошу не двигаться.

— Смотря где стою. В реестре я вообще лежу.

Её не заинтересовала шутка. Она подняла трость, и прорезь на её конце на секунду совпала с моим лицом.

Появилась тонкая красная линия — от нижней губы до подбородка.

Я отшатнулся. Линия поползла по воздуху следом, удерживаясь на расстоянии вытянутой руки.

— Объект непрерывно не подтверждён, — произнесла Веденеева. — Сверка личного статуса отложена. Сопутствую-

щие лица подлежат предупреждению.

Бессонов быстро опустил её трость.

— Не на открытой площадке, — сказал он. — Здесь гражданские.

— Гражданские — причина, по которой мы здесь.

Это был первый момент, когда мне стало ясно: они не одно чудовище с одинаковыми служебными удостоверениями. И потому они опаснее. Одни исполняли распоряжения, другие следили, чтобы распоряжения можно было исполнить, а кто-то ещё пытался не допустить, чтобы они задели посторонних.

Но все трое уже стояли у больницы.

— Вы получили наши возражения? — спросила Рита.

— Получили, — ответила Веденеева. — Именно поэтому начали расширенную сверку.

Она раскрыла стальную папку.

В ней лежала пачка листов, стянутая красной лентой. На верхнем было напечатано:

«СПИСОК ТЕХ, КОГО НЕ ВЫБРАЛИ. ОПЕРАЦИЯ 03–17. ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ВЕДОМОСТЬ».

Рядом с названием стоял штамп: «СПАСЕНЫ ВСЕ».

Я пересчитал строки, которые успел увидеть. Двадцать семь имён. Некоторые были напечатаны дважды. У одного вместо фамилии стояло слово «мальчик».

— При чём здесь квартал семь? — спросил я.

— При том, — ответила Веденеева, — что вы прислали

нам людей, которых мы не запрашивали. А завтра настанет очередное окно допуска. До него нужно выяснить, кто имеет право оставаться в сводке о спасённых.

— А остальные?

Она закрыла папку.

— Остальные не входили в утверждённый объём спасения.

Мне захотелось найти человека, который придумал эту формулировку, и на час отправить его поработать санитаром в шестое крыло.

— Это живые люди, — сказал я.

— Я знаю. — Веденеева смотрела прямо на меня. — Поэтому и прошу не мешать процедуре.

. . .

Галина Аркадьевна Руденко появилась на парковке без сопровождения.

Вместо серого пиджака на ней был больничный халат, надетый поверх рубашки. На запястье всё ещё белела медицинская бирка, которую она не снимала после прошлой смены. Я поймал себя на мысли, что человек, руководящий Комитетом непрерывности, должен хотя бы иногда получать возможность сходить домой. С другой стороны, судя по всему, Комитет вообще не одобрял существование домов, которые нельзя внести в отчёт.

— Кто санкционировал внешний пересчёт? — спросила Руденко, увидев аппаратуру.

Веденеева протянула ей копию приказа.

Руденко дочитала до нижнего поля. Лицо у неё стало неподвижным.

— Это не моё распоряжение.

— Стандартная реакция, — согласилась Веденеева. — Подписант указан: «Объединённый протокол при угрозе некомплектности спасённых». Ваша резолюция не требуется.

— Наша система приостановила пересчёт квартала до окна.

— Вашего квартала. — Веденеева кивнула на больницу. — Мы не пересчитываем квартал. Мы сверяем результаты операции по сохранению города. Это другой предмет.

Рита взяла приказ из рук Руденко и осторожно провела ногтем по углу. Там была выпуклая печать с двумя стрелками, одна указывала вверх, другая вниз.

— «Спасены все», — прочла она. — Это результат или команда?

— Протокол, — ответила Веденеева.

— Тогда укажите дату, на которую это утверждение проверялось.

— В любой действующей редакции.

— Значит, ни на одну конкретную дату у вас нет подтверждения?

Веденеева улыбнулась одними губами.

— Боюсь, вы неверно понимаете устройство нашего учёта.

— Возможно, — сказала Рита. — Поэтому я задаю вопросы. Вы пока не ответили ни на один.

Из-за стеклянных дверей донёсся детский плач. Дарья появилась в фойе и подняла руку, подзывая Руденко.

Та взглянула на стойки.

— Немедленно прекратить отражение больничного корпуса.

— Невозможно, — ответила Веденеева. — Поле запущено.

— Это распоряжение руководителя Комитета.

— А расширенная сверка находится над вашим уровнем доступа. Галина Аркадьевна, вы прекрасно знаете, зачем.

Руденко промолчала.

На зеркале возле лестницы появилась ещё одна фигура. Другая Ксения — та, у которой не было повязки и которая вышла из больницы с ребёнком. В отражении она стояла спиной к нам и стучала в глухую дверь. С каждым ударом соседний прямоугольник над входом в шестое крыло становился белее.

— Ваше оборудование соединяет события, которые мы специально развели по сторонам шлюза, — сказала Дарья, выйдя под дождь. — Немедленно уберите это с территории больницы.

— Мы лишь показываем текущую ведомость, — сказал

Бессонов.

— Я врач. Мне достаточно одного человека, который начинает исчезать от вашего «показа».

В этот момент свет за окнами спортзала погас. Секунду спустя снова загорелся.

В отражении я увидел Катю. Девочку, которая в больнице сама принесла ключ, чтобы мы успели провести людей в спортзал. Она смотрела на бирку на своей руке. С неё медленно пропадало имя.

Дарья бросилась внутрь.

— Катя! — позвала Рита.

Девочка подняла голову.

И спросила у врача, как её зовут.

. . .

Тот, кто первым назвал страшное своим служебным именем, оказался Бессонов.

— Перенос статуса, — произнёс он, глядя на пустую бирку в зеркале. — Протокол уже забирает подтверждения тех, кто одновременно числится в двух ведомостях. Мы обязаны установить, какая из них действующая.

— Девочку зовут Катя, — сказала Рита. — Это и есть действующее подтверждение.

— Вашего слова не хватит.

— Тогда идём искать остальные. Не мешайте.

Она отодвинула инспектора плечом и побежала к дверям. Мне оставалось последовать за ней. Сзади зашуршали зеркальные стойки: сотрудники Комитета поворачивали их так, чтобы серебряные поверхности отражали фасад больницы целиком.

В спортзале пахло мокрыми одеялами, гречневой кашей и болезнью. Шестнадцать спасённых нами людей не выглядели как победа. Они выглядели как люди после эвакуации. Кто-то спал, кто-то ждал новостей, кто-то впервые за несколько часов осмелился есть. Младенец в руках здоровой Ксении беспокойно сопел. Возле матов стояла Дарья и держала за локти Катю.

На бирке девочки осталось только отчество.

— Я не забываю себя, — говорила Катя. — Просто когда хочу сказать имя, оно как будто не моё. Можно мне другое?

Рита присела перед ней.

— Как ты себя называла час назад?

Катя попыталась ответить. Губы шевельнулись, но голос не прозвучал.

— Ты открывала для нас спортзал, — сказала Рита. — Помнишь?

Девочка кивнула.

— Ключ был вот такой, — она показала пальцами размер. — С синим шнурком.

Дарья достала из кармана ключ. Синий шнурок был завязан узлом, который я видел в момент, когда Катя отдала

его врачу. В журнале выдачи ключей оставалась бумажная запись её рукой, сделанная до отражения зеркал.

— Вот материальный след, — сказала Рита. — А я помню, как она пришла к нам, когда мы не могли открыть дверь. Дарья, у вас карта?

— Есть две. На обеих разный возраст. Но имя одинаковое.

— Принесите.

Я смотрел на бирку, ожидая, что появится знакомая рамка Акта расхождения. Ничего не произошло. Мир не считал эту проверку моим Правом. Мне стало почти обидно: я впервые за день делал что-то полезное без предложения отдать память об очередном близком человеке, а он даже не счёл нужным выдать уведомление.

Дарья принесла карточки. В одной Катя была двенадцатилетней, в другой — четырнадцатилетней. На обеих имелась подпись матери, но женщины, подписавшие карты, были разными.

— Это не две версии ребёнка, которые можно сложить, — тихо сказала Дарья. — Это одна девочка с разными жизнями. Не ставьте одну карту поверх другой.

Рита кивнула. Разложила карты на расстоянии, рядом — ключ и запись в журнале.

— Мы не выбираем, какой возраст у неё правильный, — сказала она. — Мы подтверждаем, что сейчас перед нами человек, который принёс этот ключ. У него есть право называться так, как он сам себя называет.

— А как я себя называю? — прошептала девочка.

— Я не стану говорить вместо тебя. Могу сказать, как звали тебя мы.

Катя посмотрела сначала на Риту, потом на две карты, затем на ключ.

— Катя, — произнесла она.

Имя вернулось на бирку по одной букве. Не возраст, не фамилия, не загадочная графа «исход»: только четыре буквы, написанные неровно, как детской рукой.

На парковке завыла сирена.

Зеркало за окном побелело, но не погасло.

Дарья выдохнула и прижала к груди журнал.

— А теперь идите, — сказала она. — Я не смогу удерживать всё крыло, если им вздумается сверить всех шестнадцать.

— Девять за шлюзом? — спросил я.

— Без изменений. — Врач помедлила. — Я слышала стук из технической вентиляции в шестнадцать двадцать восемь. Три удара и пауза. Это мог быть персонал, механизм или кто-то из девяти. Мы продолжаем передавать сигнал. Открывать дверь без расчёта не стану.

Она сказала это резко, словно боялась, что я попрошу немедленно ломать шлюз. Боялась справедливо.

Я вынул из кармана список девяти оставшихся. Бумага за день истрепалась на сгибах. Напротив имени Ксении с повязкой всё ещё стояло «СОСТОЯНИЕ НЕ УСТАНОВЛЕНО».

— Я помню, — сказал я.

— Помнить недостаточно, — ответила Дарья. — Но без этого вообще нечего начинать.

. . .

В семнадцать ноль пять Руденко закрыла перед зеркалами больничные двери.

Сделала она это не силой мысли и не сверхсекретной печатью. Просто подошла к Бессонову и велела поставить два живых поста в тамбуре, сославшись на правила инфекционного контроля.

— С людьми, которые могут попасть под категориальную изоляцию, у вас контакт только через врача, — сказала она.

Веденеева немедленно нашла возражение:

— Возражение администрации здания не отменяет ведомственный акт.

— А медицинскую тайну не отменяет даже ваш ведомственный акт. И уж точно он не позволяет вам прослушивать пациентов без их согласия. В следующий раз пришлю инфекциониста с анализами, и вам станет ещё веселее.

Руденко говорила спокойно. Я понял, почему у неё так мало свободных вечеров.

Мы устроились в узкой комнате для хранения каталок. Мирон сидел на закрытом ящике для стерильного белья и выглядел так, будто только сейчас вспомнил, что ему девять

лет, а не девятьсот. Рита поставила между нами диктофон. На кассете было шесть минут свободного места. Она отметила это отдельно.

Руденко положила перед нами копию списка.

— Я могу дать вам сорок минут, — сказала она. — Потом Веденеева добьётся допуска к больничной сети, даже если придётся оформить весь этаж как зону несовместимых исходов. Защита пациентов не будет держаться на моём распоряжении вечно.

— Чего она хочет? — спросил я.

— Чтобы на завтра осталось одно непротиворечивое число спасённых.

— Шестнадцать здесь и девять там дают двадцать пять, — сказал я. — Странно требовать одно число, когда люди не могут даже находиться в одной комнате.

— Вы не слышите. Число — не результат подсчёта. Число определяет, кого будут считать.

Рита перевернула лист.

На обороте было два столбца. В левом — «ПРИНЯТЫЕ В РЕЗУЛЬТАТ». В правом — «НЕ ПОДЛЕЖАЩИЕ УЧЁТУ ПО ДАННОЙ РЕДАКЦИИ».

Напротив нескольких фамилий правый столбец был перечёркнут карандашом. Но не вычеркнут: линия означала, что человека уже не нужно учитывать как отдельного. В одном месте стояла запись «две Ксении — один случай». В другом — «квартал VII: согласие предполагается по факту нахожде-

ния».

— У них есть хоть одно добровольное согласие? — спросила Рита.

— Три, — ответила Руденко. — Вы сами привезли три обращения. И ещё опись тех, кто не согласен раскрывать себя. Наша проблема в том, что автоматический протокол воспринимает любой подписанный документ как согласие быть сравниваемым.

— Варя соглашалась свидетельствовать о своём вчерашнем дне. Не давала согласия, чтобы её поставили на весы с какой-нибудь другой девочкой.

— Согласна.

— Пекарь согласился говорить о хлебе. Не о семье.

— Я читала его обращение.

— Женщина с деревом не назвала себя. Это была граница, а не лазейка.

— И это указано в вашей описи.

— Тогда почему они есть в списке?

Руденко потрогала белую бирку на запястье. Похоже, делала так всякий раз, когда хотела сказать больше, чем имела право.

— Потому что первые версии протокола составлялись в эпоху, когда согласие вообще не спрашивали. Людей делили на спасённых и не спасённых, а тех, кто не входил ни туда ни сюда, называли статистической погрешностью. Потом мир стал сложнее. Слова оставили прежними.

— Зачем? — спросил Мирон.

Она посмотрела на него.

— Потому что слова легче сохранить, чем объяснить каждый раз, сколько людей пострадало ради них.

Я заметил у Руденко на правой ладони тонкий старый шрам. Она держала её так, словно боялась прикоснуться к бумаге.

— Значит, надо доказать, что сводка «Спасены все» ложная, — сказал я. — Не вообще, а на конкретных людях.

— Если представите безупречно оформленный случай, который ведомость исключает и который нельзя отнести к дубликату, — ответила Руденко, — протокол обязан отозвать автоматическое согласование. Не отменить все коррекции, не вернуть уже стёртых, а остановиться для расследования.

— Где первоисточник?

Она молчала так долго, что я успел придумать три способа, которыми нас могут сейчас арестовать.

— В доме городского архива, — сказала наконец. — Под старым дворцом торжественных событий, где находился ваш отдел. Там хранят не списки спасённых. Там хранят списки тех, кому не предложили выбрать.

У меня сжалось горло. Мы уже были в этом здании, отыскали блокнот Максимова, старую кружку, доказательство авторства первичного расхождения. Оказывается, самый нужный документ находился этажом ниже.

— Почему вы не сказали раньше?

— Потому что доступ к нему открывается только при внешней сверке. — Руденко взглянула на список. — И потому, что я надеялась никогда больше не увидеть этот архив открытым.

— Прекрасная практика, — заметил я. — Положить пожарный выход в подвал и держать ключ у пожара.

Она не улыбнулась.

— У вас есть выбор. Можете остаться здесь и защищать тех, кого уже спасли. Или попробовать доказать, что в списках есть люди, о которых никто не спросил. Но тогда Веденеева будет преследовать вас не потому, что она злодейка. Она убеждена: если допустить в город каждую невыбранную жизнь, нынешний город не выдержит.

— А вы что думаете?

— Думаю, не выдержит. — Руденко посмотрела мне в глаза. — И ещё думаю, что нельзя бесконечно чинить мир, выдавая чужое молчание за согласие. С этими двумя мыслями я работаю последние двенадцать лет.

Рита выключила диктофон.

— Это были неофициальные пояснения? — спросила она.

— Да.

— Тогда нам нужен официальный пропуск. С вашей подписью. Не ради Тихона, ради независимого ознакомления с документом, на котором строится процедура.

Руденко достала печать, поставила её на чистом листе и

дописала от руки два имени: «Маргарита Павловна Орлова» и «Тихон Андреевич Лазарев».

У второго она зачеркнула слово «сотрудник» и написала «заинтересованное лицо».

— Мой статус мертвеца никого не смущает? — спросил я.

— Меня — ужасно. Но бумага юридически аккуратнее, чем упрямство вашей системы.

— А Мирон? — спросила Рита.

Мальчик поднял голову.

— Я могу остаться у Дарьи. Вы меня спросили, я отвечаю. Я не хочу, чтобы опять записывали моё имя в списке.

Я хотел возразить, потому что мне было страшно оставлять его там, где люди с зеркалами уже искали адресата. Потом вспомнил почтовую арку и его право решать за себя.

— С Дарьей безопаснее, чем с нами, — сказал я.

— Это очень низкая планка, — заметила Рита.

Мирон едва заметно улыбнулся.

Руденко выдала ему бумажную карточку с надписью «ВРЕМЕННАЯ НЕРАЗГЛАШАЕМАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ». Без имени. К карточке была прикреплена копия возражения, произнесённого им у почтовой арки. Это не делало его невидимым для протокола, но запрещало оформлять изъятие без индивидуального рассмотрения.

— Я не обещаю вам безопасности, — сказала она мальчику. — Обещаю, что ваше возражение будет лежать на столе у каждого, кто попробует вас забрать.

— А если они не умеют читать? — спросил Мирон.

— Тогда позовите врача. Она умеет кричать.

Дарья, стоявшая в дверях, сообщила, что это самое точное описание её квалификации за весь день.

. . .

Мы вышли с другой стороны больницы, через погрузочную рампу.

В семнадцать двадцать три Северин выглядел так, будто ни один из его жителей ещё не узнал, что его жизнь могут завернуть в бумажный пакет с пометкой «не требуется». На дороге стоял автобус с поломанной дверью. У киоска спорили два школьника. Устаревший рекламный экран предлагал ипотеку тем, кто мечтает о стабильности.

Мы шли к машине, когда на телефоне Риты появилось уведомление.

«Гражданка Орлова М. П., вы уведомлены о проведении внешней сверки. Срок явки: немедленно. Неявка будет истолкована как отсутствие возражений».

— Поздравляю, — сказал я. — Тебя теперь принудительно приглашают никуда не приходить.

Она не открыла уведомление.

— Явка куда? — спросила она.

Вместо адреса пришло фото. На нём стояла она сама, с порезом над правой бровью, перед воротами коммутацион-

ного проезда. В руке держала оборванную кассетную ленту.

Я ждал, что Рита испугается. Она испугалась. Но сделала с этим то, что всегда делала с плохими новостями: превратила страх в действие.

— Они пытаются считать меня и ту женщину одним регистрационным случаем, — сказала она. — Значит, могут навязать одной из нас согласие другой.

— Её согласие у нас не записано.

— Тем более. — Она достала карандаш. — Если меня будут задерживать, ты не выбираешь, какую Риту они должны оставить. Ты спрашиваешь обеих, и только после этого действуешь. Если меня не будет рядом — всё равно спрашиваешь.

Я кивнул.

— Ты понял? — спросила она.

— Понял.

— Повтори.

— Никаких обменов Ритами без согласования с каждой Ритой. Протокол обновлён.

— Вот за это мне иногда хочется тебя обнять. И тут же — уволить.

Она открыла багажник, взяла запасную кассету, фонарь и обычную верёвку для перевозки мебели. На мой вопрос, зачем верёвка, ответила:

— На случай, если понадобится связать что-то реальное с чем-то реальным. Предпочитаю иметь приспособление, не

требующее подписки на магию.

Мы успели проехать два квартала, прежде чем увидели первый чёрный автомобиль.

Он ехал за нами без спешки. Затем появился второй. Сверху под дождём прошелестела длинная полоска бумажной ленты, как будто кто-то из облаков печатал чек.

На ней было написано: «СЛЕДОВАТЬ В МЕСТО СВЕРКИ. ПЕРСОНАЛЬНАЯ УЧАСТЬ ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТА».

— В каком месте? — спросил я.

— В том, где мы будем, когда они нас догонят, — ответила Рита.

Она свернула под старый железнодорожный мост, и мы увидели впереди белый микроавтобус с зеркальными стойками.

Нас ждали.

. . .

В обычном городе засаду устраивают с помощью автомобилей. В Северине автомобили были необязательны: достаточно поставить зеркало в таком месте, где водитель вынужден увидеть себя принимающим неправильное решение.

На первой пластине Рита врезалась в автобус. На второй мы остановились, вышли и спокойно позволили себя связать. На третьей автомобиль вообще не появился из-под мо-

ста: его проезд давно отменили.

— Не смотри, — сказала Рита.

— Я за дорогой слежу.

— Там нет дороги. Они предлагают тебе варианты.

Я закрыл глаза, но не потому, что поверил в полезность этого поступка. Просто на четвёртой пластине увидел, как Рита лежит за рулём с закрытыми глазами, а я выбегаю через пассажирскую дверь, чтобы позвать на помощь. В отражении над её бровью был порез.

Тот самый.

Я потянулся к дверной ручке.

— Тихон!

Рита ударила по тормозам. На асфальте хрустнуло что-то длинное. Машину тряхнуло, и мы остановились в трёх сантиметрах от зеркальной стойки.

Снаружи раздался крик сотрудника.

— Водитель, заглушить двигатель! Вы въехали в поле активной сверки!

— Я в него не въехала, — отозвалась Рита сквозь стекло. — Я его немного подвинула. Доставайте акт повреждения имущества.

На мосту лежала лента, оторванная нашей машиной от катушки. Её бумажные петли шевелились, выбирая, какую часть дороги зацепить следующей. Двое людей в форме бежали к нам, переступая через свои отражения, которые не всегда повторяли движения оригиналов.

Из-за микроавтобуса вышел Бессонов.

— Заглушите двигатель, — повторил он. — Мы предупредили вас о сверке. Ваше уклонение спровоцирует автоматическое сопоставление.

Рита опустила стекло на два пальца.

— Есть законное требование задержать меня?

Он показал ей короткий лист с печатью.

— «Доставить гражданку М. П. Орлову на пункт подтверждения». Подпись есть?

— Автоматическая.

— Тогда пусть ваш автомат покажет удостоверение.

Бессонов раздражённо выдохнул. Впервые он показался не страшным, а изможднным человеком, которого заставили останавливать машинистов по указаниям самих поездов.

— У вас есть двойник на коммутационном проезде, — сказал он. — Если его не отделить от вас, система примет вас за одну единицу учёта. Я пытаюсь не допустить этого.

— Изоляцией на носилках?

Он не ответил.

Я развернул бумагу Руденко и прижал к стеклу.

— У нас официальное направление к первичному списку, — сказал я. — Руденко подписала.

Он прочитал первые строки.

— Вам не пройти. Дом архива уже включён в маршрут сверки. Веденеева перехватит вас у входа.

— Вы предупреждаете или угрожаете?

— Указываю обстоятельства, — сказал инспектор. — Так меня учили, пока на нашей работе ещё различали эти слова.

Лента над капотом вдруг натянулась. В зеркале справа появилась женщина с порезом. Вторая Рита стояла у машины по ту сторону металлического ограждения и поднимала оборванную кассету.

— Ты здесь? — выдохнул я.

— Нет, — сказала Рита рядом со мной. — Отражение не даёт права решать, что она здесь. Спросим, когда сможем.

Вторая подняла руку, и по ленте на мосту прокатилась надпись: «ДОБРОВОЛЬНОГО СОГЛАСИЯ НЕ ДАВАЛА».

Бессонов увидел её одновременно с нами. Лицо его изменилось.

— Кто передал возражение? — спросил он.

— Пока никто, — ответила Рита. — Но, кажется, ваша процедура добралась до человека, которого вы не собирались слушать.

Женщина в зеркале прижала к стеклу ладонь. На ней были чёрные следы магнитной ленты. Затем приложила кассету к уху, словно пыталась что-то расслышать. Мы не услышали ничего.

Зеркало дёрнулось.

В отражении возникла вторая женщина — не Рита. Девятнадцатилетняя девушка с красным шарфом и серебряной звездой в волосах. Сестра держала правой рукой чёрную полоску, похожую на ремень. На пальце блестело отцовское

кольцо с чёрной полосой.

— Соня, — сказал я.

Рита больно сжала мне запястье.

— Не при записи!

Было поздно.

Один из сотрудников поднял на нас камеру. На её экране за моей спиной появились зачёркнутые даты. Четыре, потом девять, потом семнадцать.

Соня посмотрела в объектив.

Стойка разломилась не от удара. На ней просто перестал действовать факт, что два отражения могут смотреть друг на друга одновременно. Стекло покрылось сеткой трещин, а лента на мосту свилась в тугой узел.

Бессонов отшатнулся, закрывая лицо перевязанной кистью. Один из сотрудников упал, ударившись о бордюр. Второй застыл посреди дороги, потому что его ноги в реальности стояли на асфальте, а в зеркале уже переступали на тротуар.

Я рванулся к нему.

— Не трогай! — сказала Соня.

Её голос раздался из всех металлических поверхностей вокруг, от бампера до перил моста.

— Я могу помочь!

— Тогда сначала научись не становиться дверью!

Она взмахнула чёрной полоской. Зеркальная стойка окончательно погасла. Сотрудник рухнул на колени, живой, ис-

пуганный, с кровью из носа.

Бессонов подбежал к нему.

Второй двойник Риты исчез из серебряной поверхности. Не растворился, не умер — просто там больше не было окна, через которое мы могли её видеть.

На секунду я разозлился на Соню сильнее, чем на людей с зеркалами. Она прервала единственный доступный нам контакт.

— Зачем? — крикнул я.

Сестра стояла по ту сторону разбитой пластины. На этот раз не в отражении — на мосту, в трёх метрах. Дождь падал на её шарф и исчезал раньше, чем успевал намочить ткань.

— Они считывали твою сестру, — сказала она Рите, не глядя на меня. — Следующим отражением стала бы та, что умерла на проезде. У ваших двух исходов появился бы один выход. Тот, который не выбрала ни одна из вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.